НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(историографические и источниковедческие аспекты)

Часть І

МИШЕЛЬ ЛЕЗЮР. ФРАНЦИЯ И КАВКАЗ В ЭПОХУ ШАМИЛЯ В СВЕТЕ ДОНЕСЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ КОНСУЛОВ

УДК — 930(470.6) ББК – 63.1(235.7) H – 30

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Руководитель научного проекта, составитель, редактор и автор вступительной статьи Дзамихов К.Ф.

Народы Северного Кавказа в европейской культуре и обще-Н – 30 ственном сознании (историографические и источниковедческие аспекты).

ISBN 978-5-91766-109-4

Часть І. Мишель Лезюр. Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов / руков. науч. проекта, сост., ред. и автор вступительной статьи $K.\Phi$. Дзамихов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 180 с.

ISBN 978-5-91766-110-0 (ч. 1)

Серия «Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты)» объединяет малоизвестные нарративные источники, научные работы и политическую публицистику европейских авторов XIX–XX веков, посвященные народам региона.

Часть I посвящена процессам активного противоборства Российской империи, Османской Турции, Франции и Англии за установление своего влияния в Черкесии в первой половине XIX века. «Черкесский вопрос» в этих условиях актуализировался и стал составным элементом восточного вопроса в международной политике. Публикация основана на донесениях французской консульской службы, которые, в отличие от разнообразной английской дипломатической документации, мало используются в отечественном кавказоведении. Вводятся в научный оборот материалы французского историка-архивиста Мишеля Лезюра «Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов». Они содержат обзор документов французских консульств из Турции, России и черноморского побережья Кавказа, извлеченных из архива МИД Франции. Анализ французской консульской корреспонденции позволяет увидеть, что политическое влияние и интерес официальных кругов Франции к кавказскому региону, в том числе Черкесии, были традиционно слабыми в отличие от Англии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и политической культурой народов Кавказа.

В оформлении обложки использован фрагмент карты «Крым и Кавказ с частью Черного и Каспийского морей». Карта гравирована и напечатана в Дублине в 1872 году. (http://territa.ru/load/2-1-0-4422).

ISBN 978-5-91766-109-4 ISBN 978-5-91766-110-0 (ч. 1)

> © КБИГИ, 2015 © Дзамихов К.Ф., составление, вступительная статья, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

NORTH CAUCASUS PEOPLES IN EUROPEAN CULTURE AND PUBLIC CONSCIOUSNESS

(historiographical and source study aspects)

Part I

MICHEL LESURE.
FRANCE AND CAUCASUS
DURING SHAMIL'S ERA IN THE LIGHT
OF REPORTS OF THE FRENCH CONSULS

UDK – 930(470.6) BBK – 63.1(235.7) N – 30

There are published according to the decision of the Scientific Council of The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

The head of the scientific project, the compiler, editor and author of the introductory article **K.F. Dzamikhov**

North Caucasus peoples in European culture and public N=30 consciousness (historiographical and source study aspects).

ISBN 978-5-91766-109-4

Part I. Michel Lesure. France and Caucasus during Shamil's era in the light of reports of the French consuls / the head of the scientific project, the compiler, editor and author of the introductory article K.F. Dzamikhov. – Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. – 180 p.

ISBN 978-5-91766-110-0 (p. 1)

Series «North Caucasus peoples in European culture and public consciousness (historiographical and source study aspects)» comprises less known narrative sources, political writings and scholarly works of European authors of XIX–XX centuries dedicated to the study of the peoples of the region.

The first part is devoted to the processes of an active confrontation of Russian Empire, Ottoman Turkey, France and England for influence in Circassia in the first half of the XIX century are presented. In such conditions «Circassian question» is actual and becomes the element of Eastern question in international politics. Publication is based on the reports of the French consular service which unlike the English diplomatic documentation is used rarely. Our aim is to present the materials of the French historian «Michel Lesure France and Caucasus in the era of Shamil». It contains review of the documents of the French consulates from Turkey, Russia and Caucasus extracted from the archive of the French Foreign Ministry. The analysis of the French consular correspondence shows that political influence of France was traditionally weaker than of England.

The book is addressed to researchers, teachers, students and anyone interested in history and political culture of the peoples of the Caucasus.

In the designing of the book cover is used map fragment «Crimea and the Caucasus with a part of the Black and Caspian seas». Map engraved and published in Dublin in 1872. (http://territa.ru/load/2-1-0-4422).

ISBN 978-5-91766-109-4 ISBN 978-5-91766-110-0 (p. 1)

ФРАНЦУЗСКАЯ КОНСУЛЬСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЧЕРКЕСИИ XIX ВЕКА

Продвижение России на Кавказ способствовало формированию пристального внимания к данному процессу официальных кругов ведущих европейских держав и, соответственно, западноевропейской историографии. Последняя включает в себя разнообразные публикации с первой половины XIX века, позволяющие раскрыть международные аспекты истории кавказского региона. Данная работа ставит своей целью введение в широкий научный оборот новых источников, характеризующих политику Франции по отношению к Черкесии, Грузии и, в целом, к Черноморскому побережью Кавказа в 1820–1860-х гг. В этом плане несомненный интерес представляет труд французского историкаархивиста Мишеля Лезюра «Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов» (Париж, 1978 г.) [1].

Мишель Лезюр – историк, специалист по османскому миру, отношениям между Венецией и Турцией XVI в., франко-османским связям в эпоху религиозных войн, в равной степени интересовавшийся Россией, в частности, революционными движениями конца XIX в. Старший преподаватель Высшей практической школы в 1970-х гг., где руководил семинаром «История взаимоотношений Европы и Востока XVI–XVIII вв.».

М. Лезюр в свое время сделал определенный вклад в процесс научного изучения России во Франции. Достаточно отметить, что, начиная с 1960-х гг. французский исследователь провел ряд интенсивных разысканий по российской истории в Архивах Министерства иностранных дел, Национальном архиве и архиве Министерства обороны. В 1963 г. вышла его работа, систематизирующая материалы российской истории, хранящиеся в Архи-

ве МИД Франции. В 1970 г. была опубликована работа «История России в национальном архиве» [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Отечественная историография Кавказа не уделяла должного внимания французской дипломатической корреспонденции (в отличие от английской), касающейся Черкесии первой половины XIX в. Она, пока что, не издана, если не считать материалов, которые некоторые послы и консулы заимствовали из собственных донесений в связи с публикацией своих мемуаров (н-р, Ж. Гамба) [8]. М. Лезюр сделал свой обзор на основе донесений французских консульств в Тифлисе, Одессе, Трапезунде и Эрзеруме, посольств в Санкт-Петербурге и Константинополе и корреспонденции консульского агента в Сухум-Кале. Документы, изученные М. Лезюром, собраны в многочисленных томах, где одна лишь политическая корреспонденция французского посольства в Санкт-Петербурге за период с 1830 до 1860-х гг. занимает 90 томов. Большинство материалов, вошедших в обзор, заимствованы, в основном, из хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел фондов «Политическая корреспонденция», «Политическая корреспонденция», «Политическая корреспонденция», «Политическая корреспонденция», «Политическая корреспонденция для консулов», «Мемуары и документы».

Консульские и дипломатические донесения, отличаясь друг от друга в количественном отношении в зависимости от личности авторов и их источников информации, совершенно подругому освещали события региона, чем они давались в сводках военных штабов или газетных статьях. Французские консулы в Тифлисе и Одессе передавали в Министерство иностранных дел не только военную, но и политическую и административную информацию, которую они могли собирать официальным путем. Часто они содержали сведения, которые военная цензура запрещала распространять, а также слухи, дававшие представления о моральном состоянии русской армии, нелестные оценки о представителях военной и местной администрации, об общественном мнении и т.д. [1: 6].

Судя по донесениям французских консулов, наиболее секретные сведения передавались через надежных лиц, имевших возможность возвратиться во Францию, остальное отправлялось дипломатической почтой, безопасность которой зависела от разных обстоятельств, вплоть до того, какой интерес тот или иной источник информации вызывал как у российского императорского двора, так и в Париже.

Французские консулы в Трапезунде и Эрзеруме, находясь на оттоманской территории, собирали информацию, в первую очередь, о военных действиях народов Черноморского побережья, получая эти сведения от судовых экипажей или купцов, проезжавших через этот край.

Проезжавших через этот край.

Обзор М. Лезюра позволяет различать два уровня формирования дипломатической документации. Политические донесения консулов, как правило, составлялись вскоре после того или иного события; они часто содержат неизученные или недостаточно обработанные сведения и более точно отображают настроения и реакцию местного населения. Их авторам с трудом удавалось избегать влияния текущей обстановки, хотя некоторые как Гюстав де Кастийон (консул в Тифлисе) превосходно обобщали материал. Что касается послов и поверенных в делах, то они, как правило, передавая информацию, полученную ими от консулов, старались отображать события более беспристрастно по прошествии определенного времени [1: 6–7].

Политическая напряженность, существовавшая между республиканской Францией и царской Россией с 1848 г. отражалась на тематике консульской корреспонденции и способах ее

Политическая напряженность, существовавшая между республиканской Францией и царской Россией с 1848 г. отражалась на тематике консульской корреспонденции и способах ее получения. Вмешательство и участие Франции в Крымской войне в определенном плане оттеснили проблематику освободительной борьбы Черкесии и Восточного Кавказа. Вместе с тем, во французских дипломатических кругах упорно надеялись, что черкесы и Шамиль перейдут на сторону союзников и откроют второй фронт. Из внешнеполитического ведомства неоднократно поступали распоряжения полномочным посланникам и консульским агентам о необходимости подготовки условий для доставки оружия воюющим горцам, а также установления связи с Шамилем. Дипломатическая переписка свидетельствует, что французские официальные круги не представляли реальную картину освободительного движения на Западном и Восточном Кавказе, не понимали подлинную сущность мюридизма. Она позволяет представить масштабы иллюзий и противоречия, определявшие восточную политику союзников до 1855 г. [1: 7].

точную политику союзников до 1855 г. [1:7].

По мнению М. Лезюра, среди всех французских консульств, тифлисское было, конечно, лучшим наблюдательным постом, позволявшим следить за событиями на Кавказе. Находясь почти на одинаковом расстоянии от Дагестана и Черкесии, Тифлис

был достаточно близко расположен к обоим основным фронтам, чтобы о результатах сражений сюда быстрее доходила информация. Город являлся основной резиденцией русской администрации на Кавказе, туда часто наведывались и губернатор и высшие

ции на Кавказе, туда часто наведывались и губернатор и высшие офицеры и разрабатывались годовые планы военных операций, согласно директивам, полученным из Санкт-Петербурга.

Привилегированное положение Франции заключалось в том, что она являлась единственной иностранной державой, представленной в Тифлисе. Однако, возможность общения французских консулов с представителями русского военного штаба довольно часто менялась. Начиная с 1821 г. консул Гамба поддерживал с генералом Ермоловым довольно тесные отношения, которые затем начали постепенно ослабевать. После прибытия консула Совера де Ля Шапеля и, особенно, его преемника Гюстава де Кастийона, начался период доверия и сотрудничества, окончившийся лишь после Французской революции 1848 г. Император Николай I был осведомлен об этих связях и жаловался в 1845 г., что «господин Гизо знал также хорошо, как и он сам то, что происходило на Кавказе, и это благодаря шо, как и он сам то, что происходило на Кавказе, и это благодаря господам из штаба», а через два года император решил наказать одного из своих высших офицеров, служившего в Тифлисе [1: 8]. Привилегии, предоставлявшиеся консулам, объяснялись,

Привилегии, предоставлявшиеся консулам, объяснялись, начиная с 1845 г., главным образом, дружескими отношениями наместника М.С. Воронцова к каждому из них: Эдмону де Барреру было достаточно лишь нескольких месяцев, чтобы генерал-губернатор стал «любезным по отношению к нему». Благодаря Воронцову и доверию, которым они пользовались у офицеров, консулы регулярно получали сообщения об официальных сводках, оперативных планах, о действиях Шамиля и горских народов, о проектах административных реформ, о назначениях и перемещениях; даже после Крымской войны барону Фино удалось установить превосходные отношения с барону Фино удалось установить превосходные отношения с генералом А.И. Барятинским.

генералом А.И. Барятинским. Дипломатическая документация свидетельствует, что в работе консулов имелись и свои трудности, в первую очередь, нездоровый климат и крайне неблагоприятные санитарные условия этого края. Многие консульские работники вплоть до своего отъезда имели звание консула второго класса, поэтому получали довольно скромное жалованье. Им часто приходилось

отказываться от поездок, которые могли бы им позволить основательно изучить страну и установить полезные знакомства за пределами официальной среды.

Источники информации, которыми пользовались консулы,

Источники информации, которыми пользовались консулы, были действительно односторонними, ибо сведения, поступавшие от французских путешественников, купцов или промышленников, живших в стране, стали редкими после того, как в 1831 г. черноморские порты были закрыты для иностранцев, в результате чего пришлось отказаться от мечты о широком развитии французской торговли в Грузии [1: 9–12].

Однако некоторые консулы пытались хорошо разобраться в политическом и военном положении, проявляли при этом критическое мышление и сообщали свою точку зрения о русской стратегии, о последствиях мероприятий администрации, свое мнение о способностях генералов и о соперничестве между ними. Именно в этом и заключается, по мнению М. Лезюра, наиболее специфический вклад, который французская консульская корреспонденция в Тифлисе внесла в историю завоевания Кавказа.

Очередной консул Гюстав де Кастийон прибыл в Тифлис в

Очередной консул Гюстав де Кастийон прибыл в Тифлис в 1842 г. и пробыл там четыре с половиной года, в тот период, когда военные действия, как русских, так и горцев, были самыми ожесточенными. Его донесения составляют фонд документов, являющийся самым ценным из всей документации французских консульств на Кавказе. Он смог проникнуть в среду высшей администрации и завоевать ее доверие, но при этом не утратил своей способности и к критическому анализу. Об этом свидетельствуют его строгие суждения о генералах Е.А. Головине, А.И. Нейдгарте, И. Аргутинском и даже самом М.С. Воронцове. Кастийон не только добился получения штабных чертежей и карт, но его информация, выходя за пределы локальных военных операций или административных реформ, охватывает политику высших санкт-петербургских кругов. В конце 1843 г. он отправился из Тифлиса и предпринял путешествие по Дагестану и Черкесии, чтобы ознакомиться со своими источниками информации и лучше понять положение на различных фронтах. В его донесениях есть ценные сведения о военных операциях во всех секторах, о причинах возникновения различных повстанческих движений и о внутренних взаимоотношениях между различными группами горцев, в частности, между Шамилем и жи-

телями Кабарды. Но основной интерес этой переписки заключается в том, что она содержит периодические обзоры, которые доставлялись надежными курьерами. В этих обзорах Кастийон разоблачая «мыльные» пузыри официальных сводок, подробно описывал тактику русских и Шамиля, анализировал последствия административных реформ и, наконец, выделял ошибки русской военной администрации мало интересовавшейся развитием кавказских регионов и заботившейся скорее «об эффективных успехах, чем о стойкой победе» [1: 14].

Доклады французских консулов, служивших в Одессе, базировались на сведениях, которые в конфиденциальном порядке они получали от офицеров русской армии и военно-морского флота [1: 18–19]. По мере усиления военных действий, войска стали направляться в сторону черкесского побережья, и они чаще останавливались в Одессе или Крыму перед отправкой их на кавказский фронт. Консул Андре-Адольф Шалле (с 1821 г. по 1846 г.) в своих донесениях обращал внимание на трудности, связанные с доступом к информации. «Вследствие того, пишет он, что было рекомендовано соблюдать полное молчание в отношении всех событий в Черкесии, мы лишь с опозданием узнавали о том, что там происходит, причем эти сведения были всегда неопределенными». «Там есть лишь военные или чиновники, продолжает он, которые боятся писать то, что могло бы их в какой-то степени скомпрометировать. Вот и приходилось довольствоваться слухами, большинство из которых бессвязны и, прежде всего, неточны. Лишь исправляя эти данные, путем и, прежде всего, неточны. Лишь исправляя эти данные, путем сравнения одних сведений с другими удается кое-что узнать об истине» [1: 19]. Другой консул Депрео де Сен-Совер пользуясь близостью и приглашением генерал-губернатора М.С. Воронцова в 1836 г. принял участие в инспекционной поездке вдоль черкесских берегов на борту теплохода и на основе личных наблюдений он составил отчет, опубликованный в Париже 1837 году. В нем содержатся интересные наблюдения, касавшиеся русских береговых укреплений, сведения об эффективности блокады и о контрабандном ввозе оружия из Трапезунда, о характере ведения войны в Черкесии [1: 20].

Корреспонденция следующего французского консула в Одессе Андре-Адольфа Шалле (с 1 мая 1836 г.), как и в предыдущем случае, формировалась на основе информации, идущей из

армейской среды окружения М.С. Воронцова. Одной из особенностей его докладов была разница между объемом новостей с черкесского фронта и тем, которые поступали с восточного побережья. О мюридизме консул практически ничего не сообщал; в общих чертах Шамиль изображался как кавказский Абделькадер, упоминавшийся, во всяком случае, до 1841 г. лишь в связи с борьбой западных черкесов. Зато события, происходившие на черноморском побережье, привлекали пристальное внимание и иногда освещались очень подробно, благодаря чему, корреспонденция этого консульства является специфической и более интересной: в период с 1836 по 1842 г. (такие события как захват английского корабля «Виксен», деятельность английских представителей в Черкесии, поражение русской черноморской флотилии и, прежде всего, крупное наступление, предпринятое черкесами на береговые укрепления в 1840 г.) [1: 21].

Французские консульства в Трапезунде пользовались информацией о Черкесии в большей степени на основе турецких источников. После закрытия порта Редут-кале для свободной иностранной торговли деловая активность Трапезунда возросла. В течение многих десятилетий он находился на главном перекрестке южного побережья Черного моря и поддерживались ре-

Французские консульства в Трапезунде пользовались информацией о Черкесии в большей степени на основе турецких источников. После закрытия порта Редут-кале для свободной иностранной торговли деловая активность Трапезунда возросла. В течение многих десятилетий он находился на главном перекрестке южного побережья Черного моря и поддерживались регулярные связи между этим портом и черкесским побережьем. Именно оттуда исходили инициативы английских дипломатов, разведчиков и представителей деловых кругов Д. Уркварта, Д. Лонгворта, Дж. Белла, Э. Спенсера и Стюарта (Сааб Ибрагима) в поддержке черкесских народов в их борьбе против России и в прорыве блокады, затрагивающей внешнеполитические и торговые интересы Великобритании [1: 23].

Англичане, действительно были единственными, кто воспользовался усилением влияния Трапезунда, и извлекали из

Англичане, действительно были единственными, кто воспользовался усилением влияния Трапезунда, и извлекали из него политическую выгоду. Один из французских путешественников подсчитал в 1843 г., что они (т.е. англичане – K, \mathcal{A} .) «совершают деловые сделки на сумму в пятьдесят миллионов франков», и сожалел о том, что Франция не занимает таких же позиций этом регионе и в связи с этим подвергал строгой критике французских представителей за их беспечность. Он писал: «Кто виноват, если французский флаг так редко развивается над Черным морем, если Трапезунд стал английским городом и если наши соперники захватили торговлю с Азией? В связи с этим

можно было отметить либо безразличие, проявляемое нашей страной, либо неспособность некоторых из наших консульских агентов» [1: 23].

Виктор Фонтанье управлял французским вице консульством в Трапезунде до 1834 г.; а после него до 1853 г. – Клерамбо, с апреля 1854 г. – Шарль Поншарра.

Донесения французских консулов из Трапезунда плодотворно дополняли корреспонденцию, направлявшуюся в этот же период одесским консулом и касавшуюся западно-кавказского фронта. Они передавали информацию, собранную за пределами сферы влияния России, которая не испытала влияния официальной пропаганды и исходила из источников, имевших возможность свободно выражать свое мнение. Эти донесения, кроме всего, показывали, как воспринимали в Оттоманской империи события, о которых совершенно по-другому сообщалось в Тифлисе, Одессе или Санкт-Петербурге. Поэтому они являются документами, имеющими безусловную ценность. Внимание, уделявшееся в трапезундской корреспонденции французских консулов освещению событий в Черкесии, с 1855 г. начало постепенно ослабевать. После начала Крымской войны эти проблемы стали чаще обсуждаться либо в константинопольском посольстве, в главном межсоюзническом штабе, где занимались разработкой стратегических планов, реже в Сухум-Кале, куда специально был направлен консульский агент Шарль Шампуазо [1: 24–25].

В данной публикации целенаправленно не анализируется консульская корреспонденция из Эрзерума, которая в большей степени касалась политических взаимоотношений Оттоманской Турции и Персии [1: 26–28].

В обзорах архивных фондов МИД Франции, приводимых М. Лезюром нет каких-либо сведений о том, как французское правительство реагировало на донесения консулов, но есть все основания полагать, что она была сдержанной. На Черноморском побережье Кавказа, да и в других местах региона, политическое влияние Франции было традиционно слабым в отличие от Англии. Поэтому официальные круги не решались вмешиваться в кавказские дела до 1830 г., когда речь шла о поддержке инициативы консула Гамбы в области торговли. Правительство регулярно получало информацию консулов о положении на Западном Кавказе, но оно воздерживается от

вмешательства в конфликт, как не отвечающий своим национальным интересам.

нальным интересам.
В течение долгого времени кавказские сведения совершенно не отражались на общественном мнении Франции. Если судить по публикациям 1820-х – начала 1830-х гг. западноевропейских авторов, можно считать, что французская общественность проявляла больше безразличия к освободительной борьбе Черкесии, чем сочувствия. Она была потрясена подавлением восстания в Польше и болезненно восприняла нейтральное отношение французского правительства к этим событиям. Поэтому положение далеких черкесских народов в этот период было не столь актуальным для французского общества. Такая ситуация сохранялась до 1835 г. Затем французские газеты были вынуждены заинтересоваться кавказскими проблемами. Катализатором этого процесса явилось издание одновременно в Лондоне и в Париже брошюры Дэвида Уркварта «Англия, Франция, Россия и Турция» [9]. Автор решительно выступил против постепенного захвата российской империей Черноморского побережья и предупреждал об этом французскую общественность. Он обращал внимание, что за этим последует установление Россией своего контроля над проливами, а затем над всем Средиземным морем, что будет означать конец свободному мореплаванию европейских держав. Едва общественное мнение, взбудораженное памфлетом успокоилось, на рынке появилась новая брошюра – это сборник материалов «Портфолио», содержавший 41 документ, опубликованный в 1836 и 1837 гг. Это были секретные материалы, вброс которых в информационное пространство Англии, Франции и которых в информационное пространство Англии, Франции и Османской Турции говорил о причастности английского правительства к этому делу или, что оно осуществлено с его молчаливого согласия. Первый том «Портфолио», распространенный во Франции, познакомил французскую публику с черкесской нацией, показал значение ее борьбы и содержал текст Декларации Черкесской Независимости [10]. В последующем Дэвид Уркварт, воспользовавшись арестом русскими властями английского корабля «Виксен» и его капитана Джеймса Белла, проводит со сво-ими единомышленниками большую работу, чтобы еще более взбудоражить общественное мнение в Европе [11: 64].

Крупнейшие французские газеты по-разному реагировали на эти события. Правительственная газета «Журналь де

Деба» подчеркивала серьезное положение, создавшееся в связи с захватом «Виксена» и подхватила опубликованные в немецкой прессе статьи, предупреждавшие о возможности превращения Черного моря в «Московское озеро» и выражало опасение в связи с возникшей угрозой мирового конфликта. Газета сожалела о «преступном» равнодушии, проявленном на Западе в период заключения Адрианопольского договора, на статьях которого основывались претензии России. Указывалось, что уступка Турцией черкесского побережья не имела никакого юридического основания, и что Европа, по сути дела, была обманута. Легитимистская газета «Ля Котидьен» высмеивала французское правительство, утверждая, что оно напрасно провоцировало Россию. Что касается газеты республиканской партии «Ле Насьональ», то она провела яростную кампанию одновременно против газет «Журналь де Деба» и против «Морнинг Кроникл», против позиции официальных английских и французских кругов. По мнению газеты «Ля Котидьен», Франция совершенно не была заинтересована в том, чтобы поддерживать Англию в этом деле, которое ее не касалось. Газета писала: «Мы уже об этом говорили и повторяем, что Франции нечего опасаться того, чего опасается Англия, русские претензии не мешают Франции и не противоречат ее интересам, и даже если Константинополь очутился бы в руках царя, это не затронуло бы интересы Франции в области политики торговли».

Мы видим существенный разброс общественного мнения. Но несомненно одно, английские публицисты и общественные деятели, как и стоящие за ними официальные круги, добились того, что кавказская проблематика стала актуальной среди французской общественности. Газета «Ле Насьональ», которая еще недавно яростно осуждала действия Уркварта и Белла, теперь призывала к необходимости интервенции западных держав на Кавказ. Говоря с сочувствием о борьбе Черкесии, она писала: «Европейским государям следовало бы вмешаться, чтобы прекратить эту кровопролитную войну». В 1830-х гг. появляются призывы к организации вооруженной интервенции на Кавказ, но они постепенно сходят на нет [1: 33–35].

В период Крымской войны интерес Франции к кавказскому театру военных действий оживляется, но вскоре опять угасает,

имея в своей основе расчеты сугубо стратегического характера [12: 20–26].

На пороге 1850-х гг. в Европе было известно о ряде поражений русской армии, которые вновь вдохновляют общественное мнение. С одной стороны, французское правительство не могло не считаться с движением в поддержку угнетенных народов, с другой, Наполеон III не мог отказаться от традиционной осторожности, чтобы не быть вовлеченным в конфликт в интересах Англии. Секретные инструкции, которые французский министр иностранных дел Друэн де Люис отправил послу в Константинополь, хорошо показывают пределы обязательств Франции в тот период, когда разразился конфликт между Россией и Турцией и флот союзников уже собирался в Черное море [1: 39].

М. Лезюр считает, что оперативная стратегия французско-

М. Лезюр считает, что оперативная стратегия французского военного ведомства и штаба союзников, судя по документам, показывает их примитивные представления о ситуации на Кавказе, которая не учитывала позиции внешнеполитического ведомства и обзоров, составленных французскими консулами и дипломатами за последние 15 лет. Французский план предусматривал турецкое наступление на Тифлис и возможность использования «армии Шамиля» в качестве вспомогательной к франко-английскому наступлению. Эта директива кажется поразительной, так как к моменту ее выработки никакой связи с Шамилем не было установлено, а офицеры, откомандированные на черкесское побережье, сообщали очень неопределенные сведения относительно возможной помощи от черкесских народов. Все планы, разработанные в Париже в первые месяцы Крымской войны, предусматривали ведение военных действий совместно с черкесами и Шамилем, которых часто ошибочно отождествляли. В такое сотрудничество верили как постулат, который в январе 1854 г. был подтвержден торжественным обращением «Черкесской и абазинской нации», направленной во Францию [1: 39–41].

Союзная дипломатия вела многочисленные переговоры с Мохаммедом Эмином и правящей черкесской элитой. На переговорах с английскими офицерами Льюисом Джонсом и Саумарезом Броком наиб заявил, что «условием, необходимым для начала каких-либо совместных действий должно было стать присоединение к этому союзу Кабарды, ногайцев и некоторых пле-

мен, занимавших важную стратегическую позицию». Мохаммед Эмин дал им понять, что не может говорить с союзниками от имени Шамиля, которого он в последний раз видел девять лет назад. В июле 1854 г. Мохаммед Эмин, во главе с представительной черкесской делегацией по приглашению союзного командования был в их ставке в Варне для переговоров о совместных действиях против России. Документы, приводимые М. Лезюром, говорят о разногласиях между Сефер-беем и Мохаммед Эмином, среди правящей черкесской элиты. Последняя с большим недоверием относилась к представителям и оттоманских властей и европейцев. В докладе вице-адмиралу Гамелену отмечалось, что черкесским вождям не нравится, что с ними обращались как с второстепенными помощниками, которых просили принять участие в осуществлении планов франко-английской армии, в то время как они стремились к священной войне за свою независимость [1: 42–45; 52–53].

Лидеры черкесского освободительного движения рассчитывали, что союзники главный удар в войне против России нанесут на Черноморском побережье Кавказа. Именно позиция Франции способствовала решению, что главный удар будет по Крыму для уничтожения Севастополя – главной базы русского флота. Вследствие этого, контакты черкесов Западного Кавказа с французскими представителями ослабевают. В конце 1854 г. французское правительство, не желая, чтобы Англия стала единственной державой, имеющей представительство в регионе, срочно открыло в Черкесии свое разъездное консульство. Консульским агентом по сбору информации был назначен Шарль Шампуазо, которому, чтобы поддерживать французский престиж в Черкесии, необходимо было уравновешивать опытного английского представителя Джона Лонгворта [1: 45–52].

На Парижском конгрессе Франция не поддержала Англию, которая стремилась создать буфер между Россией и Индией, куда должна была войти и «независимая» Черкесия. Да и в последующем, кратковременное внимание Франции в лице Наполеона III к кавказскому региону, где еще продолжался последний этап Кавказской войны, был вызван лишь стремлением отвлечь силы России от восставшей Польши.

Автор издания чтит светлую память выдающегося отечественного кавказоведа, доктора исторических наук, профессора В.Г. Гаджиева, обратившего в конце 1970-х гг. наше внимание на работу М. Лезюра. Особая благодарность Р.Г. Крючкову за добротный перевод с французского языка.

При подготовке текста к изданию мы пользовались помощью и ценными советами доктора филологических наук, профессора Ф.Н. Гукетловой, а также ведущих специалистов издательского отдела КБИГИ З.В. Черкесовой и И.Х. Кушховой.

Д.и.н., проф. К.Ф. Дзамихов

Примечания

- 1. Lesure Michel. La France et le Caucase à l epoque de Chamil [à la lumière des depeches des consuls français] // Cahiers du Monde et soviétique, XIX (1–2). Janvier–Juin 1978. P. 5–65 http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1978_num_19_1_1306. (дата обращения 19 декабря 2013 г.)
- 2. Les ure Michel. Les mouvements révolutionnaires russes de 1882 à 1910 d'après les fonds des Archives Nationales. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 6. № 2. April–Juin 1965. P. 279–326.
- 3. Lesure Michel. Les réfugiés révolutionnaires russes à Paris [Rapport d'un Préfet de Police au Président du Conseil, le 16 décembre 1907]. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Juillet–Septembre 1965. Vol. 6. N⁰ 3. P. 419–436.
- 4. Lesure Michel. Aperçu sur les fonds russes dans les archives du ministère des Affaires étrangères français. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Juillet–Septembre 1963. Vol. 4. № 3. P. 312–330.
- 5. *Lesure Michel*. Documents relatifs à l'histoire russe dans les Archives du Service historique de l'Armée, antérieurs à 1914 [Eléments pour un guide de recherches] // Cahiers du monde russe et soviétique. Janvier–Mars 1966. Vol. 7. № 1. P. 113–156.
- 6. Мингереш Ю.В. Формирование интересов к России и русской культуре во французских университетских центрах (1918–2000-е гг.): автореф. канд. ист. наук. СПб., 2011. (О М. Λ езюре).
- 7. *Безбородов А.Б.* Зарубежное россиеведение. Учебное пособие. М., 2013. 405 с.
- 8. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situèes au dela du Caucase (tt. I–II. P., 1824).

- 9. *Urquart David.* England & Russia: being a fifth edition of England, France, Russia & Turkey, revised and enlarged. London: James Ridgway & Sons, 1835.
- 10. The Portfolio; Or a Collection of State Papers, ETC. Illustrative of the History of Our Times. London: James Ridgway and Sons, Piccadilly. 1836. Vol. 12. P. 187–195.
- 11. Дзамихов К.Ф. Из документальной истории Кавказской войны: «Декларация черкесской независимости». Нальчик, 2014. 64 с.
- 12. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. 624 с.

Cabiers du MONDE RUSSE

SOVIÉTIQUE

Vol. XIX - 1-2 Janvier-Juin 1978

Michel Lesure

La France et le Caucase à l'époque de Chamil [à la lumière des dépêches des consuls français]

In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 19 N°1-2, Janvier-Juin 1978. Le Caucase, pp. 5-65.

Citer ce document / Cite this document :

Lesure Michel. La France et le Caucase à l'époque de Chamil (à la lumière des dépêches des consuls français). In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 19 N°1-2. Janvier-Juin 1978. Le Caucase. pp. 5-65.

doi: 10.3406/cmr.1978.1306

http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1978_num_19_1_1306

Parcourir les collections

Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 19, n°1-2, Janvier-Juin 1978. Le Caucase.

www.persee.fr/issue/cmr 0008-0160 1978 num 19 1

- > Liste des auteurs
- > Figures

Retour à la collection

Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 19, n°1-2, Janvier-Juin 1978. Le Caucase.

5 - 65

∨ Études

5 - 65

La France et le Caucase à l'époque de Chamil [à la lumière des dépêches des consuls français] [article]

Michel Lesure

Résumé Plan Figures Documents liés Référence bibliographique

67 - 174

∨ Marxistes d'Orient

67 - 117

Aux origines du marxisme arménien : Les spécifistes [article]

Anaïde Ter Minassian

Résumé Plan Documents liés Référence bibliographique

119 - 142

The Himmät party [Socialism and the national question in Russian Azerbaijan, 1904-1920] [article]

Tadeusz Swietochowski

Résumé Référence bibliographique

143 - 174

La révolution impossible [Les courants d'opposition en Anatolie, 1920-1921] [article]

Paul Dumont

Résumé Plan Référence bibliographique

175 - 189

∨ Document

175 - 189

Un Polonais au service de la Russie : Jean Potocki et l'expansion en Transcaucasie, 1804-1805 [autre]

Daniel Beauvois

Plan Référence bibliographique

191 - 205

∨ Bibliographie

191 **-** 205

Ottoman sources for a study of Kefe vilayet: The Maliyeden Müdevver fond in the Başbakanlık Arsivi in Istanbul [note bibliographique]

Alan W. Fisher

Plan Référence bibliographique

207 - 210

Résumés/Abstracts [résumés]

M. Dumont

MICHEL LESURE

LA FRANCE ET LE CAUCASE A L'ÉPOQUE DE CHAMIL

à la lumière des dépêches des consuls français

Par le traité d'Andrinople, conclu en 1829, l'Empire ottoman avait cédé ses droits sur une partie du littoral oriental de la mer Noire, laissant ainsi les mains libres à la Russie et lui reconnaissant, sinon la souveraineté, du moins un droit d'intervention sur une vaste région de la Circassie. Les cours européennes ne semblent pas avoir perçu immédiatement l'importance de cet événement, qui marque le début d'une phase décisive dans la longue histoire de la conquête du Caucase commencée à la fin du XVIIIe siècle. La légitimité de cette cession était pourtant contestable, puisque les populations de ces régions, jalouses de leur indépendance, n'avaient jamais reconnu la souveraincté du sultan. Mais le texte du traité, qui mettait l'accent sur la modération des exigences russes et présentait cette annexion de fait comme un simple ajustement de frontière, pouvait faire illusion¹. Il fallut attendre l'occupation effective des ports côtiers par les troupes russes, leurs premiers heurts, l'année suivante, avec les tribus montagnardes, et surtout l'instauration d'un blocus du littoral circassien, pour que le monde occidental s'inquiétât vraiment de l'expansion russe vers le sud. Tout l'équilibre politique de l'Europe orientale pouvait en effet être mis en péril au moment où la Turquie, affaiblie par la perte de ses provinces grecques, déchirée par la révolte du pacha d'Egypte, se tournait vers la Russie pour sauver l'autorité du sultan et risquait ainsi de devenir une proie pour les ambitions du tsar Nicolas Ier.

Alors qu'elle se préoccupait surtout de l'évolution de la « Question d'Orient « et du sort de « l'Homme malade », l'Europe découvrit peu à peu, avec étonnement, à travers les rares nouvelles que laissait filtrer la censure militaire russe, l'existence d'un vaste conflit qui dépassait largement le cadre des régions circassiennes. Prises dans un engrenage d'expéditions militaires, d'embuscades et de représailles, toutes les populations musulmanes du Caucase central et oriental étaient à leur tour entraînées dans la guerre. Fanatisées par les chefs du mouvement mystique appelé muridisme et surtout par le plus illustre d'entre eux, l'imâm Chamil, elles allaient tenir tête pendant un quart de siècle à des forces russes chaque année plus considérables,

Depuis les expéditions du général Paskević et les premiers mouvements

Cakiers du Monde russe et soviétique, XIX (1-2), janv.-juin 1978, pp. 5-65

de résistance des montagnards en 1830, jusqu'à la capture de Chamil en 1859, les ambassadeurs et les consuls français en Russie et en Turquic ont suivi avec attention les événements du Caucase et les ont fréquemment évoqués dans leur correspondance. En nombre comme en qualité, leurs témoignages sont d'une importance très inégale d'un poste à l'autre, suivant la personnalité de leurs auteurs et les moyens d'information dont ils disposaient. Cependant les dépêches consulaires et diplomatiques, prises dans leur ensemble, peuvent être considérées comme une source primordiale de l'histoire de ces provinces, qu'elles éclairent souvent d'un jour bien différent de celui des communiqués de l'état-major, des articles de presse et même des récits de nombreux historiens russes du xixe siècle.

Les consuls français à Tiflis et à Odessa, en particulier, transmettaient au ministre des Affaires étrangères non seulement les informations militaires, politiques et administratives qu'ils pouvaient recueillir par la voie officielle, ou des études de caractère général, mais aussi des renseignements que la censure militaire interdisait de divulguer, des rumeurs révélatrices du moral de l'armée et de l'opinion publique, ou encore des appréciations dénuées de complaisance sur les chefs militaires et sur l'administration locale. Les courriers les plus confidentiels étaient acheminés par des personnes sûres, voyageurs ou commerçants, qui avaient l'occasion de retourner en France, et le reste était confié à la valise diplomatique dont la sécurité était aléatoire. Plusieurs incidents prouvent en effet que le secret n'était guère respecté, mais montrent en même temps tout l'intérêt qu'on attachait à cette source d'information, aussi bien à la Cour de Russie qu'à Paris².

Au delà de la frontière ottomane, les consuls français à Trébizonde et à Erzeroum envoyaient, de leur côté, des informations épisodiques sur les activités des tribus abkhazes et circassiennes voisines des côtes de la mer Noire, qu'ils recucillaient auprès des équipages des navires ou des commerçants de passage dans la région.

Bref, durant toute la Monarchie de Juillet, le Gouvernement français

fut informé au jour le jour de la situation au Caucase.

Pour cette période, il convient de distinguer deux types de documents. Les dépêches politiques des consuls sont en général proches de l'événement, elles communiquent souvent les renseignements sous leur forme brute ou imparfaitement recoupée, et reflètent assez fidèlement les réactions des dirigeants locaux et de la population ; leurs auteurs parviennent difficilement à se dégager eux-mêmes de l'atmosphère passionnée qui règne autour d'eux, bien que certains, comme Gustave de Castillon à Tiflis, se livrent à un remarquable travail de synthèse. Quant aux ambassadeurs et aux chargés d'affaires, ils transmettent pour la plupart les informations qu'ils ont reçues des consuls, et s'efforcent de considérer les événements avec un certain recul. Le principal intérêt des dépêches de l'ambassade de Saint-Pétersbourg est de révéler les confidences du tsar Nicolas Ier, des milieux de la Cour ou des officiers de l'état-major, de montrer les hésitations, les inquiétudes ou les illusions du Gouvernement russe face à un conflit dont les développements le laissent désemparé. Tantôt superficielle, tantôt pénétrante, leur analyse dépend de la perspicacité de leur auteur ou de l'influence dont il jouit dans la capitale. A cet égard, si le monde diplomatique français en Russie est dominé à

cette époque par la forte personnalité du baron de Barante, on constate que sa correspondance brasse avec beaucoup de maîtrise la grande politique européenne mais se borne à quelques remarques sommaires sur les problèmes caucasiens. Il existe en revanche un excellent rapport rédigé par Charles de La Ferronays, fils d'un ancien ambassadeur, à l'issue d'un court

voyage en Russie du sud.

Après 1848, l'intérêt de la correspondance se déplace. Les consuls, gênés dans leur travail par la tension politique entre la France républicaine et la Russie, perdent tout à coup leurs moyens d'information. tandis que les activités de Chamil et des montagnards paraissent marquer un déclin. Bientôt la guerre russo-turque, puis l'intervention de la France dans le conflit vont absorber leurs réflexions et vont reléguer à l'arrièreplan les combats du Caucase. Pourtant l'espoir reste tenace dans les milieux diplomatiques français de voir Chamil et les tribus circassiennes accourir aux côtés des Alliés et ouvrir un second front pendant l'expédition de Crimée. Plusieurs officiers, un ministre plénipotentiaire, enfin un agent consulaire envoyé à Soukhoum Kale vont être chargés de préparer le terrain et d'apporter des armes aux montagnards. Leur correspondance est, avec celle de l'ambassade de France à Constantinople, la scule qui mérite désormais de retenir l'attention en ce qui concerne le Caucase; elle témoigne de la méconnaissance qu'on avait en France du véritable caractère du muridisme, des illusions et des malentendus qui ont guidé la politique orientale des Alliés jusqu'en 1855.

La correspondance consulaire et diplomatique française sur le Caucase a été généralement négligée par les historiens³ et reste inédite, si l'on excepte les emprunts faits par quelques ambassadeurs et consuls à leurs propres dépêches à l'occasion de la publication de leurs mémoires⁴.

C'est pourquoi nous nous proposons de présenter prochainement une sélection de ces dépêches et des principaux documents des archives françaises ayant trait à ces événements. On a limité les recherches aux consulats de France à Tiflis, Odessa, Trébizonde et Erzeroum, aux ambassades de Saint-Pétersbourg et de Constantinople, et à la correspondance de l'agent consulaire à Soukhoum Kale, quoique des informations et des observations fort importantes sur le Caucase pourraient sans doute être découvertes dans d'autres fonds (ambassades de France à Londres, à Vienne, à Rome, etc.)⁵, ou dans la correspondance privée des diplomates⁶.

Les documents que nous avons consultés sont répartis dans un nombre considérable de volumes, puisque la correspondance politique de l'ambassade de France à Saint-Pétersbourg couvre à elle seule quarante volumes, et celle de Constantinople quatre-vingt-dix volumes entre les années 1830 et 1860. Ils proviennent en grande majorité des fonds Correspondance politique, Correspondance politique des consuls, et Mémoires et Documents appartenant aux Archives du ministère des Affaires étrangères, et très rarement de la Correspondance commerciale, qui contient pourtant une grande quantité de dépêches. Il faut joindre à cet ensemble quelques lettres et télégrammes adressés de Paris aux diplomates français, ainsi que des documents divers provenant d'autres fonds que des archives diplomatiques (Archives de la Marine déposées aux Archives Nationales, Archives de la Guerre à Vincennes) dont la connaissance est nécessaire à la compréhension de certaines affaires.

I - LES CONSULS DE FRANCE ET LEURS MOYENS D'INFORMATION

Tiflis: A la source de l'information officielle

Parmi tous les postes consulaires français, celui de Tiflis était certainement le meilleur poste d'observation des événements du Caucase. A peu près à égale distance du Daghestan et de la Circassie, Tiflis était assez proche des deux principaux fronts pour que les résultats des combats y fussent connus rapidement, et assez éloignée pour que la situation militaire pût y être appréciée avec une certaine sérénité. Principal siège de l'administration russe du Caucase, le gouverneur et les officiers généraux y effectuaient de fréquents séjours et y préparaient les plans des expéditions annuelles d'après les directives reçues de Saint-Pétersbourg.

La France avait le privilège d'être le seul pays étranger représenté à Tiflis, toutefois l'audience dont bénéficièrent les consuls français auprès de l'état-major fut assez variable. Dès 1821, le consul Gamba entretenait des rapports très étroits avec le général Ermolov, puis les liens se relâchèrent peu à peu jusqu'en 1840. Avec l'arrivée du consul Sauveur de La Chapelle et surtout de son successeur Gustave de Castillon, commence une ère de confiance et de coopération qui ne cessera vraiment qu'après la révolution française de 1848, au point que l'empereur Nicolas Ier, informé de ces contacts par une indiscrétion, se plaignit en 1845 que « M. Guizot sût aussi bien qu'il pouvait le faire lui-même ce qui se passait au Caucase et cela grâce à ces Messieurs de l'État-Major », et décida deux ans plus tard, pour le même motif, de sanctionner un des officiers généraux en poste à Tiflis.

Les facilités accordées aux consuls étaient dues principalement, à partir de 1845, à l'attitude amicale du comte Voroncov à l'égard de chacun d'eux : même le plus ombrageux, Edmond de Barrère, n'aura que quelques mois à attendre pour être gagné par le charme du gouverneur général. Par lui et par les confidences des officiers, les consuls reçoivent régulièrement communication des renseignements officiels, des plans d'opérations, des mouvements de Chamil et des tribus montagnardes, des projets de réformes administratives, des nominations et des mutations, mais aussi des intrigues et des rivalités au sein de l'état-major, voire des désaccords avec la Cour. Même après la guerre de Crimée, le baron Finot réussira à rétablir d'excellentes relations avec le général Barjatinskij.

Cependant les difficultés ne manquent pas. La principale tient au climat malsain et aux conditions d'hygiène déplorables qui règnent dans la région. Tous les titulaires du consulat s'en plaignent, la plupart souffrent de fièvres chroniques ou de plaies gangreneuses et doivent demander de longs congés; certains sont atteints par l'épidémie de choléra qui sévit dans la ville même et sont obligés d'être rapatriés d'urgence. Sans doute faut-il imputer à ces conditions pénibles les lacunes et les interruptions qu'on remarque dans la correspondance politique du consulat, en particulier entre 1831 et 1837.

Les conditions d'habitation et de travail laissent également à désirer.

Aucun « logement de fonction » tel qu'on l'imagine actuellement : à son arrivée en 1847, Lauxerrois apprend que le précédent consul Castillon est parti après avoir vendu sa maison et son mobilier, et il découvre la chancellerie du consulat misérablement installée au milieu du bazar. Dans la hiérarchie consulaire, Tiflis est d'ailleurs considérée comme un poste secondaire ; à l'exception de Castillon qui sera promu au cours de son séjour, tous les titulaires gardent jusqu'à leur départ le grade de consul de deuxième classe, avec un traitement assez modeste, et ils renoncent souvent à entreprendre des voyages qui leur permettraient d'étudier le pays en profondeur et de prendre des contacts utiles hors du milieu officiel, ou bien à organiser pour les autorités locales des réceptions mondaines qui sont à la base de la réussite sociale dans cette petite capitale.

A de tels inconvénients s'ajoutent les tracasseries administratives que la plupart d'entre eux doivent subir avant d'atteindre leur poste — Barrère attendra cinq mois la délivrance de son passeport — ainsi que la longueur du voyage, ce qui entraîne à plusieurs reprises une vacance prolongée du poste. C'est alors aux chanceliers chargés de gérer le consulat qu'incombe toute la responsabilité de la correspondance politique. Ceux-ci, employés subalternes vivant d'un salaire misérable, font de leur mieux pour assurer la permanence de l'information, mais il leur manque, plus encore qu'aux consuls, la considération des autorités. La barrière qui les empêche d'accéder à des grades consulaires les obsède. L'un d'eux, Benjamin de Tramasure, nommé chancelier en 1852, observe qu'il reçoit 6 000 francs par an (« l'équivalent de 1 500 à 2 000 francs à Paris ». dit-il), alors que, fort de promesses qu'on lui avait faites au départ, il avait engagé un capital de 40 000 francs pour se vêtir et s'installer honorablement. De 1860 à 1869, il ne cesse de réclamer quelque avancement sans obtenir satisfaction malgré le bilan commercial prodigieux dont il s'attribue le mérite⁸. Le lyrisme prétentieux et ridicule avec lequel il présente ses plaintes suffit peut-être à expliquer les réticences de l'administration française :

« Je suis du bois dont on peut faire un consul [...] S'il doit en être ainsi, [Votre Excellence] n'aura point à le regretter : je sens en moi les conditions voulues pour justifier une si large bienveillance et bénir, dans le silence de mes nuits, la main providentielle qui aurait accompli un espoir que mon dévouement et ma reconnaissance ne sauraient qualifier. »

Toutefois une de ses lettres postérieures résume assez bien les problèmes que posait aux agents de consulat de Tiflis l'obligation de tenir dignement leur rang :

« Tiflis est une localité où l'existence est difficile et chère, la société y a les exigences des capitales sans en posséder les ressources, et la vie matérielle y est trois fois aussi coûteuse que celle menée à Paris dans des conditions identiques.

[...] Pour y vivre — de cette vie de privation incessante qui retranche sur les besoins cachés une part disproportionnelle pour la reporter sur la dépense apparente, qui économise sur le nécessaire Mustration non autorisée à la diffusion

PM-209

de chaque jour une paire de gants, une stalle, une course de voiture, qui emprunte à de faibles ressources privées le coût de ce semblant de luxe ostensible exigé en Russie pour être classé [...] pour y vivre, dis-je, de cette vie tristement précaire du pauvre en habit brodé, j'ai, encouragé par des assurances de Paris, absorbé un capital de 40 000 francs. »¹⁰

Fonctionnaires de rang modeste, les gérants et les chanceliers sont loin de jouer un rôle aussi représentatif que les consuls titulaires, et sont tenus à l'écart des mondanités de la caste des officiers supérieurs, dans lesquelles sont colportés les secrets de l'état-major; d'où les renseignements fragmentaires, mal contrôlés, portant sur des points de détail et sans hauteur de vues.

Les consuls eux-mêmes ne sont d'ailleurs pas à l'abri de ces faiblesses : étrangers à la vie, aux coutumes et parfois à la langue des populations, rappelés en France ou à d'autres postes avant d'avoir eu le temps d'étudier sérieusement le pays, ils ne donnent trop souvent qu'une vue superficielle

de la situation.

En outre l'impossibilité de visiter la zone des combats, la discrétion que gardent malgré tout la majorité des officiers russes sur les opérations, la sécurité relative qui règne à Tiflis, la routine et même parfois une certaine indifférence incitent certains consuls à se contenter des communiqués officiels qui minimisent l'importance d'un soulèvement; ou bien, comme par compensation, ils recueillent des « on-dit » qui exagèrent l'ampleur des désastres subis par les Russes. En fait les sources d'information des consuls sont unilatérales, car les renseignements fournis par les voyageurs¹¹, par les marchands ou les industriels français établis dans le pays sont fort rares depuis la fermeture des ports de la mer Noire aux étrangers en 1831, qui a mis fin aux rêves d'un vaste développement du commerce français en Géorgic. Comme le remarque un voyageur en 1842, « le consul et le chancelier protègent quelques débris de deux colonies françaises amenées à grands frais »¹².

Toutefois certains consuls tentent de voir clair dans la situation politique et militaire, exercent leur sens critique, et donnent leur point de vue sur la stratégie russe, sur les conséquences des initiatives prises par l'administration, sur la valeur des généraux et sur leurs rivalités. C'est sans doute là la contribution la plus originale de la correspondance

française de Tiflis à l'histoire de la conquête.

On ne saurait donc généraliser. L'intérêt des dépêches de ce poste entre 1830 et 1860 a évolué, non seulement en fonction de l'intensité des combats et des vicissitudes politiques, mais suivant la personnalité des agents.

Le premier en date, le « chevalier » Jean-François Gamba, était installé dans le pays depuis fort longtemps lorsque éclatèrent les hostilités. Dès 1819, à l'occasion d'une mission d'information en Russie méridionale, il avait inondé les services français de mémoires prometteurs sur les possibilités offertes au commerce de la France dans ces régions, et avait réussi à faire ouvrir en Géorgie un entrepôt de marchandises étrangères¹³. Reprenant un projet qui avait été déjà présenté en 1813 par l'agent consu-

laire génois Scassi au duc de Richelieu et chaleureusement encouragé par celui-ci, Gamba se sentait épaulé à Tiflis par le général Ermolov, à Odessa par le gouverneur Langeron et par le consul de Hollande Taitbout de Marigny¹⁴. Nommé consul depuis 1821, il imaginait déjà que le Caucase allait attirer les négociants qui se retireraient d'Alep, de Smyrne et de Constantinople, et il se vantait de pouvoir fournir en outre à la France un immense marché de 70 millions d'hommes en Asie Centrale. Selon lui, Tiflis serait « une Palmyre, une nouvelle Alexandrie ».

Un oukase russe de 1822 ouvrant le pays au commerce étranger avait d'abord paru lui donner raison. Mais la guerre, la hausse des prix, l'épidémie de choléra, l'indifférence — ou la prudence — des services français et des commerçants eux-mêmes contribuèrent à faire échouer son projet. Rappelé à Paris en 1831, il n'abandonna son rêve que peu de temps avant sa mort, en 1833. Sa fille conserva dans la région de Koutaïs une vaste propriété où elle résida jusqu'en 1855.

La correspondance de ce consul reste muette sur les opérations de Paskevič et la résistance des montagnards, mais il est vrai que Gamba rentra en France dès le début des hostilités. Toutefois on trouve de nombreuses réflexions sur la situation politique dans son compte rendu Voyage dans la Russie méridionale qui suscita des critiques sévères, peu

de temps après sa parution¹⁵.

Son successeur, le comte de Ratti-Menton, n'arriva à Tiflis qu'après un long délai dù à des difficultés administratives. Il est difficile d'apprécier le travail de ce consul, dont une seule dépêche datée de 1837 relate les troubles du Daghestan. En effet les registres de la correspondance politique de Tiflis sont complètement interrompus d'avril 1831 à septembre 1837, bien que l'ambassadeur de France à Saint-Pétersbourg fasse état en 1837 de plusieurs dépêches d'un grand intérêt venues de ce poste, mais non classées dans les archives. En 1836, le consul français à Trébizonde écrit qu'il a confié à Ratti-Menton les tables de chiffres lors de son passage, et qu'il vient de recevoir une lettre de lui contenant une allusion à sa « position difficile » en matière de correspondance politique¹⁶.

Après son départ et pendant plus d'un an, la gérance du consulat fut assurée par Aimé Rivoire, chancelier. De santé fragile, vivant d'un salaire très faible et affecté à un poste subalterne, il suivit cependant avec attention les événements du Caucase, et ses dépêches donnent des informations intéressantes sur le début des opérations dans le Daghestan, et

sur les premières manifestations de la puissance de Chamil.

Puis c'est, en 1840, l'arrivée du consul Sauveur de La Chapelle¹⁷ qui, à peine installé, est atteint d'une « fièvre inflammatoire et bilieuse » et se considère comme « aux portes du tombeau ». De mai 1840 à juillet 1841, il fournit pourtant un travail remarquable, recueillant les confidences des officiers supérieurs russes, s'efforçant de suppléer à la carence des nouvelles militaires par des études en profondeur sur les causes du soulèvement des tribus, par des observations personnelles faites au cours de son voyage à Vladikavkaz sur les combats de la Circassie. Ses dépêches mettent l'accent sur le caractère fanatique et sur la violence sans merci de la lutte, ainsi que sur la démoralisation de l'armée russe. On doit retenir surtout les renseignements relatifs au congrès tenu par Chamil à Tcherkei, et le bilan des opérations de 1840.

Mais dès 1842, le consul, malade, doit demander son rappel et confier la gérance au chancelier Monnot-Arbilleux, qui l'exerçait en fait depuis août 1841. Des dix-sept dépêches politiques de celui-ci, la plupart ne contiennent que des informations fragmentaires qui semblent provenir des communiqués officiels. On y trouve parfois des critiques intelligentes de la tactique russe, et des remarques sur les abus et les dilapidations. Quant au tableau des populations du Caucase, qu'il présentera en 1845, il est malheureusement étayé par des statistiques erronées, dans lesquelles sont confondues des données ethniques et géographiques : de vastes groupes tribaux sont mis en parallèle avec des vallées infimes, les indications numériques semblent être très inférieures à la réalité. Dans l'ensemble, Monnot-Arbilleux s'est heurté aux difficultés habituelles : mutisme des autorités, absence de renseignements de source adverse.

Un nouveau consul, Gustave de Castillon¹⁹, arriva à Tiflis en 1842 et y séjourna quatre ans et demi, au moment où les opérations atteignaient leur plus grande intensité, aussi bien du côté russe que de la part des montagnards. Ses dépêches forment un ensemble de documents qui est certainement le plus important de toutes les sources consulaires françaises

sur le Caucase.

Homme de caractère, conscient de la portée de son rôle, honnête et travailleur, il supportait mal l'indifférence « administrative » de ses chefs et ne cachait pas sa susceptibilité. Lors d'une mission ultérieure en Angleterre, vexé de n'avoir reçu du ministre aucun témoignage d'approbation, il demandera sa mise en disponibilité.

Parlant le russe, il parvint à pénétrer dans les milieux de la haute administration et à gagner leur confiance, sans perdre pour autant son sens critique, comme le prouvent ses appréciations sans indulgence sur Golovin, sur Neidhart, sur Argutinskij et sur Voroncov lui-même, et ses

observations sur les ambitions des généraux de l'état-major.

Cette situation privilégiée donne à ses dépêches une valeur nettement supérieure à celles de ses prédécesseurs. Non seulement il obtient la communication des croquis et des cartes d'état-major, mais son information dépasse le cadre des opérations locales ou des réformes de l'administration pour s'étendre à la politique des hautes sphères de Saint-Pétersbourg.

Scrupuleux dans ses recherches et sentant le danger de la routine, il s'éloigna de Tiflis à la fin de l'année 1843 pour entreprendre un voyage à travers le Daghestan et la Circassie, en vue de prendre du champ vis-àvis de ses informateurs et de mieux comprendre la situation des différents

théâtres de la guerre.

Victime, comme tant d'autres, du climat malsain de la région, Castillon tomba malade au cours de son séjour, mais maintint pourtant le

rvthme de sa correspondance.

On trouve dans ses dépêches de bons renseignements sur les opérations dans tous les secteurs, sur les causes des différents mouvements insurrectionnels et sur les rapports internes entre les groupes des montagnards, notamment entre Chamil et la Kabarda. Mais l'intérêt principal de cette correspondance réside dans les synthèses périodiques expédiées par des courriers sûrs, dans lesquelles Castillon « dégonfle les baudruches des communiqués officiels », expose d'une manière pénétrante la tactique des Russes et celle de Chamil, analyse les conséquences de la réforme admi-

nistrative, enfin met en relief les erreurs des dirigeants, peu intéressés par la mise en valeur du pays et préoccupés davantage de remporter des succès spectaculaires qu'une victoire durable.

Après son départ, l'intérim du consulat fut confié au drogman Lauxerrois. Arrivé à Tiffis en août 1847 après un voyage à travers la Mingrélie et l'Imérétie, celui-ci connut des débuts difficiles. Comme on l'a vu cidesses, il trouva des conditions de logement précaires; un tant qu'intérimaire, il ne bénéficiait d'aucune indemnité d'établissement; le drogman. Vidal, venait également d'arriver et n'était au courant de rien. En cutre tout le pays était infesté par une épidémie de choléra et de dysenterie, et le consul intérimaire n'allait pas tarder à être atteint par la malodie.

Il réussit toutefois à établir de bonnes relations avec Veroncov, et accomplit un excellent travail d'information. Ses nombreuses dépéches sur les mouvements de l'armée russe, les mutations, les projets d'expédition, sur la situation économique, s'accompagnent d'observations personnelles qui témoignent d'une fine psychologie, et dans ses étades de fond il saisit mieux que d'autres les subtilités des problèmes de la pacification.

Malgré les indiscrétions qui avaient indisposé les autorités resses contre le consulat de France peu de temps avant son arrivée. Lauxerrois parvint à retrouver les bonnes grâces de Voroncov. C'est ainsi qu'il fut autorisé à visiter les établissements militaires de la Soundja et qu'il prépara habilement le terrain à la mission du colonel français Courtigis, reçu chaleureusement par Voroncov qui l'invita à assister aux manœuvres de l'armée russe. Cependant les relations se refroidirent après février 1848 avec les autorités russes, qui ne cachaient pas leur hostifité au nonvous régime républicain.

Cette méfiance continua de se manifester tout au long de l'année 1848. Le nouveau consul Pierre-Edmond de Barrère²⁰, nommé en juin, dut attendre cinq mois l'octroi de son passeport : période assez médiocre pour la correspondance du consulat alors confiée au chancelier Alexis Collin. La mission de Barrère commença d'ailleurs sous de facheux auspices : son voyage fut en effet marqué par un incident à Alexandropol : le drogman arménien qu'il avait réclamé se vit refuser l'agrément des autorités, enfin Barrère recueillit au possage les plaintes des populations musulmanes contre les incursions des Cosaques et promit de se faire l'interprète de leurs doléances auprès de Vorencov.

A en juger par ses premières dépêches, Barrère était du reste animé d'une grande méfiance envers les autorités russes, notamment pour ce qui concernait la sécurité de son courrier, et plein de préjugés contre la politique qu'elles menaient au Caucase. L'accueil « gracieux et distingué » que lui réserva Voroncov eut tôt fait de l'amadouer. Le gouverneur manifesta sa bonne volonté, minimisa les incidents provoqués par les Cosaques et promit de faire une enquête. Peu à peu s'établit une fructueuse coopération. Voroncov fit part à Barrère de ses plans militaires et de l'ordre de bataille, et appuya même l'action menée par le consul pour soutenir les missionnaires français de Perse, victimes des agents anglais. Bientôt Barrère multiplia les appréciations élogieuses!

Outre les sources officielles, il bénéficia des renseignements fournis par

des sources occasionnelles, tels des voyageurs français.

Sa correspondance s'échelonne de décembre 1848 à septembre 1851,

Sa correspondance s'échelonne de décembre 1848 à septembre 1851, mais avec de très longues interruptions dont il est difficile de connaître la cause. A travers ses dépêches au style ampoulé transparaît le caractère de l'homme, dont le souci d'objectivité passe souvent après le besoin d'exalter l'orgueil national et la foi chrétienne. L'intérêt de certaines dépêches ne doit pourtant pas être sous-estimé, ni celui du rapport qu'il

a rédigé à la fin de son séjour²¹.

Pendant la période suivante, qui coïncida avec le séjour à Tiflis du consul François Steyert, l'aggravation progressive des relations russoturques et les premiers chocs frontaliers prirent le pas sur les opérations contre Chamil. Bénéficiant de la tradition établie par ses prédécesseurs, et malgré l'évolution de la politique française, Steyert entretint d'excellents rapports avec Voroncov qui, en novembre 1853, demandait au tsar d'autoriser une cérémonie au consulat de France destinée à montrer les bonnes relations entre la France et la Russie pour impressionner les montagnards du Caucase. Mais le déclenchement des hostilités en 1854 mit évidemment fin à sa mission. Il reçut en mai l'ordre de quitter la ville et gagna la Turquie avec son drogman et son secrétaire. Par Gumri (Alexandropol) il se rendit à Kars. En octobre il reçut une affectation provisoire à Batoum (alors située en territoire turc), où il resta jusqu'à la fin de la guerre de Crimée, en 1856.

Il trouva à Batoum des conditions d'établissement et de travail particulièrement difficiles : les ressources du pays étaient faibles, les frais considérables, les moyens de transmission rares et précaires, enfin les relations avec les autorités turques souvent tendues, surtout avec le général Mustafa Pacha qui commandait dans la région. Le consul était mal placé à Batoum pour recueillir des informations, d'autant que les liaisons avec les populations circassiennes devinrent en 1855, du point de vue officiel français, l'apanage exclusif d'un agent consulaire envoyé à Soukhoum Kale, Charles Champoiseau, qui jouissait d'une plus grande

liberté de mouvements.

La correspondance de Steyert après 1854 reflète ces difficultés. Ses seules sources d'information étaient les autorités militaires turques, quelques officiers français ou anglais de passage, des déserteurs de l'armée russe. Les uns et les autres ne pouvaient fournir que des bribes de renseignements sur la situation des tribus du Caucase. A deux occasions, le consul put se rendre compte de l'impossibilité d'établir un contact quelconque avec Chamil: une première fois quand il essaya de négocier avec lui la libération d'une Française, Madame Drancey, capturée par ses troupes, et ensuite lors de vaines tentatives de l'Algérien Bou Maza pour combattre dans ses rangs.

En juin 1854, lors de l'arrivée de Steyert à Kars le secrétaire du consul de France à Erzeroum émit un jugement sévère sur l'attitude du consul, qui était arrivé de Tiflis « à petites journées » sans avoir rien observé, au grand étonnement des généraux alliés qui espéraient obtenir par lui des renseignements précieux. Steyert avait déclaré, selon ce secrétaire, que « cela ne l'intéressait pas », et qu'il n'était pas pressé de se rendre à Constantinople pour remettre les cartes d'état-major du Caucase que Castillon

lui avait laissées ; il lui avait fait l'effet d'un « homme très superficiel, un peu trop régence », et qui semblait surtout dévoué à la famille de Louis-Philippe²². (Steyert avait été en effet secrétaire du duc d'Orléans de 1837 à 1842, et c'était sur la recommandation de Pontécoulant et de la duchesse d'Orléans qu'il avait pu entrer dans la carrière consulaire.)

Ce jugement paraît excessif. Si les dépêches de Steyert sont très rares et indigentes pendant la première année de son séjour à Tiflis, elles contiennent à partir de novembre 1853 des renseignements sur les mouvements de Chamil et sur les premiers engagements russo-tures. Après son repli à Batoum, elles prennent un caractère plus purement consulaire, mais on y trouve aussi de nombreux rapports sur les opérations militaires, quelques remarques intéressantes sur l'action des tribus, et une appréciation pertinente de la politique menée par Mustafa Pacha dans la région occupée.

Le consul jouissait, semble-t-il, d'une certaine popularité, du moins auprès des populations chrétiennes dont il assumait le rôle traditionnel de protecteur. C'est ainsi qu'il prit la défense des Polonais déserteurs de l'armée russe qui étaient maltraités par les Turcs et leur offrit l'hospitalité. Steyert céda cependant à un certain découragement en raison des hésitations et des contradictions de la politique de la France dans cette région, de l'absence d'instructions nettes et des difficultés matérielles croissantes. Ses dépêches s'espacent peu à peu et cessent complètement après décembre 1855.

Au lendemain de la guerre, le baron Antoine Finot, successeur de Steyert, débarqua à Redout Kale en 1856, au milieu des ruines et des épidémies. De ses premières dépêches on retiendra les sympathies exprimées pour la France par les populations de Mingrélie et leurs regrets de l'absence de troupes françaises dans ce secteur, leur hostilité envers les occupants turcs poussée jusqu'à l'écœurement, la condamnation de la politique menée par Ömer Pacha sur la côte circassienne. Une fois installé à Tiflis, le consul rend compte de la joie suscitée par le départ du général Murav'ev et de la considération unanime dont jouissait Voroncov.

Les dépêches de Finot sont muettes sur les opérations militaires de l'année 1856. En 1857, malgré de longues interruptions, elles reprennent une cadence plus régulière avec des renseignements sur l'ordre de bataille et sur le rôle des familles régnantes de Mingrélie et de Svanétie; puis en 1858 les actions militaires deviennent plus intenses, pour aboutir à la capture de Chamil, à la soumission générale et à la capitulation de Mohammed Emin, tandis que des îlots de résistance persistent jusqu'en 1860. Le consul note le contraste entre l'habileté de la stratégie militaire russe et la faillite de l'administration au Caucase.

Il faut noter que Finot remplit sa mission avec tact et dévouement, qu'il sauva courageusement des négociants français menacés lors des troubles de Noukha en 1862, et qu'il réussit, au lendemain de la guerre de Crimée, à rétablir d'excellentes relations avec les autorités locales. Il accompagna le général Barjatinskij dans son expédition au Daghestan et reçut le grade de commandeur de l'Ordre de Sainte-Anne et le grand cordon de Saint-Stanislas.

Pour les consuls de France, le départ de Finot en 1860 marque la fin d'une longue période de trente années dominée par la guerre contre les montagnards et par la personnalité de Chamil. Le chancelier du consulat, Benjamin de Tramasure²³, qui va assurer désormais la gestion du consulat pendant plusieurs années, s'intéressera moins aux petites escarmouches qui troublent encore la tranquillité de ce pays qu'aux problèmes sociaux qui vont se poser aux autorités, en particulier à la vague d'émigration des populations musulmanes vers la Turquie et à la traite des esclaves. On ne saurait pourtant passer sous silence l'excellent rapport qu'il rédigea de mémoire à Paris en 1855, alors que ses documents lui avaient été volés à son départ de Tiflis²⁴.

Odessa: L'emprise de Voronçov

Loin du théâtre de la guerre, Odessa était toute tournée vers le commerce. C'est dans cette ville qu'avaient pris naissance, avec les encouragements du duc de Richelieu, les premières tentatives visant à créer un mouvement commercial en direction des côtes de la Circassie et de la Géorgie, et que deux agents consulaires occidentaux, le Génois Scassi et l'armateur Taitbout de Marigny, consul de Hollande, s'étaient consacrés à cette entreprise, tandis qu'à Tiflis, le consul français Gamba cherchait à attirer les hommes d'affaires français. Depuis lors, le comte Voroncov, installé à Odessa à partir de 1823, avait fait siennes les thèses du duc de Richelieu et voyait dans le développement commercial des côtes orientales de la mer Noire un moyen d'amener les populations montagnardes à une cohabitation pacifique. On sait que le revirement brutal du Gouvernement russe mit fin à ces espérances, mais une fois la période euphorique passée, Voroncov restait ouvert à toutes les initiatives de paix, et on le verra, en 1836, alors même que le blocus total des côtes est imposé et que l'insurrection des tribus tend à se généraliser, étudier sérieusement l'implantation de colons européens dans les ports circassiens.

Cité cosmopolite, administrée par un grand seigneur d'éducation anglaise, Odessa est une ville à part. L'ambassadeur français en Russie, Amable de Barante, qui a sans doute été séduit par l'hospitalité généreuse et par l'opulence du gouverneur lors d'un bref séjour en 1838, y éprouve une sensation de liberté inconnue ailleurs, qu'il attribue en grande partie au caractère du comte Voroncov et à son ouverture d'esprit : « Le gouvernement de M. le comte Woronzow participe aussi peu que possible à ces habitudes de discipline militaire, à cette inflexibilité sans discernement, communément considérées en Russie comme preuve de zèle, comme moyen de plaire au souverain. Le comte Woronzow a voulu qu'Odessa restât une ville commerciale, sans grands établissements militaires d'armée ou de marine. Sa police n'a rien de tracassier. On vit à Odessa avec une sorte de laisser-aller et de sécurité, sans trop vive crainte de l'autorité. »²⁵

Dans un tel climat, on pourrait penser que les consuls français en fonction dans ce poste sont en mesure d'accomplir un fructueux travail d'information, d'autant que « la mémoire de M. Richelieu est encore présente et respectée »²⁶.

C'est pourtant un tout autre point de vue qui est exprimé par la plupart des consuls : la modicité de leur traitement leur interdit de tenir dignement leur rang dans une ville où, disent-ils, le coût de la vie est montagnards et par la personnalité de Chamil. Le chancelier du consulat, Benjamin de Tramasure²³, qui va assurer désormais la gestion du consulat pendant plusieurs années, s'intéressera moins aux petites escarmouches qui troublent encore la tranquillité de ce pays qu'aux problèmes sociaux qui vont se poser aux autorités, en particulier à la vague d'émigration des populations musulmanes vers la Turquie et à la traite des esclaves. On ne saurait pourtant passer sous silence l'excellent rapport qu'il rédigea de mémoire à Paris en 1855, alors que ses documents lui avaient été volés à son départ de Tiflis²⁴.

Odessa: L'emprise de Voroncov

Loin du théâtre de la guerre, Odessa était toute tournée vers le commerce. C'est dans cette ville qu'avaient pris naissance, avec les encouragements du duc de Richelieu, les premières tentatives visant à créer un mouvement commercial en direction des côtes de la Circassie et de la Géorgie, et que deux agents consulaires occidentaux, le Génois Scassi et l'armateur Taitbout de Marigny, consul de Hollande, s'étaient consacrés à cette entreprise, tandis qu'à Tiflis, le consul français Gamba cherchait à attirer les hommes d'affaires français. Depuis lors, le comte Voroncov, installé à Odessa à partir de 1823, avait fait siennes les thèses du duc de Richelieu et voyait dans le développement commercial des côtes orientales de la mer Noire un moyen d'amener les populations montagnardes à une cohabitation pacifique. On sait que le revirement brutal du Gouvernement russe mit fin à ces espérances, mais une fois la période euphorique passée, Voroncov restait ouvert à toutes les initiatives de paix, et on le verra, en 1836, alors même que le blocus total des côtes est imposé et que l'insurrection des tribus tend à se généraliser, étudier sérieusement l'implantation de colons européens dans les ports circassiens.

Cité cosmopolite, administrée par un grand seigneur d'éducation anglaise, Odessa est une ville à part. L'ambassadeur français en Russie, Amable de Barante, qui a sans doute été séduit par l'hospitalité généreuse et par l'opulence du gouverneur lors d'un bref séjour en 1838, y éprouve une sensation de liberté inconnue ailleurs, qu'il attribue en grande partie au caractère du comte Voroncov et à son ouverture d'esprit : « Le gouvernement de M. le comte Woronzow participe aussi peu que possible à ces habitudes de discipline militaire, à cette inflexibilité sans discernement, communément considérées en Russie comme preuve de zèle, comme moyen de plaire au souverain. Le comte Woronzow a voulu qu'Odessa restât une ville commerciale, sans grands établissements militaires d'armée ou de marine. Sa police n'a rien de tracassier. On vit à Odessa avec une sorte de laisser-aller et de sécurité, sans trop vive crainte de l'autorité, »²⁵

Dans un tel climat, on pourrait penser que les consuls français en fonction dans ce poste sont en mesure d'accomplir un fructueux travail d'information, d'autant que « la mémoire de M. Richelieu est encore présente et respectée »²⁶.

C'est pourtant un tout autre point de vue qui est exprimé par la plupart des consuls : la modicité de leur traitement leur interdit de tenir dignement leur rang dans une ville où, disent-ils, le coût de la vie est particulièrement élevé, ou de participer autant qu'il serait souhaitable aux mondanités de la cour provinciale du comte Voroncov, dans laquelle ils pourraient recueillir quelques échos de la guerre du Caucase²⁷. Sans doutes les passages de navires, de négociants ou de voyageurs, habituellement générateurs d'utiles informations, sont assez importants à Odessa, mais le mouvement commercial n'atteint pas les rives orientales de la mer Noire surveillée par la croisière russe, et la part des Français y est infime²⁸.

Restent les confidences des officiers de l'armée et de la marine russes. A mesure que les combats s'intensifient, les mouvements de troupes se multiplient en effet vers la côte circassienne, des unités stationnent à Odessa ou en Crimée avant de rejoindre les fronts du Caucase, et des convois de blessés en reviennent. Mais les combattants sont très réservés en raison des consignes de discrétion et de la crainte des sanctions.

« Le silence absolu qui est recommandé sur toutes les affaires de Circassie fait que nous n'apprenons que tardivement ce qui s'y passe et toujours d'une manière vague. Il n'y a là que des militaires ou des employés qui se gardent bien de rien écrire qui puisse les compromettre. Il faut se contenter de rares ouï-dire la plupart incohérents et surtout inexacts; ce n'est qu'en les corrigeant les uns par les autres qu'on parvient à savoir à peu près la vérité. »²⁹

André-Adolphe Challayc³⁰, auteur de ces lignes, est consul à Odessa depuis 1821 et restera en fonction jusqu'à sa retraite en 1846, malgré une interruption de plus de deux années. Il s'est acquis peu à peu une excellente réputation à Odessa, s'attirant l'estime et la sympathie de tous les milieux et rendant de nombreux services aux membres de la colonie française, qui sont au nombre de 350 à 400 personnes, et qui adresseront une pétition au ministère des Affaires étrangères pour qu'il soit maintenu à son poste.

Dans la correspondance consulaire, Challaye est l'un des premiers à annoncer les hostilités déclenchées au Caucase, les expéditions de Paskevič et l'ébauche d'une ligue des tribus montagnardes; mais il faut reconnaître que ses dépêches des années 1830 et 1831 ne font état que de renseignements bien imprécis. Malade, atteint de surdité, il doit demander un congé en 1832, puis une affectation dans un poste au climat plus doux.

C'est alors un long silence de près de quatre années dans la correspondance sur le Caucase. Cette absence de dépêches peut s'expliquer évidemment par la rigueur du blocus des côtes circassiennes qui rendait difficile l'envoi d'informations, ou bien par la relative inactivité du front caucasien pendant cette période : deux voyageurs français, arrivés à Odessa en mars 1834, témoignaient qu'ils avaient pu traverser tout le Caucase comme de simples touristes (escortés cependant par des Cosaques...) et qu'ils avaient constaté en toutes régions — sauf chez les Lesghis — une grande tranquillité et même une bonne entente avec les autorités russes³¹ ; l'année suivante le consul envoyait à Paris une annonce publicitaire parue dans la presse pour « un voyage par mer sur toute la côte orientale de la Mer Noire y compris celle de Circassie » au prix de 500 roubles³². A cette époque l'actualité est ailleurs : c'est, en 1833,

l'intervention militaire russe à Constantinople, destinée à protéger l'Empire ottoman contre les forces égyptiennes d'Ibrahim Pacha. Dans toute la correspondance politique provenant d'Odessa, il n'est guère question à ce moment que des mouvements de troupes et de navires vers le Bosphore, puis des prolongements diplomatiques de cette action dans

la péninsule balkanique.

Quoi qu'il en soit, l'inexpérience des responsables du consulat n'est probablement pas étrangère à cette carence, puisque les nouvelles du Caucase réapparaîtront dans les dépêches aussitôt après le retour de Challaye. Dans l'intervalle le consulat français est d'abord confié à Jean-François Sauron³³, avocat de formation autodidacte, qui exerçait déjà bénévolement les fonctions de chancelier depuis quinze ans, et qui fournit un gros travail d'information sur les mouvements de la marine russe en mer Noire. Après un an de gestion, il se croit en droit de solliciter la charge de consul, mais ses efforts resteront vains : le 3 octobre 1833 arrive à Odessa un nouveau titulaire, Vasse-Saint-Ouen, qui va être paralysé dans sa tâche par l'attitude du chancelier. Celui-ci accepte de mauvaise grâce de lui communiquer les sources de ses renseignements : « Ma présence ici a été un désappointement complet pour les Sauron qui tous se flattaient de voir leur aîné définitivement confirmé au consulat d'Odessa. De là le peu de concours que j'ai trouvé dans l'ex-gérant. »³⁴

L'un des meilleurs informateurs de Sauron était son frère, employé aux chantiers navals de Nikolaev; or celui-ci vient de se suicider. Bientôt Sauron, dont l'influence est grande dans les cercles français de la ville, démissionne de la chancellerie (27 mars 1834) après un incident avec le consul. Vasse-Saint-Ouen, désormais isolé à Odessa et critiqué par le ministère pour son faible rendement, doit, après quelques mois, céder

la place à un autre consul (septembre 1834).

Despréaux de Saint-Sauveur³⁵, dès son arrivée, réintègre Sauron dans ses fonctions et noue de bonnes relations avec Voroncov. « Je suis dans les meilleurs rapports avec ce gouverneur. Il me témoigne beaucoup d'égards. Il est venu me faire visite hier et est resté à causer avec moi près d'une heure. »³⁶

Saint-Sauveur entend montrer cependant qu'il ne se laisse pas abuser par les fastes de la haute société d'Odessa. Il déplore même « une dissipation à laquelle les personnes les plus raisonnables sont obligées malgré elles de prendre part à cause de l'exemple donné par le comte et la comtesse Worontzow, toutes les autorités russes, et les principaux habitants...»³⁷.

Il constate également l'extrême misère du peuple à Odessa et en Crimée à la suite des mauvaises récoltes de 1834, s'informe de la situation des provinces plus lointaines, visite la Moldavie, néanmoins, il joue le jeu de courtisan sans qu'on discerne nettement dans cette attitude la part du calcul et du plaisir. Si l'on doit apprécier les résultats de sa mission d'après les nouvelles reçues du Caucase, sa production est nulle comme celle de son prédécesseur. Mais invité par Voroncov en 1835 dans son domaine de Crimée, il va l'être de nouveau en 1836 à bord d'un pyroscaphe pour participer à une croisière d'inspection des côtes circassiennes, ce qui va lui donner l'occasion d'enrichir sa documentation de témoignages directs. Le compte rendu de son voyage n'a pas été intégré aux dossiers des Archives diplomatiques, mais il a été publié à Paris en 1837³⁸.

En dépit de son caractère superficiel, ce récit contient quelques observations intéressantes sur les forts côtiers tenus par les Russes, sur l'efficacité du blocus et la contrebande d'armes provenant de Trébizonde, et

sur le type de guerre pratiqué en Circassie.

Au moment où Saint-Sauveur effectue ce voyage, le consulat de France a déjà été repris en main depuis le 1er mai 1836 par l'ancien consul André-Adolphe Challaye, qui retrouve certes les mêmes difficultés que ses prédécesseurs, mais qui va réussir, à la différence de ceux-ci, à glaner peu à peu des bribes d'informations et des confidences de plus en plus nombreuses qu'il consignera dans ses dépêches. La lecture de sa correspondance politique et commerciale nous révèle le caractère scrupuleux d'un agent avide de renseigner rapidement son gouvernement, puis de recouper inlassablement les informations recueillies. C'est pourquoi il n'hésite pas à relater immédiatement les faits sous une forme brute et imprécise, quitte à apporter dans les dépêches suivantes les corrections et les additions nécessaires. Méthode de journaliste plus que d'historien, mais qui offre l'avantage de cerner de près l'actualité, et de montrer à chaud comment on réagissait en Russie à l'annonce des événements du Caucase.

Ses dépêches, avec leurs lacunes, leurs faiblesses et les interrogations qu'elles posent, sont par elles-mêmes des sources d'un grand intérêt; car dans la mesure où elles viennent des confidences de l'entourage de Voroncov et d'officiers de l'armée ou de la marine, elles reflètent les incertitudes des autorités sur la situation réelle du Caucase et contribuent à expliquer le caractère improvisé et souvent incohérent de la politique russe : c'est le cas des projets patiemment étudiés et soudain abandonnés comme l'implantation de colons européens en Circassie, des dispositifs militaires remis en question au moment d'être appliqués, des récits de combats qui ne sont ni localisés ni datés, des hypothèses avancées pour exposer le but d'une expédition ou d'une levée d'hommes exceptionnelle, enfin des prédictions hasardeuses sur l'issue de la guerre³⁹.

A cet égard l'un des traits les plus frappants de cette correspondance est la disproportion entre les nouvelles du front « circassien » et celles du front oriental. Pas un mot sur le muridisme ; le rôle de Chamil, qualifié sommairement d' « Abdelkader du Caucase », n'est évoqué, du moins jusqu'à la fin de l'année 1841, qu'à l'occasion de ses contacts avec les tribus de l'Ouest ou de ses premières offensives, sans qu'on saisisse le sens et l'importance de son mouvement. Challaye écrit le 12 août 1840 : « Les relations sont si rares entre Odessa et les pays au-delà du Térek que c'est un miracle quand nous apprenons ce qui s'y passe [...] Quoi qu'il en soit, il est hors de doute que les petits succès de Chamill, comme ceux des Circassiens, ne sont qu'éphémères, »⁴⁰

En revanche les événements survenus sur la côte de la mer Noire et dans l'arrière-pays abkhaze sont suivis avec attention et parfois relatés avec un luxe de détails, ce qui fait l'originalité et l'intérêt de la correspondance de ce poste par rapport aux autres consulats. De 1836 à 1842, la saisie du Vixen et les aventures des agents anglais en Circassie, le désastre subi par la flottille russe de la mer Noire, et surtout la grande offensive des montagnards contre les forts côtiers en 1840, sont autant d'occasions pour Challaye de se livrer à des enquêtes approfondies. A la

fin de 1841, il est parvenu à une bonne connaissance des problèmes de ce secteur, comme en témoignent plusieurs dépêches de cette époque, qui exposent avec clairvoyance les maladresses du commandement russe

envers les tribus et les raisons de ses échecs.

Pour des raisons qui nous échappent, cette période féconde se termine brusquement à la fin de l'année 1842, au moment où une dépêche laissait prévoir (bien légèrement) une nouvelle orientation de la politique russe en Circassie et un retour aux méthodes pacifiques fondées sur le développement du commerce. Aucune nouvelle ne parvient plus du Caucase pendant les années suivantes, malgré les rudes combats qui s'y déroulent alors. Ce n'est pas qu'on les ignore à Odessa, mais il se produit dans l'opinion une sorte d'accoutumance qui incite le consul lui-même à négliger d'en rendre compte : « Les affaires du Caucase qui ont tant de retentissement en Europe préoccupent fort peu les esprits en Russie. Soit insouciance soit plutôt confiance dans leur force, les Russes qui ne doutent pas de leur succès final (et je suis entièrement de leur avis), les Russes, dis-je, s'émeuvent un peu lorsque des grands revers comme celui du général Grabbe ou de grands désastres comme ceux de l'automne dernier viennent humilier leur amour-propre, mais au bout de quelques jours tout est oublié. »41

En mars 1845, Challaye salue avec espoir la nomination comme viceroi (namestnik) de Transcaucasie du comte Voroncov, « attendu comme
le Messie » par des tribus « impatientes de se soumettre ». Le consul,
décidément gagné par la fièvre courtisane qui règne à Odessa, n'hésite
pas à célébrer « l'auréole de loyauté chevaleresque » du gouverneur⁴², et
n'en sera que plus déçu quelques mois plus tard lorsqu'il écrira : « Contrairement à ce que l'on espérait, nous n'avons jamais été ici dans une ignorance plus complète de ce qui se passe au Caucase, que depuis que M. le
Comte Woronzow a été prendre possession de sa vice-royauté. »⁴³

Challaye va rester encore plus d'une année à Odessa sans donner d'autres nouvelles que des rappels d'informations de presse et quelques allusions à Chamil glissées dans ses dépêches commerciales. Son silence soudain et définitif donnerait à penser que la plupart des renseignements transmis les années précédentes lui avaient été fournis par Voroncov luimême ou par son entourage immédiat. Quoi qu'il en soit, à l'exception d'une seule dépêche envoyée en 1853 par Jean-Baptiste Sauron⁴⁴, fils et successeur de l'ancien chancelier, la correspondance politique d'Odessa restera muette sur les événements du Caucase jusqu'à la fin de la guerre.

Il est probable que le départ de Voroncov a été marqué par un changement de climat politique, et que le libéralisme parfois excessif a fait place à une certaine méfiance envers les agents étrangers. La correspondance des successeurs de Challaye au consulat, Pierre Gilbert de Voisins et Albert Huct⁴⁵, est particulièrement pauvre et ce dernier tente de justifier son inaction en déclarant qu'il devient impossible d'avoir des nouvelles, ce qui lui vaut ce sévère commentaire porté en marge de sa dépêche par le ministre des Affaires étrangères : « Il me semble impossible que M.Huet ne trouve pas à Odessa la matière d'une correspondance. L'inviter à étudier le pays! »⁴⁶

Trébizonde : Le front circassien vu du côté turc

La fermeture de Redout Kale au libre commerce étranger à partir de juin 1831 a eu pour effet de provoquer un regain d'activité du port de Trébizonde. Pendant plusieurs décennies il va devenir le carrefour principal des côtes méridionales de la mer Noire et un grand centre de transit. Dès le mois de mai 1831, le vice-consul français écrit que le nombre des négociants devient chaque jour plus considérable à Trébizonde, la plupart venant de Constantinople ou y allant.

Pendant cette période les contacts restent également fréquents entre ce port et la côte circassienne : le commerce des esclaves des régions caucasiennes vers la Turquie se poursuit sous forme d'une contrebande presque ouverte ; des voyageurs isolés font régulièrement escale à Trébizonde sur leur chemin de retour de Géorgie vers l'Europe, et c'est de là que vont être lancées à partir de 1837 les initiatives des agents anglais Urquhart, Longworth, Bell, Knight et Stewart destinées à soutenir les populations circassiennes contre la Russie et à forcer le blocus. L'épisode le plus

célèbre sera la saisie du navire anglais Vixen.

Les Anglais sont en fait les seuls à profiter de cet essor de Trébizonde et à en tirer des avantages politiques. Un voyageur français estimera en 1843 qu'ils « font cinquante millions de francs d'affaires », et il déplorera l'absence de la France dans ces parages en mettant sévèrement en cause l'incurie de ses représentants : « A qui la faute, si le pavillon français flotte si rarement sur la Mer Noire, si Trébizonde est devenue une ville anglaise, et si le commerce de l'Asie est accaparé par nos rivaux ? Ce scrait ici le cas de signaler soit l'indifférence de notre pays, soit l'incapacité de quelques-uns de nos agents consulaires. »⁴²

Si l'apathie des gouvernants et des hommes d'affaires français ne fait guère de doute, comme on l'a constaté lors de l'expérience tentée par le consul Gamba à Tiflis, la médiocrité des représentants français à Trébizonde est, elle aussi, flagrante, à en juger par leur correspondance poli-

tique concernant les affaires caucasiennes.

Victor Fontanier⁴⁸, gérant du vice-consulat jusqu'en 1831, a été désigné à ce poste à titre provisoire, mais il s'estime destiné à une plus haute mission et se livre abondamment à des considérations politiques assez fumeuses, dominées par le souci constant de battre en brèche l'influence anglaise en Orient. Son souhait est de devenir un agent politique et commercial en Perse pour aider à réaliser deux objectifs : faire de la Perse un allié de la France à la fois contre les Russes et contre les Anglais, et contribuer à créer « un État indépendant formé des peuples chrétiens qui habitent le nord de la Perse et l'est de la Turquie », sans quoi toute la Turquie d'Asie « appartiendra à la Russie avant deux années ». Dans cette perspective, Fontanier mène une campagne active auprès des autorités françaises en faveur de l'indépendance de la Géorgie, au point d'envoyer en France deux princes de ce pays pour solliciter une intervention du Gouvernement de Louis-Philippe auprès de la Russie.

Il ne semble pas que ses conseils aient été pris au sérieux par le Gouvernement français, d'autant que Fontanier remplissait ses fonctions consulaires d'une manière peu satisfaisante et s'était acquis localement

une fâcheuse réputation49.

Sur les premières hostilités qui éclatent au Caucase en 1831, il n'a pu fournir que des bribes d'informations assez douteuses. Il tente d'expliquer cette carence par les conditions de travail écrasantes qui sont imposées à ce consulat : « J'ai à m'occuper d'ici non seulement de l'Anatolie, mais encore de l'Abazie et de la Perse, c'est-à-dire d'une étendue de territoire six ou sept fois grand comme la France, où les intérêts changent et se modifient à chaque pas ; il est impossible à de telles distances d'avoir des informations parfaitement exactes. »

Alors qu'il va quitter son poste, au moment même où celui de Tiflis est laissé vacant par suite du départ de Gamba, il prévoit que le consulat de Trébizonde va être réduit à une impuissance complète et il conteste à l'avance, avec une certaine impudence, les capacités de son successeur :

« Je connais M. Outrey comme parfaitement incapable d'éclairer le gouvernement sur les affaires de la Perse et de la Géorgie, et il aura à s'occuper de ces deux pays puisque le consulat de Tiflis étant supprimé, ce n'est probablement pas de Moscou que l'on attend des renseignements. Peut-être V. Exc. objectera-t-elle que tant bien que mal j'ai satisfait aux demandes du Département et qu'un autre plus expérimenté peut remplir la même tâche. Ce serait une fausse conclusion : j'ai pu écrire assez juste parce que je parcourais ces pays depuis dix ans, parce que j'avais laissé des correspondants et de fraîches relations. Mais que peut un nouveau venu quelque habile qu'il soit s'il n'a pas ces avantages! »50

Georges Outrey, qui va tenir le poste jusqu'en 1843, ne tarde pas à reconnaître lui-même les difficultés de sa tâche et la faiblesse de son rendement. Agé de cinquante ans à son arrivée, père de neuf enfants, avec un traitement de 9 000 francs, il connaît des conditions d'existence assez précaires, et sa correspondance contient d'incessantes demandes

d'augmentation.

Durant les trois premières années de son consulat, les renseignements qu'il recueille sur le Caucase sont à peu près inexistants. Puis, peu à peu, à partir de 1834, s'établit un courant d'information plus régulier grâce à des sources occasionnelles de toutes sortes qui transitent entre le Caucase et la Turquie : équipages de navires de commerce, voyageurs, missionnaires luthériens, trafiquants d'esclaves, lettres reçues de Redout Kale, etc. Les dépêches deviennent même assez abondantes dans les années 1836 à 1839, apportant les échos des tournées de Voroncov et de Rosen, des coups de main abkhazes, et insistant sur les remous suscités par la saisie du Vixen.

Sans doute les nouvelles sont transmises à l'état brut, sans recoupements sérieux, et elles restent vagues et fragmentaires; les mouvements des troupes russes sont souvent relatés sans qu'on puisse en saisir la signification. Encore la plupart des informations ne concernent-elles que les parages de la côte de la mer Noire, à l'exclusion du front oriental, et les activités et les projets des agents anglais passant par Trébizonde échappent-ils pour l'essentiel à la perspicacité du consul français qui n'obtient que des renseignements superficiels et déforme même les noms (Longolss pour Longworth, Night pour Knight); enfin aucune mention n'est faite de la vaste offensive des tribus circassiennes et abkhazes contre les forts

côtiers russes en 1840.

Néanmoins ces dépêches complètent utilement la correspondance envoyée à la même époque par le consul à Odessa et concernant le front occidental du Caucase, en transmettant en effet des informations recueillies hors du territoire russe, non inspirées par la propagande officielle, et dont les témoins ont pu s'exprimer en toute liberté. Elles montrent en outre comment ont été ressentis dans l'Empire ottoman les événements qu'on présentait dans une tout autre optique à Tiflis, à Odessa ou à Saint-Pétersbourg, et ont par là même une valeur documentaire indéniable. Quant aux lacunes qu'on y constate, elles sont sans doute imputables à la position marginale de Trébizonde, mais le consul a manifestement fait preuve d'un relâchement dans les trois années qui ont précédé sa retraite, et durant lesquelles on ne relève plus aucune information digne d'intérêt sur le Caucase. Il faudra attendre l'arrivée de son successeur et l'année 1844 pour trouver dans les dépêches de Trébizonde une trace de l'existence de Chamil. On a donc tout lieu de penser qu'Outrey était spécialement visé par les reproches envers les agents consulaires dont on a parlé ci-dessus.

Bernard de Clairambault, son successeur, a eu, avant son arrivée à Trébizonde, une carrière administrative assez « orageuse », émaillée de plaintes, de blâmes, de fautes de service et de sanctions. Mis en inactivité en 1836, il se rend alors à Trébizonde pour rejoindre sa mère qui y réside. Ce dernier détail explique peut-être qu'il ait pu nouer des relations sur le plan local et, une fois réintégré et affecté à ce consulat, constituer un réseau de correspondants du côté de la frontière russe. On constate en tout cas qu'à partir de 1844 les nouvelles du Caucase apparaissent de nouveau dans les dépêches de Trébizonde, qu'elles proviennent pour la plupart de lettres recues de Batoum, de Soghoudjak, de Tchuruk Sou, et que Clairambault semble avoir également entretenu de bons rapports avec le pacha de la ville, Abdullah Pacha, duquel il obtient précisions et recoupements. Pour la première fois apparaissent des témoignages sur les opérations militaires du Daghestan et sur le renom déjà légendaire de « Chamil Ier »; plusieurs dépêches de 1845 et 1846, qui confirment celles du consulat d'Erzeroum, rendent compte en détail d'un incident peu connu : l'arrestation en Turquie d'un émissaire de Chamil qui avait fomenté des troubles pour soulever la population contre les réformes du Tanzimat⁵¹. A cet égard les observations de Clairambault apportent quelque lueur sur les relations énigmatiques entre le Gouvernement ottoman et le mouvement du muridisme, et mettent en relief les divergences qui opposaient à ce sujet certains gouverneurs locaux entre eux.

Clairambault restera en fonction à Trébizonde jusqu'en 1853, mais pendant les cinq dernières années le silence se fait peu à peu sur les luttes des montagnards du Caucase. La révolution française de 1848, qui a été accueillie avec hostilité par les autorités russes, a coïncidé avec une rupture des circuits d'informations : le 10 mai 1848 on apprenait que le gouverneur russe de Redout Kale avait reçu des instructions confidentielles pour ne plus laisser pénétrer aucun sujet français, même muni de papiers en règle. Bientôt la détérioration des relations russo-turques et la multiplication des incidents frontaliers allaient accroître les difficultés. Dès le

5 juin de la même année, Clairambault écrit qu'après les Français, tous les sujets turcs sont refoulés de Géorgie et que les relations sont coupées entre la Russie et le Caucase.

L'activité du consulat ne diminue pas pour autant, mais les affaires du Caucase sont surtout évoquées désormais en fonction des préparatifs de la guerre qu'on sent imminente entre la Russie et la Turquie, et l'accent est mis sur l'enthousiasme belliqueux des populations. Le consul semble gagné lui-même par la fièvre qui règne dans la région, et transmet pêle-mêle des renseignements ou des rumeurs mal contrôlés, ou des opinions qui font une trop grande part à l'illusion, comme celle d'un médecin français de l'armée turque, qui assure « que le gouverneur de Batoum est en communication avec Tschiamil et avec les chefs circassiens et géorgiens les plus influents; qu'il est indubitable que si la guerre avec la Russie a lieu, le Daghestan, la Circassie et la Géorgie se soulèveront en faveur des Turcs »⁵².

Charles Poncharrass, qui succède à Clairambault à partir d'avril 1854, est âgé de vingt et un ans et vient de Crète: étranger à l'excitation locale, il va considérer les événements avec un regard plus neuf et plus critique. Son travail est sérieux, il ne cesse de vérifier, de rectifier ses propres informations, désapprouve le consul anglais à Erzeroum, Brant, qui a, dit-il, tendance à ajouter foi à tous les bruits (ce consul avait fait état en particulier d'une lettre de Chamil adressée au commandant de l'armée de Kars, annonçant son intention d'attaquer Tiflis avec 25 000 hommes et

12 à 15 canons)54.

Les opérations militaires, qui se déclenchent alors sur tous les fronts. constituent évidemment le principal sujet de ses dépêches. Poncharra recoit des lettres de Tabriz, d'Erzeroum, et entretient surtout une abondante correspondance avec les officiers français détachés auprès de l'armée turque. Mais les affaires caucasiennes retiennent aussi son attention. dans la mesure où le Gouvernement français, désireux de définir sa politique à l'égard des populations côtières de la mer Noire, est avide d'informations sur leur attitude. Sur ce point le nouveau consul, beaucoup plus que son prédécesseur, prend ses distances vis-à-vis des autorités ottomanes locales : instruit par les désastres de l'armée turque d'Anatolie et par l'incurie de ses chefs, il met souvent en doute les perspectives optimistes qui lui sont présentées, et il estime, contrairement à Clairambault, que l'antipathie des Géorgiens envers les Turcs est évidente, que les habitants des provinces circassiennes supportent de plus en plus mal l'autorité des pachas qu'on leur a imposés, et que la seule chance pour une expédition turque dans les provinces chrétiennes d'être bien accueillie est d'être épaulée par un corps français. A mesure que les mois passent, ses rapports sont teintés d'une hostilité de plus en plus marquée envers les initiatives ottomanes, et surtout envers Mustafa Pacha, commandant en chef du corps d'armée de Batoum qu'il accuse de jouer un rôle personnel et de faire obstacle aux contacts des Alliés avec Chamil. Sa dernière dépêche de 1854 est un véritable réquisitoire contre toute la politique turque : « La conduite de Mustapha [...] me semble dictée par un sentiment d'intérêt et de vanité personnelle, auquel se joint une ignorance profonde de la véritable situation des choses dans les contrées qui avoisinent le pays où il réside, ignorance au reste, qui paraît complètement partagée par son gouvernement. »55

A partir de 1855, la correspondance de Trébizonde perd un peu de son intérêt en ce qui concerne le Caucase, car depuis le déclenchement de la guerre de Crimée les affaires se traitent ailleurs : soit à l'ambassade de Constantinople et au quartier général interallié pour la mise au point de la stratégie et pour les contacts avec le naïb, soit à Soukhoum Kale où un agent consulaire, Charles Champoiseau, a été envoyé spécialement pour marquer la présence française. C'est toutefois à Trébizonde, refuge et carrefour, que ce dernier viendra séjourner au début de sa mission et rédiger son rapport final.

Erzeroum: La hantise d'une intervention française

La documentation recueillie par ce poste ne peut être comparée à celle des trois consulats étudiés précédemment.

Lorsque les hostilités éclatèrent au Caucase en 1830, il n'existait pas de consulat français à Erzeroum, et les conditions d'établissement y paraissaient très défavorables. L'avis de Victor Fontanier, consul à Trébizonde, était formel : un consul français ne serait d'aucune utilité dans cette ville ruinée par la dernière occupation russe, et dans laquelle n'était installé aucun négociant français. Le consul anglais Brant luimême avait renoncé à fonder à Erzeroum une succursale de sa maison de Trébizonde. Sa conclusion était aussi nette quant à l'inefficacité d'un poste d'observation politique en un tel lieu : « Erzeroum n'est pas mieux choisi. Que s'agit-il de savoir de ce côté ? Sans doute ce que les Russes ou les Persans font vers les frontières. Mais on ne sait les choses que quand on les voit ou qu'on en a des rapports fidèles. Erzeroum est tout à fait isolé de la Perse et de la Géorgie, et il n'est pas un homme de sens qui pût s'en rapporter à ce que lui diraient les gens du pays. Quant aux Européens, il n'y en a pas. »⁵⁶

Malgré ce conseil, un consulat de France allait être fondé quelques années plus tard, mais son faible rendement sur le plan de l'information politique donne raison à Fontanier. Théodore Goepp s'installe à Erzeroum en décembre 1842 et y restera six ans. Alors que les combats font alors rage au Daghestan et en Tchetchenia, que Chamil est au faîte de sa renommée, aucune dépêche signée de ce consul n'apporte le moindre écho des événements. Sa correspondance ne porte que sur les relations politiques entre la Turquie et la Perse, et sur la protection des Arméniens catholiques de la région. C'est seulement pendant une absence du consul que le drogman-chancelier Frédéric-Benoît Garnier signe en 1845 deux intéressantes dépêches révélant les activités d'un agent recruteur de Chamil dans les provinces turques frontalières, puis son arrestation.

Il faut attendre l'année 1852 pour trouver, sous la signature du nouveau consul Ed. Wiett, des renseignements assez précis, comme la soumission de Hadji Mourad, le raid manqué de Chamil sur le Kaïtagh et le succès des coupes de bois en Tchetchenia.

Son successeur Charles-Alexandre de Challaye⁵⁷ arrive quelques mois plus tard, au moment où la tension avec la Russie atteint son paroxysme. Partout on commence à s'interroger : la France va-t-elle s'engager dans un conflit aux côtés de la Turquie, et sous quelle forme ? Très vite Challaye se trouve confronté avec le problème des objectifs politiques français au Caucase. Dès 1852, se présente à Erzeroum un aventurier français, décidé à rejoindre Chamil et à soulever toutes les tribus du Caucase pour faire diversion à un coup de main sur Sébastopol. Son projet, élaboré en liaison avec des officiers polonais et hongrois réfugiés en Turquie, a été éventé avant même d'avoir pris forme et c'est au consul qu'il appartient de mettre un terme à cette initiative intempestive.

La guerre russo-turque une fois déclarée, les rumeurs d'une intervention militaire de la France se multiplient, et Challave est appelé à se prononcer sur l'opportunité d'envoyer un corps expéditionnaire français en Transcaucasie. Mais il est mal préparé à cette tâche, connaissant à peine le contexte politique des provinces caucasiennes, et il recueille sans discernement les on-dit qui circulent sur les forces respectives des belligérants et les avis des conseillers occasionnels. Ceux-ci ne manquent pas : un négociant français venu de Tiflis, les colonels de Meffray et Guyon, officiers détachés dans l'armée turque, un voyageur sarde, de nombreux transfuges de l'armée russe. Tous insistent sur la nécessité d'envoyer une unité, même une division française, dont la seule présence suffirait, à les croire, à déchaîner l'enthousiasme des populations chrétiennes du Caucase, géorgiennes et même arméniennes, et à provoquer un soulèvement général. Challaye, gagné par l'excitation qui règne autour de lui, transmet sans grande réserve tous ces avis qui répondent à ses propres préoccupations. Car s'il est d'abord optimiste quant à la puissance de l'armée turque au point de voir dans une présence militaire française le prélude à un brillant avenir pour la France après la victoire commune⁵⁸, bientôt il commence à s'inquiéter de l'inaction des troupes ottomanes, avant de s'alarmer de leurs revers, et dès lors il presse le commandement français de prendre une décision. La même attitude est adoptée par Gaspard Castagne⁵⁹, déjà gérant du consulat au début de l'année 1854, et qui remplace Challaye après février 1855. Les arguments qu'il fait valoir pour convaincre son Gouvernement sont d'un ordre différent : selon lui les Russes sont consternés par les nouvelles reçues de la Crimée, qu'ils considèrent déjà comme perdue, et ils sont sûrs que les Français et les Anglais se tourneront vers la Géorgie, qu'ils désespèrent de pouvoir défendre 60. Quant aux renseignements venant du Caucase, ils se bornent à une fausse nouvelle concernant la mort de Chamil, que le gérant du consulat croit bon de confirmer en mai 1855.

Jusqu'à la fin de la guerre, l'isolement de la place d'Erzeroum par rapport aux théâtres d'opérations du Caucase est total, et l'attention des consuls se porte exclusivement sur l'observation des événements d'Anatolie. Pour comprendre l'affolement auquel ont cédé les titulaires du poste pendant cette période, il faut rappeler en outre que Challaye et Castagne allaient être emportés quelques mois plus tard par le choléra.

II - DE L'INFORMATION A L'INTERVENTION

Les Archives diplomatiques ne contiennent guère d'indications sur les réactions du Gouvernement français aux dépêches envoyées par les consuls, mais tout porte à croire qu'il a toujours adopté une position très réservée à l'égard des événements du Caucase. L'influence politique de la France était traditionnellement faible dans ces régions, et si les milieux officiels avaient hésité à s'engager avant 1830 quand il s'agissait d'y encourager les initiatives commerciales du consul Gamba, ils devaient éviter a fortiori de se mêler d'un conflit dans lequel les intérêts français n'étaient pas en cause et dont les données exactes leur échappaient. Visiblement, le Gouvernement n'attendait de ses consuls rien d'autre qu'un travail d'observation.

Comme on l'a vu dans les pages précédentes, les consuls français s'acquittèrent de leur mission d'information avec des résultats plus ou moins heureux, transmettant les bribes de renseignements recueillies à grand-peine, mais tous se gardèrent, jusqu'à la veille de la guerre de Crimée, d'exercer une action politique ou d'inciter les autorités françaises à intervenir. Ceux qui résidaient en Russie savaient que dans la société russe elle-même on écartait les affaires du Caucase de toutes les conversations⁶¹, et ils connaissaient trop la suspicion qui animait le tsar Nicolas Ier envers le régime jugé trop libéral de la Monarchie de Juillet, pour ne pas s'interdire le moindre commentaire imprudent qui eût fait figure d'ingérence politique. Ce qu'ils redoutaient surtout, c'était de voir leurs efforts prudents ruinés par la publicité donnée aux exploits héroïques des montagnards dans la presse occidentale, qui était au contraire peu soucieuse de ménager l'impérialisme russe⁶².

Pression croissante de l'opinion publique

Pendant longtemps les événements du Caucase ne suscitèrent aucun écho dans l'opinion française. La Circassie et le Daghestan étaient considérés comme des pays lointains, à demi sauvages, qui ne pouvaient intéresser que des voyageurs épris d'aventures ou des savants. Des descriptions, des récits de voyages, des études scientifiques avaient cependant été publiés depuis la fin du xviii siècle, qui faisaient preuve d'une connaissance étendue du milieu montagnard. La plupart émanaient d'auteurs étrangers (Robert Lyall, George Ellis, Sir Robert Ker Porter, Peter Simon Pallas, Julius von Klaproth), mais les plus importants avaient été soit traduits, soit rédigés directement en français.

Au seuil de la période qui fait l'objet de notre étude, de nouveaux développements étaient intervenus dans les relations entre la Russie et les populations caucasiennes, à savoir : l'action énergique menée par le général Ermolov, puis la brusque fermeture du pays au commerce étranger, enfin les expéditions brutales du maréchal Paskevič et la forte résistance que leur opposèrent les populations montagnardes. Si l'on juge d'après les ouvrages ou articles parus en France, les témoins occidentaux observèrent ces événements sans manifester une quelconque sympathie envers les tribus circassiennes. Certes un courant pacifiste s'était dessiné

à Tiflis et surtout à Odessa, mais ses promoteurs étaient guidés moins par des préoccupations idéologiques ou sentimentales que par le souci de rétablir la sécurité, joint à un intérêt commercial; d'abord encouragés par le duc de Richelieu et par son successeur Langeron, ils se trouvaient de plus en plus isolés⁶³, et Taitbout de Marigny faisait part dès 1821 de ses pressentiments:

« Il est douloureux de songer que l'empereur Alexandre, lassé enfin par les plaintes qui lui arrivent journellement contre eux [les Circassiens], se décidera peut-être à porter la guerre dans leur pays. Depuis longtemps le général Iérmolov, commandant en Géorgie, attaque les peuplades limitrophes de son gouvernement [...] mais quelques avantages achetés souvent par des pertes considérables, en ont été jusqu'à présent les seuls résultats; et quel fruit retirer d'une guerre contre ces peuples belliqueux, dans un pays inconnu, de difficile accès, rempli de défilés et de forêts immenses dont les habitants, n'ayant plus rien à perdre après avoir mis le feu à leurs cabanes, iront s'établir sur des montagnes inaccessibles, d'où, supposant même que le bas pays soit soumis, ils inquiéteront longtemps les vainqueurs qui devront y entretenir continuellement une armée [...]

M. le duc de Richelieu, qui connaissait les Tcherkesses et qui les voyait tels qu'ils sont, sentit cette grande vérité et personne sans doute n'avait mieux mérité que lui de présenter à l'empereur Alexandre un projet où il s'agissait du bonheur d'un peuple. Ses vœux auraient dû être comblés et l'homme sensible eût été ému à la vue d'une nouvelle nation sortie des sombres forêts du Caucase, et redevable à un prince philosophe et à un ministre vertueux des bienfaits de la civilisation. Pourquoi faut-il hélas que quelques

individus aient détruit de si belles espérances! »64

Pourtant d'autres témoignages insistaient plutôt sur la nécessité de mettre fin aux pillages, souhaitaient la victoire de l'Empire russe défenseur de la civilisation, et présentaient déjà des plans chimériques pour les lendemains de la conquête. Pour Jean-Charles de Besse:

« Quand la sécurité des personnes et des propriétés sera ainsi solidement garantie, l'excédent de la population de l'Europe occidentale pourra se porter avec confiance dans ces régions pour y trouver le bonheur, la beauté du climat et la fertilité du sol. Cette époque n'est pas éloignée et le gouvernement a déjà commencé ce grand œuvre : il tâche de refouler les Tcherkesses dans leurs montagnes. »⁶⁵

Un autre témoin contemporain, ancien officier de l'armée russe, se félicitait de la conclusion du traité d'Andrinople et de l'occupation d'Anapa, dans lesquelles il voyait le prélude à une annexion complète :

« Disons mieux : il n'est plus question de domination, c'est une fusion qui doit s'accomplir. La Russie a, en tout genre, un beau rôle à jouer. Ici, elle reçoit dans son sein les peuplades qui voudront s'européaniser, elle soumet, elle éteint, non par la force, mais par la privation de leurs ressources ordinaires, par la répression du pillage et d'un trafic du sang, celles qui tiennent à rester asiatiques. » Il ajoutait toutefois : « Pour arriver à ce but, il ne faut point se dissimuler que de grandes difficultés sont encore à surmonter. »⁶⁶

Quoi qu'il en soit, ces rares écrits, dont certains sont d'ailleurs tardifs, n'ont pu toucher qu'un public très limité. Dans l'ensemble, l'opinion française, qui avait été profondément touchée par l'écrasement de la Pologne en 1831, et qui avait vivement réagi contre l'apathie du Gouvernement français, se désintéressait complètement du sort des lointaines populations circassiennes. Jusqu'en 1835 la presse d'information n'en souffla mot.

Puis brusquement plusieurs circonstances amenèrent les journaux à prendre conscience des problèmes du Caucase. C'est d'Angleterre que partirent les premiers assauts. Durant l'année 1835 parut simultanément à Londres et à Paris une brochure⁶⁷ d'un diplomate anglais anonyme (on apprit plus tard qu'il s'agissait de David Urquhart) qui dénonçait l'envahissement progressif des côtes de la mer Noire et mettait en garde l'opinion française : la Russie chercherait à contrôler d'abord les Détroits, puis toute la Méditerranée, et c'en serait fait de la liberté des mers ; le maintien de la paix ne profitait qu'à la Russie, et le moment était venu d'unir la France et l'Angleterre dans une vaste offensive qui provoquerait l'explosion de tout le Caucase.

« Quand on considère que toutes les provinces de la Géorgie n'attendent qu'un signal pour secouer le joug moscovite ; que dans les pays du Caucase des centaines de milliers d'habitants, braves et toujours armés vivent aujourd'hui même, ou dans un état d'indépendance réelle, quoique affaiblie par la désunion, ou dans une soumission simulée, et tomberaient à l'instant même sur les Russes qui seraient à leur portée [...] quand on voit la haine universelle qui réunit contre la Russie toutes les races et toutes les croyances, on peut facilement s'imaginer combien il lui serait difficile de se maintenir dans toutes ces positions, »⁶⁸

Mais surtout l'auteur accusait nommément des ministres de Louis-Philippe, Sébastiani et de Rigny, d'être gagnés par la propagande russe, de jouer un rôle nuisible aux vrais intérêts de la France, de « prêter l'oreille à des oracles trompeurs ». Enfin il n'hésitait pas à présenter un autre diplomate français en Orient comme un agent de la politique russe, et à affirmer que la Russie tenait à sa disposition tout le corps diplomatique de Constantinople par l'intermédiaire des drogmans :

« On doit remarquer [...] que les deux derniers ambassadeurs de France ont suivi à Constantinople une politique dictée par les véritables intérêts de leur patrie, quoique leur gouvernement ne paraisse pas avoir sanctionné cette politique. La Russie parvint à trouver des moyens pour neutraliser les effets de l'union des ambassadeurs français et anglais. Un diplomate français (M. Bois-Le-Comte) envoyé auprès de Méhémet-Ali, partisan de la Restauration et de la Russie, jadis secrétaire d'État sous Polignac, arrivé à Constantinople, est recommandé à la Porte par le ministre d'Autriche, comme le vrai représentant des vues du cabinet des Tuileries, et saisit chaque occasion de désapprouver la conduite de l'ambassadeur de sa nation et de manifester sa conviction sur la nécessité d'une union intime entre la France et la Russie. »⁶⁹

« Presque tous les agents de la diplomatie européenne envoyés à Constantinople sont à la disposition de la Russie. La puissance que cela lui assure est incalculable. C'est par des récits mensongers que la Russie s'assure vis-à-vis des Turcs une supériorité à laquelle on les entraîne à croire aveuglément [...] La France a agi pour et contre. Les drogmans sont, comme de raison, pour la puissance qui paie. Le salaire du drogman de France ne lui assure pas les moyens d'une existence convenable à sa position [...] Le drogman anglais est un homme honorable, mais les Turcs l'estimeraient davantage s'il ne se trouvait pas être le frère du drogman de la Russie. »⁷⁰

Aux dires de l'amiral Roussin, ambassadeur de France, ce pamphlet eut un immense succès en Turquie, où il était entre toutes les mains. En France, il fut largement analysé, même s'il provoqua l'irritation de certains journaux⁷¹. Quelques mois plus tard on apprenait que Urquhart, nommé secrétaire d'ambassade à Constantinople, avait été reçu en audience par le roi Louis-Philippe qui avait manifesté un vif intérêt pour son livre et avait assuré que la France soutiendrait efficacement les efforts de l'Angleterre contre la Russie⁷².

Les remous suscités par cette publication étaient à peine apaisés qu'apparut sur le marché une nouvelle brochure anonyme, d'un caractère encore plus explosif et d'une plus grande portée puisqu'elle contenait des documents confidentiels dont la publication impliquait la complicité, ou du moins l'accord tacite du Gouvernement anglais73. Ce Portfolio, dont quarante et une pièces allaient paraître en 1836 et 1837, se proposait de montrer, documents à l'appui, les méfaits de la politique russe et les dangers qu'elle faisait courir à l'Occident. Le premier volume, diffusé aussitôt en France, révélait au public l'existence d'une véritable nation circassienne et l'importance de sa lutte, et contenait le texte d'une déclaration d'indépendance qui venait d'être proclamée par les notables de ce pays. Parmi les documents suivants figurait une relation par un officier anglais de son séjour en Circassie ; il insistait sur l'élan décisif donné sur le plan mondial à la cause circassienne par un certain Daoud (appelé parfois Daoud Bey, Daoud Baba ou Daoud Pacha) qui avait parcouru la Circassie quelques années auparavant et avait galvanisé les populations 74. Ce Daoud n'était autre que David Urquhart inspirateur, avec l'ambassadeur anglais à Constantinople Lord Ponsonby, de la publication.

Or le retentissement du Portfolio fut considérable, et pas seulement en Angleterre où il avait dépassé les espérances de ses auteurs⁷⁵. « Le publication du Portfolio a produit parmi les nations orientales une sen sation dont il n'y a pas encore eu d'exemple. On en fait continuellemen des traductions en turc, et quoiqu'elles ne soient pas imprimées, elles cir culent de main en main dans les familles [...] Mais c'est avant tout chez les Circassiens que cette publication a produit un puissant effet. Ils la regardent comme la leur, ils la croient douée d'une sorte de puissance talismanique, la jettent aux Russes et en font une menace à leur égard. »

Ces affirmations, présentées dans le Portfolio comme un extrait d'une lettre reçue de Constantinople⁷⁶, étaient peut-être dues à la plume de l'éditeur lui-même et peuvent être mises en doute. Mais Voroncov constata, au cours de sa croisière de l'été 1836, que le Portfolio était très largement diffusé parmi les populations de la région d'Anapa, en même temps qu'une prétendue proclamation du roi d'Angleterre dont les copies inondaient le pays⁷⁷. Même observation à Constantinople de la part de l'ambassade de France, qui s'inquiétait fort de voir précisément nommer Urquhart à un poste diplomatique en Turquie dans un pareil moment. Que pouvait signifier une telle promotion, sinon la volonté de l'Angleterre de s'engager dans un conflit, et la France ne risquait-elle pas d'y être entraînée ? Dès la fin de l'année 1835 l'amiral Roussin avait écrit : « L'attitude que ce personnage a prise par ses discours et ses publications est telle que si trois mois après son arrivée la flotte anglaise ne paraît pas aux Dardanelles, sa nomination sera inexplicable. »⁷⁸

Par son arrogance, Urquhart ne tarda pas à se rendre insupportable à l'ambassadeur Ponsonby qui le désavoua. Toutefois, en décembre 1836 il résidait encore à Constantinople et se targuait auprès des Turcs d'avoir seul la confiance du Gouvernement anglais. Les choses en étaient là quand on apprit la saisie par les Russes du navire anglais Vixen et l'arrestation de son commandant, James Bell. L'émotion était à son comble dans le monde diplomatique. Le Portfolio s'empara de l'affaire pour exciter davantage l'opinion en considérant cette capture comme un acte de piraterie et un casus belli79. Bientôt il fut notoire que Bell, encouragé par Urquhart, avait cherché à créer un incident en faisant ostensiblement de la contrebande sur la côte de Circassie afin de provoquer un débat international sur l'illégalité du blocus imposé par les Russes. Les veux se fixèrent alors sur les autorités anglaises. Allaient-elles couvrir l'initiative de Bell, exiger la restitution du Vixen et menacer la Russie d'une intervention ? Le gouvernement de Lord Palmerston, pressé par l'opinion, fut sommé de s'expliquer au Parlement sur ses intentions.

En France, les grands organes de la presse réagirent diversement à ces événements. Le Journal des Débals, de tendance gouvernementale (centre droite) qui avait déjà accordé une large publicité plutôt favorable au premier pamphlet de Urquhart⁸⁰, souligna, sous la plume de Saint-Marc Girardin, la gravité de la saisie du Vixen et reprit à son compte les articles de la presse allemande qui dénonçaient la transformation de la mer Noire en « lac moscovite » et qui craignaient un conflit mondial. L'auteur citait la Gazette d'Augsbourg : « L'affaire du Vixen [...] est un des signes de cette lutte sourde qui agite le monde du Gange à la Mer Glaciale et du Tage à la grande muraille de Chine, lutte terrible dont il est du devoir de tous les amis de l'humanité de retarder et d'empêcher l'explosion. »⁸¹

L'article déplorait l'indifférence coupable dont on avait fait preuve en Occident lors de la conclusion du traité d'Andrinople, sur lequel se fondaient les prétentions russes : la cession de la côte circassienne par la Turquie n'avait, disait-il, aucune base juridique ou historique, et l'Europe avait été jouée. Il convenait à présent d'exercer « une surveillance scru-

puleuse » sur le respect de l'indépendance de ces provinces.

Cette attitude suscita évidemment les railleries de l'opposition. La Quotidienne, journal légitimiste, tourna en ridicule le Palais Royal en affirmant que celui-ci provoquait en vain la Russie puisqu'il était déterminé « à ne jamais faire avancer contre elle que les colonnes du Journal des Débats ». Quant au National d'Armand Carrel, organe républicain, il se déchaîna à la fois contre le Journal des Débats et le Morning Chronicle, contre les Gouvernements français et anglais. Selon lui, la France n'avait aucun intérêt à suivre l'Angleterre dans cette affaire qui ne la concernait pas.

« Nous l'avons dit et nous le répétons, la France n'a rien à redouter de ce que redoute l'Angleterre, l'ambition russe ne la gêne ni ne la contrarie, l'occupation de la Circassie ne lui importe pas, et Constantinople tomberait entre les mains du Czar que la position politique et commerciale de la France n'en serait pas affectée. »82

« La France n'a aucun intérêt à combattre la Russie dans ses projets sur l'Orient, aucun intérêt à seconder l'Angleterre. La Grande Bretagne a les mains pleines des dépouilles de la France; la Grande Bretagne ne lui offre aucune compensation. »83

Il affirmait que le seul résultat d'une rupture avec la Russie serait d'accentuer l'isolement politique de la France sans motif valable, puisqu'il paraissait évident que jamais la Russie ne reculerait et que jamais l'Angleterre ne se déciderait à faire elle-même la guerre pour les Circassiens.

« Nous aurions tort d'attribuer à un si mince événement une telle importance, nous sommes habitués maintenant à ces rodomontades belliqueuses du *Morning Chronicle* et du cabinet Whig, et nous savons le cas qu'il faut en faire. Le *Vixen* est bel et bien saisi, et on ne réclamera rien. »⁸⁴

« Ce manège dure depuis longtemps, et il vient de se répéter au sujet du Vixen et des côtes de l'Abasie : des deux puissances, l'une est décidée à laisser aller les choses jusqu'aux dernières extrémités, l'autre s'arrête devant les dernières conséquences. La Russie aime beaucoup la paix, mais elle aime encore mieux la Circassie. 185

Le directeur du National avait vu juste : l'affaire du Vixen fut étouffée aussi vite qu'elle s'était déclenchée ; Urquhart fut destitué et rappelé à Londres ; enfin Palmerston déclara au Parlement que Bell avait violé les règlements et renonça à engager des poursuites⁸⁶. Il reste que les agents anglais avaient atteint l'un de leurs principaux objectifs en réussissant à sensibiliser l'opinion française et à projeter les événements du Caucase sur le devant de l'actualité. Désormais ils trouvent régulièrement leur place parmi les rubriques de politique étrangère et font même l'objet de quelques éditoriaux. Le public français va donc découvrir l'importance

et l'âpreté d'une lutte qui mobilise chaque année davantage d'unités de l'armée russe; il va se familiariser avec les noms des différentes tribus et des chefs montagnards dont les exploits acquièrent une renommée internationale, et connaître les premières manifestations du muridisme avant même que les consuls français de la région en fassent état dans leurs dépêches:

« Il y a eu même tout récemment un chef très célèbre qui passait pour prophète, qui a longtemps fait la guerre aux Russes et qui aurait toute la renommée d'Abdelkader si les événements qui se passent au Caucase et sur les bords de la Caspienne intéressaient autant la curiosité publique que ceux qui ont pour théâtre l'ancienne Numidie et les côtes de la Méditerranée. »⁸⁷

Toutefois il faudra attendre l'année 1844 pour que le rôle de Chamil soit mis pleinement en lumière dans la presse quotidienne :

« Le nom de Schiamyl est dans toutes les bouches, il est célébré dans les chants populaires et ses exploits ont rempli d'enthousiasme les tribus, mêmes amies des Russes, qui, en partie, font cause commune avec lui. »88

« Le nom de Chamyl produit un effet électrique sur les habitants de ces contrées. »89

Les informations publiées dans les journaux français reproduisent le plus souvent des articles parus dans la presse étrangère, surtout allemande et anglaise, et parfois dans le Journal de Saint-Pétersbourg. Certes ils font leur sélection suivant leur tendance politique, et certains d'entre eux continuent de mettre l'accent sur la sauvagerie des montagnards ou sur les succès remportés par les troupes russes en mais Le National qui, hier encore s'opposait avec véhémence aux manœuvres de Bell et de Urquhart, cite avec complaisance les appels lancés de divers côtés en faveur d'une intervention occidentale au Caucase. Ainsi, analysant un article du Herald Morning:

« Rien n'a été fait pour la liberté [...] Quelques Anglais aventureux ont visité ce pays à leurs propres frais et sont restés avec les habitants assez longtemps pour connaître leurs vertus et pour jeter un coup d'œil sur leurs institutions, dans lesquelles il y a beaucoup à admirer et presque rien à condamner [...] L'Europe les regarde avec indifférence pendant qu'une puissance ouvertement hostile à la liberté déploie toute son énergie pour la détruire pour jamais dans le Caucase. »⁹¹

et un autre article du Malta Times : « Les Princes de l'Europe devraient intervenir pour faire cesser cette effusion de sang. »⁹²

Ainsi un courant de sympathie se développe peu à peu, tandis que l'idée d'intervention occidentale suit son chemin dans des publications nouvelles qui prennent le relais du *Portfolio*. C'est, en 1837, Jean Czynski qui dépeint les Circassiens comme un « peuple doux, paisible, de cultivateurs et de bergers qui ignorent sans doute qu'en défendant pied à pied ce dernier retranchement que convoite à toute force la Russie, ils lui opposent le plus puissant obstacle à la conquête de la Turquie, de la Perse et de l'Inde », et qui préconise au moins une assistance morale envers ces tribus qu'il faut tenter d'unir⁹³. En 1842 apparaît un autre pamphlétaire, qui sous le nom de Scipion Marin ou de « Aristophane, citoyen de Paris », lance l'idée d'un mouvement pro-circassien comparable au philhellénisme, et se vante d'avoir décelé, lors d'une prétendue conversation avec le comte Černyčev, la terreur des autorités russes de voir la presse française propager le thème de l'indépendance circassienne. L'auteur, qui sera candidat en 1848 à un poste consulaire, s'exprime, il est vrai, avec une outrance si singulière que ses lecteurs ont dû éprouver quelque perplexité:

« La cour de Saint-Pétersbourg craint toujours que le libéralisme ne s'empare de la cause des Circassiens, comme jadis de celle des Grecs. Et de quoi cela dépend-il? De quelques journaux de Paris. Ainsi la Russie qui méprise tant la presse française, la Russie avoue en secret la peur que lui cause cette terrible puissance de la plume,

puissance dont elle s'efforce de rire tout haut [...]

Une fois ces craintes des Russes connues, j'en ai pris avantage dans un entretien avec un membre du Conseil de l'Empire [...] Avouez, lui disais-je, que Louis-Philippe est bien bon de se charger de la tâche pénible d'éteindre les passions républicaines en France [...] il lui serait bien plus facile de donner un aliment à cette activité dévorante, à cette insoumission des esprits en leur ménageant sous main un dégagement, en déversant tous ces brouillons inquiets sur votre Circassie. Que diriez-vous s'il répondait aux procédés peu dignes de votre cour par une ordonnance qui reconnaîtrait les grades gagnés par tout Français dans les armées du Caucase? »⁸⁴

Il est frappant de constater combien est superficielle, à travers toutes ces publications, la connaissance du milieu et des problèmes caucasiens. Les journaux ne font pas la distinction entre les différents fronts, ils appellent abusivement Chamil « le chef des Circassiens » sans chercher à montrer la complexité des structures tribales ni les hésitations de la politique russe. Parfois ils laissent passer des commentaires puérils dans le seul but de frapper les lecteurs, tel le rappel d'une ancienne prophétie sur la régénération de l'Islam qu'ils tentent de rapprocher du destin réservé à Chamil⁹⁵.

Les études en profondeur doivent être recherchées ailleurs que dans la presse quotidienne ou dans les pamphlets. Elles se multiplient précisément entre les années 1840 et 1845, sous la forme de relations de voyages, d'exposés historiques, de comptes rendus de missions archéologiques, ethnographiques ou géologiques, chacune d'elles servant de prétexte à une analyse politique. Déjà les mémoires de Longworth, publiés à Londres en 1840⁹⁶, et de Bell, traduits en français en 1841⁹⁷, débordent largement le cadre polémique et contiennent, outre le récit passionnant de l'expé-

rience vécue par ces hommes, une foule de remarques sur les institutions, les mœurs et la vie politique des Tcherkesses, qui ont probablement fait plus pour gagner les milieux cultivés d'Europe occidentale à leur

cause que les diatribes de Urquhart.

Contrairement aux observateurs anglais qui avaient pénétré au cœur des populations rebelles, mais sans dépasser les limites de la Circassie, les voyageurs français de cette époque ont pu séjourner longuement dans le Caucase central et oriental et apporter des témoignages d'un genre nouveau au public occidental; cependant à l'inverse des premiers, leurs déplacements se sont effectués sous la protection et sous le contrôle des autorités russes auprès desquelles ils étaient officiellement recommandés, ce qui a réduit considérablement leur liberté d'action : à quelques exceptions près¹⁸, ils n'ont visité que des populations soumises ou neutres, dont ils ignoraient la langue, et ont dû se contenter de juger les tribus qui formaient le noyau de l'insurrection en les observant à partir du camp adverse.

L'intérêt de leurs témoignages réside donc moins dans la description des régions insoumises que dans les observations concernant l'armée russe et dans les appréciations sur le Gouvernement de la Transcaucasie. Mais, à ce point de vue, leur valeur documentaire est indéniable. En effet les populations locales aussi bien que les officiers de l'état-major ou les responsables de l'administration russe semblent s'être confiés plus volontiers à des ingénieurs, à des savants ou à de simples voyageurs étrangers venus à titre privé qu'à des consuls ou à des agents revêtus d'une autorité officielle. Par ailleurs, ces témoins, qui publièrent leurs impressions après leur retour en France, avaient la possibilité de s'exprimer avec une plus grande sincérité que les consuls eux-mêmes, puisqu'ils bénéficiaient d'un certain recul et ne se sentaient pas soumis aux mêmes réserves que ces derniers.

Or ils parvenaient presque tous aux mêmes conclusions, qui étaient accablantes pour la politique de la Russie et pour les méthodes suivies par son armée. L'un des premiers écrits de ce genre, celui du comte de Suzannet, suscita, croit-on, une vive émotion à la Cour du tsar Nicolas Jer 90 ; car pour la première fois, les scandales et la faiblesse de l'armée russe du Caucase étaient étalés dans une revue sérieuse à grande diffusion. et l'auteur relatait en outre des propos d'une gravité exceptionnelle tenus par des généraux et même par le gouverneur général. Devant un observateur étranger, Golovin n'avait pas hésité à blâmer le système de conquête à tout prix imposé par l'Empereur, Anrep à critiquer l'administration civile du baron de Hahn; Grabbe, Wrangel et Raevskij à faire part de leurs désaccords ; l'unanimité s'était manifestée contre la volonté belliqueuse du tsar : « Tous [les généraux] blâment le système de conquête, aucun n'entrevoit un résultat qui les dédommage des dangers qu'ils courent. Tous les employés du gouvernement sont découragés ; ils expriment leur répugnance avec une irritation bien extraordinaire de la part d'hommes soumis au pouvoir despotique de l'empereur. Presque tous maudissent le jour où la Russie a franchi la ligne du Caucase. »100

L'auteur de l'article, quant à lui, se défendait de vouloir nuire à la Russie et à la réputation de son armée : il se plaisait même « à rendre hommage à des hommes éclairés qui comprennent qu'on peut signaler des abus déplorables sans être inspiré d'un sentiment d'hostilité contre eux ou contre leur gouvernement ». Il ne se privait pourtant pas de dénoncer « l'attitude servile des autorités vis-à-vis du Tsar », l'incapacité de tous les gouverneurs du Caucase depuis le départ de Ermolov, et les excès commis à tous les échelons : « Je pus observer, dans les villages où je passai, la méfiance des habitants à l'égard des Russes [...] Le dernier soldat, se croyant une autorité, traite les indigènes avec une barbarie sans égale. Loin de réprimer la brutalité des hommes placés sous leurs ordres, les officiers les encouragent. C'est sans doute par une semblable conduite qu'ils se croient appelés à civiliser l'Orient. »¹⁰¹

Enfin îl prenaît parti pour un retour à la cohabitation pacifique en présentant les montagnards comme de paisibles pasteurs et cultivateurs qui n'avaient pris les armes que pour se défendre. Des généraux lui avaient confirmé l'influence immense qu'exerçait Chamil, qui ne pourrait que s'accroître si l'on ne changeait pas de politique : « Chamyl, un jour

succombera [...] et un nouveau prophète surgira. »

D'autres ouvrages et d'autres articles suivirent, moins violents dans le ton comme l'étude de Dubois de Montpéreux¹⁰², ou plus précis dans leur analyse du désordre de l'armée, comme l'article du jeune topographe Hommaire de Hell¹⁰³, mais qui tous concouraient à proclamer bien haut dans le public français ce que les consuls chuchotaient dans leurs dépêches à l'usage restreint des bureaux ministériels.

Les mouvements révolutionnaires de 1848 ne pouvaient qu'amplifier ce courant. A mesure que l'hostilité à la Russie s'affirma en France et dans toute l'Europe occidentale, Chamil y acquit une popularité qui contrastait curieusement avec la solitude réelle de ce guerrier mystique et fanatique : il devint même une source d'inspiration pour les artistes¹⁰⁴, les poètes¹⁰⁵, les romanciers¹⁰⁶, et les dramaturges¹⁰⁷. Un pamphlétaire note en 1861 que Chamil a eu, avant Abdelkader, « les honneurs du boulevard ». Des témoignages inédits sur son épopée allaient d'ailleurs être révélés au public occidental longtemps après sa mort, et jusqu'au xxe siècle¹⁰⁸.

Les stratèges français à la conquête du Caucase

La propagande anti-tsariste et la faveur dont jouissaient en France les divers mouvements d'émancipation des peuples devaient inévitablement se concrétiser dans des appels à une intervention armée au Caucase. L'idée d'une expédition française en liaison avec les Abkhazes et les Tcherkesses n'était pas nouvelle : déjà en 1812, à la veille de la campagne de Russie, le consul de France à Sinope, Pascal Fourcade, l'avait suggérée dans ses dépêches¹⁰⁹. Par la suite, jusqu'en 1848, les appels étaient surtout venus, on l'a vu, de pamphlétaires dont l'audience était à peu près nulle. L'offensive intempestive lancée par Urquhart et son Portfolio avait été accueillie plutôt défavorablement et avait tourné court.

Àu seuil des années 50, les conditions étaient différentes, puisque les désastres militaires infligés pendant dix ans à l'armée russe par quelques tribus montagnardes avaient été connus de toute l'Europe et avaient fini par enthousiasmer l'opinion. Le Gouvernement français pouvait d'autant moins ignorer ce mouvement qu'il allait dans le sens des principes de soutien aux nationalités opprimées chers à Napoléon III. Mais il hésitait à se départir de sa réserve traditionnelle et à se laisser entraîner dans une aventure qui risquait de faire le jeu de l'Angleterre. Les instructions secrètes envoyées par le ministre français des Affaires étrangères, Drouyn de Lhuys, à l'ambassadeur à Constantinople montrent bien les limites de l'engagement de la France au moment où éclata le conflit entre la Russie et la Turquie et où les flottes alliées s'apprêtaient à pénétrer en mer Noire:

« Je vous ai dit, général, que notre escadre, selon les circonstances, devait franchir le Bosphore et pénétrer dans la mer Noire. Il est essentiel, toutefois, de ne pas oublier que la présence prématurée de notre pavillon dans certains parages serait prise par la Russie pour une provocation qu'il convient d'éviter. Je vous recommande à ce sujet de lire une dépêche confidentielle que j'ai adressée à M. de La Cour à la date du 10 de ce mois, et qui pressent l'intérêt que l'Angleterre pourrait avoir à détourner les hostilités du côté de l'Asie et à inquiéter les Russes dans leurs provinces transcaucasiennes. Si les Turcs eux-mêmes adoptaient ce plan de campagne, vous n'auriez assurément pas à vous y opposer, mais c'est le côté européen de la question d'Orient qui doit avant tout nous préoccuper. »¹¹⁰

Quelques semaines plus tard, la déclaration de guerre et le débarquement des forces alliées à Varna vont balayer tous ces prudents calculs, car désormais l'initiative des opérations appartient moins aux diplomates qu'au ministre de la Guerre et à l'état-major interallié, où l'on parle un tout autre langage. L'éventualité d'une intervention militaire au Caucase y paraît acquise. Déjà les stratèges échafaudent des projets grandioses, qui font malheureusement peu de cas des réalités politiques ou des sentiments des populations. Il est à croire que les services de l'état-major français en sont restés à quelques idées très simples sur la situation du Caucase, ou n'ont pas assimilé les synthèses envoyées par les consuls et les diplomates français depuis quinze ans, à supposer qu'ils en aient jamais eu connaissance. Car on reste confondu à la lecture des instructions secrètes adressées par le maréchal Vaillant, ministre de la Guerre, au Commandant en chef de l'armée d'Orient. Le plan français laisse les Turcs marcher sur Tiflis, dispose de « l'armée de Chamil » comme s'il s'agissait de troupes auxiliaires prêtes à seconder l'offensive francoanglaise, et parle le plus sérieusement du monde de « la faire marcher » le long du littoral de la mer Noire jusqu'aux abords de la Crimée !111 Ces directives paraissent d'autant plus extravagantes qu'à la date où elles sont rédigées aucun contact n'a encore pu être pris avec Chamil et que les officiers détachés sur la côte circassienne ont exprimé au retour de leur mission des impressions bien incertaines sur le concours à espérer des tribus tcherkesses¹¹².

Il faut reconnaître qu'un grand désordre règne depuis l'arrivée des armées alliées. Les documents des divers fonds d'archives datés de l'année 1854 montrent assez, à travers les missions d'information et de reconnaissance qui se succèdent à un rythme précipité, se chevauchent et se croisent, l'animation brouillonne qui agite tous les services, à Paris, à Londres et à Constantinople. Chacun a son plan. A Paris, des pourparlers sont engagés très activement pour l'envoi au Caucase d'une Légion polonaise composée d'émigrés et de déserteurs de l'armée russe¹¹³. Dès 1852, un sous-officier français, le maréchal des logis Eugène Guilleny, s'est proposé de soulever tout le Caucase avec l'appui d'officiers polonais et hongrois qui encadreraient l'armée de Chamil, pendant qu'un simple raid permettrait de détruire les installations de Sébastopol¹¹⁴.

Maintenant les consuls eux-mêmes se mettent de la partie et abandonnent leur réserve. Ceux d'Erzeroum, affolés par la décomposition de
l'armée turque d'Anatolie, appellent de leurs vœux l'envoi d'un corps
d'armée français, dont ils prétendent que la seule présence suffira à
déchaîner l'enthousiasme et la combativité des populations chrétiennes
de Géorgie¹¹⁵. A l'état-major allié, plusieurs officiers estiment qu'une telle
initiative aura un effet identique chez les Tcherkesses de la côte¹¹⁶, tandis
qu'un rapport anonyme provenant apparemment d'une haute personnalité
déconseille au contraire à la flotte française de s'avancer dans « le fond
de la Mer Noire », pensant que les Russes attendent cette occasion pour
s'emparer du Bosphore et pour la prendre au piège¹¹⁷.

Mais le projet le plus étonnant est sans doute celui qui est envoyé de Damas par Edmond de Barrère. Ce consul était apparu, on s'en souvient, comme un esprit exalté lors de son arrivée à Tiflis; puis, subissant l'influence de Voroncov et placé au contact de la réalité caucasienne, il avait fait preuve dans ses dépêches d'une relative modération. Or les avis qu'il adresse en 1854 de son nouveau poste semblent être le fruit d'une imagination délirante plutôt que le résultat d'une expérience de

quatre années passées sur le terrain :

« L'intervention d'un Corps d'Armée français est indispensable, et la formation dans les districts géorgiens occupés par nos troupes de corps francs géorgiens armés par nous et dirigés par nos officiers. Armer les chrétiens ottomans. Le général de Guyon¹¹⁸ demande 200 000 fusils. En donner le plus possible, et entrer en Géorgie et en Arménie avec des bataillons chrétiens. Pénétrer dans le pays et avancer toujours. Si l'on est battu par les Russes, battre en retraite par les montagnes vers la Kakétie et l'Ossétie où l'on pourra opérer la jonction avec Schamyl. En nous voyant avancer accompagnés des Arméniens et des Géorgiens armés par nous. toute la population se soulèvera sur les derrières des Russes. S'ils veulent tenter quelque chose sur Erzeroum, les laisser prendre Erzeroum et retomber sur leurs derrières [...] Les rapports directs liés par les officiers anglais avec Schamyl ont ouvert la route. Il serait très utile de lui envoyer des officiers français pour remplir la même mission, accompagnés si possible d'officiers polonais, attendu que les Polonais sont assez nombreux dans l'armée de Schamyl. 1119

Il est permis de s'interroger sur l'accueil qu'aurait réservé Chamil à

un afflux de bataillons chrétiens, arméniens ou géorgiens, battant en retraite à travers ses territoires! Quant aux « rapports directs » établis avec lui par des officiers anglais, ils n'ont existé que dans l'imagination de Barrère. On peut même affirmer que toute la diplomatie franco-anglaise au Caucase en 1854 et 1855 se résume précisément à une succession d'échecs dans la recherche du contact avec Chamil.

Le mirage Chamil

Tous les plans élaborés à Paris dans les premiers mois de la Guerre de Crimée prévoyaient une action militaire combinée avec les tribus montagnardes et avec Chamil, souvent confondus dans l'esprit des stratèges. Tous admettaient cette collaboration comme un postulat, que vint confirmer en janvier 1854 un appel solennel des « Nations circassienne et abaze » adressé à la France par un certain nombre de notables 120. Il restait à définir avec les chefs des tribus la forme de leur contribution, à s'informer de leurs forces, à pourvoir à leurs besoins en armes, à coordonner les tactiques, et le temps pressait. Ceci explique la fièvre qui s'empare alors de tous les chefs militaires alliés, et le caractère improvisé de certaines décisions qui se reflètent dans la multitude de lettres, de rapports et de télégrammes contenus dans les archives françaises.

Jusqu'en mai 1854, l'euphorie règne dans les états-majors. Deux frégates alliées, Le Cacique et Le Sampson, ont reconnu en mars la côte circassienne, et dans tous les points de ce littoral abandonnés par les Russes, les équipages ont été acclamés par les habitants qui se sont déclarés prêts à attaquer l'ennemi au premier signal¹²¹. A Constantinople, on apprend l'arrivée prochaine de dix mille fusils envoyés de Marseille et destinés à Chamil, bien qu'on n'ait aucune indication sur les besoins, les dispositions et même sur le lieu de résidence de ce chef¹²². Le 5 mai, une flottille franco-anglaise, commandée par le contre-amiral Lyons et par le commandant français de Chabannes, prend la mer pour aller détruire quelques places fortes des Russes, pour débarquer en un point favorable et pour préparer la liaison avec Chamil et tenter de rencontrer, dans un premier temps, Mohammed Emin, son naib (lieutenant) en Circassie¹²³. Au même moment, plusieurs navires quittent Constantinople pour la même destination, transportant de l'artillerie, des fusils et des munitions, ainsi que plusieurs

chefs circassiens influents, Ismaïl Bey et Sefer Pacha. Leur arrivée doit être le signal de l'offensive générale, et le commandement français est autorisé à disposer des bataillons turcs qui lui seraient nécessaires pour

d'éventuelles opérations terrestres 124.

Les officiers et les hommes sont accueillis à Ghelindjik, puis à Bardan par de nombreux cavaliers, et rencontrent le même enthousiasme que leurs prédécesseurs : « Tous à Guelindjik étaient animés des idées les plus belliqueuses. Leur plan de campagne consistait à marcher en masse sur Anapa qu'ils enlèveraient pendant que nous le détruirions avec les vais-

seaux. Nous n'en demandions pas tant ! »125

En réalité ils commencent à s'inquiéter de ces débordements spontanés qui n'ouvrent en rien la voie menant à Chamil et qui ne peuvent déboucher sur aucune action efficace, faute d'être canalisés par des chefs responsables. En effet Mohammed Emin n'est venu ni à Ghelindjik ni à Bardan, et c'est après plus d'un mois d'attente qu'un rendez-vous pourra être enfin réalisé à bord du Sampson entre ce naïb et les capitaines anglais Lewis Jones et Saumarez Brock. Entrevue bien décevante au demeurant, car le naïb semble se dérober aux propositions des officiers anglais, en posant comme condition préalable à toute action combinée le ralliement de la Kabarda, des Nogaïs et de certaines tribus restées fidèles à la Russie, qui occupent une position stratégique importante¹²⁶. D'ailleurs, a-t-il qualité pour traiter au nom de Chamil ? On commence à en douter dans le camp allié, d'autant que le naib aurait avoué que sa dernière rencontre avec Chamil datait de neuf ans127.

Certes les Alliés savent qu'ils n'ont d'autre ressource, pour accéder à Chamil, que de passer par les chefs circassiens, et même, pour atteindre ceux-ci, de s'assurer la coopération des commandants ottomans installés à Batoum, Selim Pacha puis Mustafa Pacha. Or les chefs des tribus tcherkesses sont manifestement agacés par l'importance que les représentants des Puissances occidentales accordent à Chamil, à tel point qu'ils feignent parfois d'ignorer le nom même du chef des murides. Comment interpréter autrement les étranges propos qu'un témoin français met dans la bouche du chef d'état-major du corps d'armée ottoman de Circassie : « Je demandai à Mehmed Bey [Bangya de Illosfalva, colonel hongrois] si Schamyl reconnaissait l'autorité du Sultan et s'il était soumis à Sefer Pacha. — Schamyl ? Qu'est-ce que c'est que ce personnage-là ? me dit-il [...] Ecrivez sur vos tablettes que l'illustre Schamyl est complètement ignoré dans nos parages, aucun des Circassiens qui voyagent avec nous n'a entendu prononcer son nom. S'il existe, c'est quelque bey montagnard que vos journaux ont illustré », point de vue confirmé un peu plus tard par Ibrahim Bey, fils de Sefer Pacha¹²⁸, et qu'on retrouve dans d'autres sources129. Outre ces mouvements d'humeur, les notables locaux ne cachent pas leur irritation d'être traités comme des auxiliaires auxquels on demande de faciliter la réalisation des objectifs de l'armée francoanglaise, alors qu'il s'agit pour eux d'une guerre sainte en vue de leur indépendance. A ces malentendus s'ajoutent les multiples rivalités entre les chefs circassiens, et une méfiance commune de ceux-ci envers les représentants des autorités ottomanes dont ils redoutent les visées dominatrices. La confusion est générale. Déjà le contre-amiral Lyons a dû arbitrer un conflit entre le prince abkhaze Michel Chervachidze et le parti de

Mohammed Emin qui se disputaient l'autorité sur la ville de Soukhoum Kale¹³⁰. Les chances des Alliés apparaissent donc bien faibles, non seulement d'atteindre Chamil, mais même de parvenir à un accord de coo-

pération avec les Circassiens.

La première condition eût été de confier la négociation à des hommes rompus aux langues et aux usages du pays, et possédant une connaissance suffisante des problèmes politiques locaux. Malheureusement, d'Herbinghen, commandant du Vauban, qui fut le premier officier français à rencontrer Mohammed Emin, était certainement plus habitué à la discipline militaire qu'aux subtilités de la diplomatie orientale, si l'on en juge par la relation d'un historiographe officiel fondée sur les confidences de cet officier¹³¹. Le commandant d'Herbinghen avait rejoint le 15 juillet 1854 Le Sampson, ancré à Soukhoum Kale, à bord duquel le naib était précisément en conférence avec le commandant turc et des chefs tcherkesses. Introduit au milieu de cette assemblée, l'officier français fit transmettre sans plus de manières par un interprète les instructions qu'il avait reçues ;

« Le commandant d'Herbinghen expliqua avec netteté ce que le général en chef de l'armée française attendait des populations circassiennes et demanda une réponse précise. Cette brusque façon d'entrer en matière parut étrange aux chefs montagnards qui

échangèrent entre eux quelques rapides paroles.

' J'ignorais alors, écrit le commandant, quel était exactement le naîb : à la déférence ostensible dont tous l'entouraient, je le croyais le vrai chef de ces pères de tribus qui le suivaient. J'appris bientôt qu'il n'en était rien. Le naîb était pour eux un objet de respect, mais il se trouvait au milieu d'eux pour solliciter leur assistance ; il priait et ne commandait pas. '

[...] Interdits d'abord, ils ne répondirent que par de nombreuses questions. Où est votre armée ? Combien sont les Français et les Anglais ? Est-il bien vrai que vous ayez une flotte formidable, plus forte que celle des Russes ? Puis mille autres questions sur

nos diverses armes et notre facon de combattre. »132

Après un délai de réflexion, Mohammed Emin et quarante autres chefs circassiens décident enfin de se rendre en délégation à l'état-major allié de Varna, puis à Constantinople. Mais au lieu de rassurer les Alliés sur les chances de préparer une offensive commune, ce voyage n'est que l'occasion de querelles étalées au grand jour, de plaintes contre les gouverneurs locaux nommés par le sultan, peut-être aussi de règlements de comptes tragiques¹⁹³.

Bref il faut se rendre à l'évidence : après six mois d'efforts, on ignore tout des intentions et de la puissance réelle de Chamil. L'ambassadeur français à Constantinople, Benedetti, et le commandant en chef doivent constater que tous les projets élaborés étaient illusoires. Désormais ils s'emploient plutôt à décourager les nouveaux candidats qui s'offrent à rejoindre Chamil, tels que le voyageur français Binel et l'Algérien Bou Maza¹³⁴. De leur côté, les Anglais renoncent successivement à deux projets analogues, et leur ambassadeur, Lord Stratford de Redcliffe, révise son point de vue en écrivant : « Il semble que Chamil soit un

fanatique et un barbare avec lequel il est difficile pour nous et même pour la Porte d'avoir des relations confiantes ou même satisfaisantes. »¹³⁵

Pour compléter ce bilan, on apprendra en novembre qu'une Française

a été arrêtée et détenue en otage par les troupes de Chamil¹³⁶.

Cependant à Paris, il semble qu'on reste sourd à tous les échos qui parviennent du Caucase, et les décisions qui y sont prises sont des plus incohérentes. Au moment où les pourparlers avec les Circassiens aboutissent à une impasse et où la liaison avec le Daghestan s'avère à peu près irréalisable, le ministre de la Guerre fait expédier de la poudre et du plomb pour confectionner des munitions qui seront « mises le plus tôt possible à la disposition de Schamyl »137. Quant aux dix mille fusils expédiés de Marseille, dont trois mille ont été prélevés pour les troupes de Varna, leur acheminement jusqu'au quartier général de Chamil risque de se heurter à des obstacles insurmontables, si l'on songe qu'entre la côte circassienne et le front oriental s'étend un immense territoire peu connu et contrôlé en grande partie par les Russes. Or cette délicate mission est confiée à un homme complètement inexpérimenté, à la fois naıf, infatué et imbu de son rôle historique. Ce choix s'explique vraisemblablement par une recommandation personnelle de l'Empereur, A son arrivée à Constantinople, le capitaine de Mauduit, « chargé d'une mission spéciale de l'Empereur auprès de Schamyl », s'adresse au commandant en chef de l'armée d'Orient pour demander des moyens d'action et des instructions : en des termes presques burlesques, il fait part de son intention de coucher sous la tente de Chamil, pour le voir vivre et juger s'il est digne de participer à la « Croisade » occidentale ; il se présentera à Chamil comme l' « envoyé du sultan français » et se déclare prêt à braver toutes les tribus hostiles pour « arriver tout sanglant peut-être, mais la tête haute, auprès du sultan du Daghestan »138.

Quand Mauduit parviendra, trois mois plus tard, à s'embarquer pour la Circassie, sa mission sera devenue sans objet, car le siège de Sébastopol aura supplanté les diverses opérations prévues au Caucase dans la stratégie des Alliés. Quant aux sept mille fusils destinés à Chamil, on appren-

dra bientôt qu'ils se sont volatilisés. 139

Dans le même temps, le ministère des Affaires étrangères, qui ne veut pas être de reste, confie à un ministre plénipotentiaire, Nicolas-Prosper Bourée, une « mission de haute importance ». Jouissant d'une grande liberté de mouvement, tenant selon les cas le rôle d'un observateur ou d'un conseiller, il sera chargé de développer l'influence de la France dans les pays riverains de la mer Noire et particulièrement en Circassie 140. Bourée se propose, lui aussi, de rencontrer Mohammed Emin et de pénétrer éventuellement à l'intérieur de la Circassie, mais il est assez clairvoyant pour admettre qu'il est vain de chercher à rencontrer Chamil. Dès son arrivée, une conversation avec Riza Pacha, commandant (seras-ker) de l'armée ottomane, a suffi pour le persuader que sur ce plan il ne fallait pas compter sur une aide des Turcs:

« Schamyl, a-t-il dit, est en relation avec la Porte par l'intermédiaire de chefs tcherkesses qui sont à Constantinople.
— Mais, ai-je objecté, combien vous faut-il pour écrire et recevoir une réponse de Schamyl?

Je ne puis rien donner de précis.

 Vous êtes donc hors d'état de concerter un mouvement en avant avec un mouvement de Schamyl attaquant les Russes sur leurs derrières.

Complètement.

- Vous n'avez aucun moyen de vous assurer que Schamyl à un jour donné puisse se porter sur un point où vous auriez besoin d'une diversion?
 - Aucun.
 - Savez-vous quel est le chiffre des forces russes ?

35 à 40 mille hommes.

— Savez-vous si les Tcherkesses ont coupé, ou seulement rendu difficile en Ossétie la route militaire de Stavropol à Tiflis ?

Nous n'avons aucune information.

— Savez-vous si Schamyl ne ferme pas les communications entre Tiflis et Bakou, et si les Russes peuvent recevoir les troupes nouvelles et le matériel qui leur viendraient par la Volga, la Mer Caspienne et Bakou?

Nous n'en savons rien. »¹⁴¹

L'arrivée du nath Mohammed Emin et de la délégation circassienne à Varna va du reste ôter toute raison d'être à la mission de Bourée, alors que ce diplomate en est encore, le 15 juillet, à attendre qu'un moyen de

transport soit mis à sa disposition.

Dans une lettre du 29 octobre au général Canrobert, nouveau commandant en chef, le chargé d'affaires Benedetti résume en quelques phrases la situation : « Monsieur le Général [...] s'il est un fait acquis désormais en ce qui touche les contrées caucasiennes, c'est qu'on ne possède aucune information digne de foi [...] Schamyl opérant dans le Daghestan reste enveloppé dans ce mystère profond que rien n'a pu pénétrer, et les rapports de ce chef avec les Circassiens donnent lieu à des accusations et à des querelles dont il est impossible d'apprécier le caractère et l'importance. »¹⁴²

A la fin de l'année 1854, l'intervention française au Caucase semble donc une affaire classée. Pourtant quelques mois plus tard, et bien qu'aucun fait nouveau ne se soit produit dans ce secteur, le Gouvernement français va prendre une décision surprenante en désignant brusquement un jeune inconnu, Charles Champoiseau, en qualité d'agent consulaire

chargé d'une mission d'information en Circassie.

Les ambitions déçues de Champoiseau143

A l'origine, il faut sans doute voir dans cette dernière initiative française un des nombreux épisodes de la lutte d'influence traditionnelle entre les deux Puissances alliées. Le Gouvernement anglais avait manifesté quelque inquiétude en apprenant l'envoi du capitaine de Mauduit, qui avait été décidé unilatéralement par la France, et il avait alors pressé son ambassadeur Lord Cowley de faire à ce sujet une démarche à Paris. A son tour, il venait de devancer la France en dépêchant en Circassie son consul à Monastir, John A. Longworth, qui y avait déjà joué un rôle actif avec James Bell en 1837. Le ministre anglais Lord Clarendon souhaitait d'ailleurs expressément que Longworth partît seul, à moins que la compagnie d'un représentant français ne lui fût imposée avec insistance144. Or le Gouvernement français réagit aussitôt pour empêcher l'Angleterre d'occuper seule le terrain, en créant précipitamment une agence consulaire itinérante en Circassie. Les objectifs de cette nouvelle mission n'étaient pas clairement définis, et il s'agissait, dans l'immédiat, d'assurer symboliquement la présence de la France, comme le montre la lettre adressée le 2 mars 1855 par le ministre des Affaires étrangères à Charles Champoiseau : « Les circonstances actuelles m'ayant paru rendre utile votre présence à Redout Kale, j'ai décidé, Monsieur, que vous iriez résider dans cette ville en qualité d'agent consulaire, avec la faculté de vous transporter sur les points où l'intérêt du service l'exigerait. Vous recevrez [...] les instructions qui pourront être nécessaires pour l'accomplissement de votre mission [...] Je vous invite à partir immédiatement pour votre poste. »145

Les raisons de ce choix sont assez obscures. Le ministre peut avoir simplement saisi une occasion qui s'offrait, en accueillant la demande du jeune Champoiscau, qui était candidat à un poste actif et se présentait précisément comme un connaisseur des affaires du Caucase où il avait déjà résidé. Mais cette coïncidence n'était probablement pas fortuite, car Champoiseau avait envoyé trois lettres successives au ministre dans l'intervalle de quelques semaines. De la part d'un jeune homme sollicitant son entrée dans la carrière, il y avait quelque chose d'insolite dans une telle insistance, et plus encore dans la manière dont sa demande était formulée : compte tenu de la situation en Géorgie, écrivait-il, « il est nécessaire de renforcer l'influence de la France dans cette région en placant des agents permanents à Batoum, à Redout-Kale ou à Tchuruk Sou »146. Ces conseils étaient visiblement inspirés par une personnalité qui était au courant des préoccupations immédiates du Gouvernement, et qui jugeait le moment favorable de pousser son candidat. On a tout lieu de supposer qu'il s'agissait du général comte d'Ornano, qui parraina Champoiseau au début de sa carrière et le fit encore bénéficier de sa recommandation par la suite¹⁴⁷. Ce général, ancien héros des guerres napoléoniennes, restait un personnage influent de la Cour impériale¹⁴⁸; or le père de Champoiseau, notable de Tours, appartenait vraisemblablement à la clientèle politique qui l'avait élu député de cette ville à l'Assemblée de 1840¹⁴⁹.

Si la désignation d'un homme jeune et épris d'aventures pouvait se concevoir pour un tel poste, il manquait manifestement à Champoiseau l'envergure et la compétence nécessaires pour défendre le prestige de la France en Circassie et pour contrebalancer l'influence de Longworth. Les titres dont se prévalait le candidat contenaient en effet une bonne part de vantardise. Agé à peine de vingt-cinq ans, il faisait état « d'études commerciales approfondies », affirmait avoir beaucoup voyagé en Grèce, en Turquie, en Asie Mineure et avoir été appelé par Napoléon III pour lui donner des renseignements sur la Crimée (150); il prétendait même avoir acquis au Caucase une influence qui serait un atout pour les troupes françaises au cas où l'on y enverrait un corps expéditionnaire : « Par mes

relations antérieures et personnelles, soit avec la famille régnante de Mingrélie, soit avec quelques grands seigneurs du Gouriel, je pourrai faciliter la marche des troupes jusqu'à Kutaïs, mais l'influence que je crois avoir serait nulle s'il s'agissait de troupes ottomanes. 1151

A la fin de sa vie, auréolé par ses découvertes archéologiques et reçu à l'Académie de Marseille, il ira jusqu'à évoquer ses débuts dans la carrière consulaire en les présentant comme « une importante mission politique au Caucase et en Circassie, provinces déjà longtemps explorées par moi

en 1850 n152.

Le rôle réel joué par Champoiseau au Caucase fut beaucoup plus modeste. Durant tout son séjour, il fut en butte à la méfiance et à l'hostilité des autorités turques locales et tenta vainement de s'imposer. Sa correspondance, qui remplit pourtant près de la moitié d'un volume des Archives du ministère des Affaires étrangères¹⁵³, contient davantage de plaintes et d'accusations véhémentes à l'égard des chefs ottomans que d'informations véritables sur les Circassiens et sur le soutien qu'on pouvait en attendre. Elle laisse, dans l'ensemble, une impression assez superficielle. Le général Pélissier, commandant en chef en Crimée qui l'avait vu en juillet 1855 et avait reçu ses dépêches, écrivait au ministre de la Guerre : « M. Champoiseau [...], je vous le dis entre nous, est un agent consulaire d'une assez médiocre consistance. »¹⁵⁴

On peut alors se demander si l'idée de cette agence consulaire et le choix du titulaire du poste ne furent pas imposés, plutôt que proposés au ministre des Affaires étrangères, d'autant qu'on verra Champoiseau s'adresser directement au Cabinet de l'Empereur en 1857 pour obtenir de l'avancement, contrevenant ainsi aux usages de la hiérarchie 155. En tout cas le ministre semble avoir été pris de court, car tout dans cette mission porte la marque de l'improvisation. A Paris, on recommande à Champoiseau de s'informer et de s'abstenir de toute promesse envers les populations. L'agent consulaire part un peu à l'aveuglette ; en débarquant, le 7 avril 1855, à Batoum, il est accueilli avec surprise par le consul Steyert replié de Tiflis, qui n'a reçu aucune instruction à son sujet et qui constate qu'il est « peu préparé à aller s'installer à Redout Kale, n'ayant pas de maison, pas de drogman, pas de domestiques »156. Champoiseau va s'apercevoir très vite que ses déplacements, ses contacts, bref le succès de sa mission dépendent en fait du commandement turc et des autorités locales (Sefer Pacha) que le Gouvernement ottoman a mises en place en Circassie, et qu'on a négligé d'avertir. Le muchir Mustafa Pacha, commandant du corps d'armée de Batoum, accepte bien de le prendre à bord de son navire, mais le voyage tourne fort mal : au bout d'une semaine, atteint de paludisme, l'agent consulaire rentre à Batoum, puis à Trébizonde, et il raconte que le commandant turc a paru gêné par la présence d'un témoin étranger, qu'il lui a refusé l'hospitalité et l'a débarqué presque de force sur une barque au large de Tchuruk Sou, où il est resté plusieurs jours sans secours; qu'à Soukhoum Kale également il n'a rencontré que « méfiance et mauvais vouloir »157.

Cet incident, qu'il a ressenti comme un affront personnel, va marquer Champoiscau pour le reste de son séjour en Orient. A son enthousiasme des premiers jours succède un profond abattement. De Trébizonde, où il va résider plus de deux mois auprès du consul Poncharra, il s'adresse personnellement¹⁵⁸ au ministre des Affaires étrangères en le suppliant de lui garder sa confiance, mais il tire déjà des conclusions désabusées d'une mission qui n'est pas même ébauchée : en quelques jours, il prétend avoir découvert que les projets français au Caucase sont illusoires, que la liaison avec Chamil est impossible, et que les Circassiens pensent davantage à piller qu'à se battre. « Je me vois forcé de regarder comme bien hasardeuses, sinon comme chimériques, les espérances qu'on a pu concevoir sur le concours des Circassiens et des Géorgiens dans la lutte entreprise contre les Russes. »¹⁵⁹

C'est évidemment sa rancune à l'égard du commandant turc qui l'emporte sur tous ses autres sentiments. Il ne cessera désormais de dénoncer l'action néfaste, le jeu personnel et l'incapacité du muchir Mustafa Pacha et de Sefer Pacha, en qui il voit les ennemis déclarés de la France et de l'Angleterre. Son analyse rejoint d'ailleurs celles de Steyert et de Poncharra. Dès le 10 décembre de l'année précédente, ce dernier avait mis en garde le Gouvernement français :

"D'après des renseignements dont je crois pouvoir vous garantir l'exactitude, Mustafa serait décidé à agir par tous les moyens en son pouvoir pour que des troupes françaises ou anglaises ne soient pas envoyées à Batoum, envoi dont il a été quelquefois question et qui, d'après toutes les probabilités, serait d'une utilité, pour ne pas dire d'une nécessité incontestables, et produirait un excellent effet parmi les Géorgiens. Il est certain [...] que les Géorgiens n'ont pas la moindre sympathic pour les Turcs et que la présence seule de troupes françaises ou anglaises, et particulièrement des françaises, pourrait les décider à attaquer l'étendard russe. » 160

Champoiseau, instruit par son expérience, adopta d'emblée ces thèses et les développa à son tour en des termes presque identiques pour en faire le fondement de son attitude politique. Pour lui l'envoi d'un fort détachement français s'imposait afin de provoquer le soulèvement de la Géorgie, et le départ des commandants et gouverneurs locaux était une condition préalable à toute action de la France en Circassie. Bientôt la déroute de l'armée turque en Anatolie et la menace des Russes sur Kars allaient donner un poids supplémentaire à ces arguments, en montrant l'urgence d'une diversion militaire alliée en Circassie et en Géorgie 161. Champoiseau ne pouvait ignorer que le généralissime Omer Pacha faisait pression au même moment à Constantinople en faveur d'une telle opération, que les divers plans stratégiques faisaient l'objet de discussions passionnées entre les chefs militaires et les diplomates alliés, mais que le ministre français des Affaires étrangères n'y était guère favorable 162. Aussi s'efforçait-il de mettre ses arguments dans la balance. Dès le q mai il avait invoqué ce qu'il prétendait être le vœu profond des populations chrétiennes :

« Les Géorgiens, quelle que soit la tribu, ne demandent pas mieux que de chasser les Russes; mais il leur faut un corps anglais ou français, ils ne sortent pas de là; et malgré les recommandations que j'ai reçues à Paris en partant, il faut bien que je dise que sans cela (et je comprends qu'une telle expédition soit presque impossible) on n'obtiendra rien, absolument rien d'eux. Seulement la Géorgie hait les Turcs à outrance, et quand bien même les Russes ne seraient plus là, il est à croire qu'elle se battrait contre nos alliés qui ont su s'y faire détester complètement. Plutôt mille fois les Russes que les Turcs, tel est le mot d'ordre géorgien. »¹⁶³

Depuis lors il avait quitté Trébizonde et rejoint Longworth, avec qui il avait parcouru la côte abkhaze et circassienne, mais cette nouvelle expérience renforça encore sa conviction que l'alliance franco-turque n'existait pas en Circassie, que les instructions envoyées par le sultan y restaient lettre morte¹⁶⁴, et que les fonctionnaires locaux avaient décidé de ruiner les Français et les Anglais dans l'esprit des populations. Le naib Mohammed Emin s'était refusé en effet à tout contact avec Longworth sur l'ordre du muchir¹⁶⁵, et Sefer Pacha avait reçu manifestement des consignes semblables qu'il respectait sans se faire prier. Champoiseau voyait en celui-ci « un vieillard presque en enfance qui, sans connaître les intérêts véritables de son pays — puisqu'il est Circassien — regarde notre présence comme une profanation d'un pays qu'il considère comme sa propriété, et l'établissement de notre légitime influence comme une usurpation ».

Tout espoir n'était pourtant pas perdu, selon lui, d'entraîner ce pays dans la lutte commune, mais une fois qu'il aurait « été soustrait à l'influence de chefs dont la haine de l'Europe est la devise ». Sefer Pacha n'avait-il pas menacé de s'opposer par la force aux troupes franco-anglaises si le commandement interallié persistait dans son intention de détruire les fortifications d'Anapa? « Je ne crains pas d'affirmer que nous pourrions quelque jour payer chèrement l'indulgence accordée à ce Pacha. » Et déjà Champoiseau échafaudait des plans visant à évincer les autorités établies : il proposait de réunir la Circassie et l'Abkhazie sous une même autorité politique et militaire, et suggérait d'accorder une protection officielle au prince abkhaze Michel Chervachidze (« Hamid Bey »), dont la position était jusqu'alors ambiguë, en échange de son ralliement

complet à la cause alliée¹⁶⁶.

Il était clair que Champoiseau se méprenait sur le sens de sa mission. Les instructions qu'il avait reçues lors de son séjour à Trébizonde étaient certes bien imprécises, puisqu'elles lui commandaient de calquer sa conduite sur celle de Longworth, mais on avait en tout cas prescrit à celui-ci une extrême prudence : « Vous éviterez de donner un caractère politique à votre visite dans cette contrée, autant pour ne point faire naître des espérances qui ne se réaliseraient pas que pour ne point motiver des réclamations et ne pas permettre d'invoquer des promesses qu'il serait difficile d'éluder. »¹⁸⁷

Or l'agent consulaire s'écartait chaque jour davantage de son rôle d'informateur; ses jugements hâtifs et ses initiatives hasardeuses furent sévèrement appréciés par l'ambassadeur Thouvenel qui le rappela à son devoir d'impartialité et fit part de ses impressions au ministre des Affaires étrangères Walewski: « M. Champoiseau a de l'intelligence et du zèle, mais je crains un peu qu'il ne donne à sa mission une étendue et un caractère qui, au moment où elle lui a été confiée, n'étaient pas dans les inten-

tions du Département des Affaires étrangères. On voulait moins agir en Circassie que se renseigner exactement sur l'état de cette contrée et se rendre compte des ressources éventuelles qu'elle offrirait à un moment

opportun, pour la poursuite de la guerre. »168

Non sans raison, Champoiseau avait objecté que « vouloir entamer quelque négociation avec les chefs circassiens, les sonder même sans se donner comme agent politique est une chose à peu près impossible » ; de plus il observait peu à peu qu'il existait une contradiction entre la réserve qu'on lui imposait et la nécessité de se conformer à l'attitude de Longworth, qui tendait précisément à s'engager à fond et immédiatement. Fallait-il s'associer aux démarches de l'agent anglais, au risque de dépasser ses instructions, ou s'effacer et perdre alors toute influence auprès des tribus ?169 L'ambassadeur de France à Constantinople ne pouvait répondre clairement à la question, et sa perplexité reflétait les hésitations et les divergences qui se manifestaient au sein du Gouvernement français : il avait lui-même été désavoué par le ministre des Affaires étrangères pour avoir écrit à Champoiseau : « Ne perdez pas de vue cependant, que dans l'avenir la France n'aura peut-être pas le même intérêt que l'Angleterre à se mêler des affaires de Circassie 170. » Or, à Paris on ne tolérait « aucune différence dans l'attitude, le langage et les actes de ces deux agents »171. Cependant la polémique se poursuivit, et Walewski pria le ministre de la Marine de rappeler à l'ordre l'amiral Bruat, commandant de la flotte de la mer Noire, qui continuait, au mépris des instructions impériales, à faire état des divergences d'intérêts entre les Alliés : « La France et l'Angleterre se sont unies pour combattre et affaiblir la Russie. En Circassie comme partout où nous pouvons atteindre notre commune ennemie, nos intérêts sont les mêmes que ceux de l'Angleterre, et la communauté du but doit se manifester dans la communauté de nos efforts pour soulever et armer les peuplades du Caucase. »172

Ces déclarations solennelles masquaient mal la réalité des discordances. Champoiseau, placé en porte à faux entre les directives contradictoires de ses chefs, la concurrence active de son collègue anglais et l'hostilité des autorités turques, prit prétexte de l'impopularité croissante de Longworth pour s'éloigner de lui-même de la scène, afin de ne pas « partager la disgrâce peut-être imméritée, mais probable de M. Longworth en Circassie », et il s'installa définitivement à Soukhoum Kale au début de septembre 1855, décidé apparemment à se consacrer au travail

d'information souhaité par le Gouvernement¹⁷³.

Quelques jours plus tard, l'arrivée d'Ömer Pacha, suivie aussitôt de la disgrâce de Mustafa¹⁷⁴, créa un climat nouveau. Le généralissime turc, venu diriger l'expédition militaire prévue en Mingrélie, ménagea habilement la susceptibilité des deux agents alliés en sollicitant leur avis, et Champoiseau put se poser à nouveau en conseiller politique, encourager le ralliement de Michel Chervachidze et recevoir une délégation de beys musulmans hostiles à celui-ci, comme s'il jouait un rôle d'arbitre. La reconnaissance du prince abkhaze par Ömer Pacha comme «chef du pays » fut donc pour lui une satisfaction d'amour-propre, bien que le général, misant sur tous les tableaux, eût accordé simultanément un titre identique au naīb Mohammed Emin, considéré maintenant par Champoiseau comme un fléau pour la Circassie déjà en pleine anarchie¹⁷⁵. En outre le

bruit courut qu'un accord était en vue à Constantinople entre les Alliés pour limiter l'autorité d'Ömer Pacha au seul domaine militaire, et remettre les affaires de la politique circassienne à une commission composée de Champoiseau, de Longworth et d'un fonctionnaire turc investi de la confiance du sultan¹⁷⁶. L'agent français était à présent plein d'espoir dans l'efficacité des plans alliés et dans l'avenir de l'influence française au Caucase:

« Jusqu'à présent les ordres des différents Pachas et gouverneurs ne tendaient qu'à nous faire déconsidérer plutôt qu'accueillir. Désormais placés par les soins de Votre Excellence dans une bonne position, appuyés d'un collègue intègre et solide, avec des attributions bien définies et annoncées officiellement à tous les fonctionnaires, nul doute que le mal ne se répare bien vite et que notre influence grandissant chaque jour, nous n'arrivions auprès des chefs et des tribus de ces contrées à exercer une autorité tout à l'avantage des recherches, des observations auxquelles nous devons nous livrer et des actes plus significatifs qu'on pourrait avoir à nous demander plus tard. »¹⁷⁷

A Paris et à Constantinople, on voyait les choses bien différemment. Tandis que la chute de Sébastopol, survenue le 8 septembre, rendait moins urgente aux yeux du haut commandement allié la diversion prévue au Caucase, l'ambassadeur Thouvenel mesurait avec clairvoyance les conséquences de la mainmise d'Ömer Pacha sur l'administration de la Circassie, qui semblait préparer la restauration de la souveraineté ottomane sur cette province. Une telle éventualité signifiait un retour aux affrontements frontaliers et un risque de nouveau conflit entre les deux Empires, que la France devait empêcher à tout prix. L'ambassadeur avait reçu du ministre des Affaires étrangères Fouad Pacha l'assurance que telle était également l'opinion de la Turquie. Mais il restait qu'Omer Pacha pouvait être tenté, par ambition personnelle, d'engager l'Empire ottoman dans une voie différente. Il était donc souhaitable de contrôler l'action politique du général; mais le seul moyen à la disposition des Alliés était d'exiger du sultan un acte solennel garantissant que la Turquie renoncerait après la guerre à revendiquer des droits de suzeraineté. Quant à confier à Champoiseau un rôle de conseiller politique auprès d'Omer Pacha, cela était à la fois dangereux et illusoire, et aurait pour résultat d'associer un agent français à des initiatives qu'il serait hors d'état de maîtriser, alors que la France et l'Angleterre semblaient décidées, selon Thouvenel, à n'avoir aucun engagement direct envers les tribus transcaucasiennes et à « n'accepter aucune responsabilité dans le règlement de la condition de ces contrées à la fin de la guerre »178. La décision du ministre des Affaires étrangères confirma ce point de vue en v ajoutant un autre argument :

« Il est à présumer que si les tribus transcaucasiennes peuvent être amenées à se mettre en mouvement et à combiner leurs efforts contre les Russes, aucune influence n'est plus propre à favoriser ce résultat que la présence d'Ömer Pacha et d'une armée ottomane. Adjoindre à son action celle des agents anglais et français qui ont eu, d'ailleurs, si peu de succès dans leurs premiers rapports avec ces populations, ce serait s'exposer, sans aucune utilité, à provoquer entre ces agents et le généralissime ottoman, des rivalités, des froissements et des conflits inévitables. 1179

Champoiseau fut donc invité, pour la dernière fois, à se cantonner dans ses fonctions consulaires. En apprenant, à la fin de décembre, la retraite désastreuse de l'armée d'Ömer Pacha, les pillages auxquels elle s'était livrée en Mingrélie et l'hostilité croissante des populations envers les Turcs, il se félicita d'ailleurs d'être resté à l'écart. Avant de quitter la Circassie, le 3 mars 1856, pour gagner Trébizonde, il ne put s'empêcher de lancer, dans une dernière dépêche, comme un testament politique :

« On me répète, on me fait dire sans cesse, que quelque mille hommes de troupes françaises verraient en débarquant sur cette côte toutes les populations se tourner vers eux comme vers des libérateurs et seraient accueillis avec un enthousiasme, gage d'un succès certain contre les Russes. » En ajoutant prudemment : « Mais des paroles aux faits il y a trop loin pour que [...] je couvre de ma responsabilité ces protestations dont l'emphase sent peut-être un peu l'exagération. »¹⁸⁰

Le Caucase « oublié »

Le Gouvernement français n'avait pas attendu l'échec de la mission de Champoiseau pour tenter de se dégager du guêpier caucasien. Dès le rer novembre l'ambassadeur Thouvenel, critiqué par Walewski pour sa proposition relative aux commissaires politiques chargés de contrôler Ömer Pacha, s'excusa en des termes significatifs : « Je prie Votre Excellence de trouver mon excuse si je me suis mêlé des affaires de Circassie dont mon instinct ne me portait nullement à m'occuper et que je vais mettre, d'ailleurs, tous mes soins à endormir jusqu'à la réception de vos ordres, "181

Bientôt l'ouverture du Congrès de Paris allait amener les Puissances occidentales à régler les immenses problèmes posés par le rétablissement de la paix, l'équilibre de l'Europe et la sécurité de l'Empire ottoman. C'est dire que les ultimes tentatives de Champoiseau, en janvier 1856, pour « attirer tout particulièrement l'attention sur la côte orientale de la Mer Noire » et relancer « une action plus directe et plus efficace » ne suscitèrent aucun écho¹⁸². Déjà l'armée turque évacuait l'Abkhazie et la Mingrélie.

Le 30 mars 1856, alors qu'en Circassie la rivalité entre le naïb de Chamil et Sefer Pacha dégénérait en lutte ouverte entre les tribus¹⁸³, la signature du traité de Paris confirma la volonté délibérée du Gouvernement de Napoléon III d'oublier le Caucase.

Cet événement, connu dans les premiers jours d'avril, causa un choc intense en Circassie. Réunis à Anapa sur l'initiative de Sefer Pacha, les chefs de douze tribus circassiennes tinrent conseil et décidèrent l'envoi immédiat à Constantinople d'une importante députation chargée de remettre des pétitions et d'alerter les représentants alliés sur le sort de leur pays. L'ambassadeur français prit ses précautions et se concerta avec Paris sur la conduite à adopter. Il lui paraissait évident qu'on demanderait à la France de garantir l'indépendance de la Circassie : étant donné l'attitude des autorités de ce pays pendant la guerre, la France n'avait certes aucune raison de leur accorder sa sollicitude ; mais elle pourrait du moins faire admettre une interprétation du traité d'Andrinople — dont les clauses n'étaient pas remises en cause — qui assurerait à tous les États la possibilité d'accéder librement au littoral et « d'établir des relations de commerce avec un pays sans position fixe, il est vrai, mais en définitive indépendant ou tout au moins insoumis »¹⁸⁴.

La députation circassienne qui se présenta à Constantinople comptait plus de deux cents personnes. Cet énorme déploiement indisposa fortement le Gouvernement ottoman, d'autant que la pétition remise au sultan et celles qui étaient destinées aux souverains alliés mettaient la Porte dans une situation embarrassante : les Circassiens réclamaient avec insistance, non pas leur indépendance, mais la suzeraineté du sultan. Thouvenel prit connaissance — probablement avec étonnement — du texte envoyé à Napoléon III, dans lequel les événements de la guerre étaient présentés sous un jour singulier par Sefer Pacha¹⁸⁵:

« Très glorieux, très valeureux, très sincère Napoléon III, Empereur de France!

Le serviteur de Votre Majesté, le noble Sefer Pacha, ayant fait alliance il y a vingt-neuf ou trente ans avec douze tribus de la Circassie et ayant conféré avec elles au nom des populations Circassiennes, il a été désigné par elles comme leur délégué et leur Plénipotentiaire tant auprès de la Sublime Porte qu'auprès de votre Auguste Cour, muni d'un sened (acte) pour chacune d'elles, exposant que nous n'accepterons aucun autre gouvernement étranger que celui de notre Sublime Porte, et demandant qu'on ne nous livre pas à une Puissance étrangère. Confiant dans les assurances que Votre Majesté dans sa haute bienveillance a daigné donner que nous resterions, comme par le passé, sous l'autorité de notre Sublime Porte, et en considération de nos demandes, Sefer Pacha, votre serviteur, attendait, restant toujours fidèle depuis cette époque jusqu'à présent à sa religion et à son Souverain. Nous avons été pénétrés de joie et de reconnaissance quand, avec l'assistance de Votre Majesté, Sefer Pacha notre délégué a été envoyé à Anapa, selon nos vœux, en vertu d'un décret du Sultan, avec une mission pour la Circassie. Nous adressions des actions de grâces au ciel, et les deux Puissances alliées ayant commencé les hostilités et la guerre sainte contre les Russes, nous aussi, de notre côté, nous avons combattu et nous combattions encore, par les efforts et le zèle de Sefer Pacha, avec les troupes Ottomanes placées sous ses ordres.

Mais comme certains bruits touchant la paix conclue par les Puissances alliées sont parvenus jusqu'à nous, et comme nous n'avons absolument rien entendu sur la Circassie, nous avons, du consentement de toutes les tribus Circassiennes et par crainte de quelque chose, rédigé trois suppliques, l'une adressée à Votre Majesté et les deux autres à notre Sublime Porte et à la Reine d'Angleterre aux fins de déclarer et de faire connaître que, selon la loi de notre pays — nous en jurons par Dieu! — nous ne nous séparerons jamais et en aucune façon de notre souverain Sultan Ghazi Abdul Medjid Khan.

Nous remettons cette humble supplique entre les mains de 225 Circassiens serviteurs de Votre Majesté, qui la lui feront par-

venir.

Quand Votre Majesté en aura pris connaissance, elle aura pitié de nous. Elle daignera ajouter un nouveau bienfait à ceux qu'elle nous a accordés jusqu'à présent et elle daignera faire notre bonheur et nous imposer de nouvelles obligations de reconnaissance, en nous accordant son appui efficace pour nous faire rester sous l'autorité de notre Sublime Porte. C'est dans cet espoir que nous adressons cette supplique à Votre Majesté et que nous lui demandons instamment cette grâce au nom de nos enfants.

Au reste, en ceci comme en toutes choses, l'ordre et le commandement appartiennent à la Très Glorieuse, Très Valeureuse et Très sincère Majesté Napoléon III, Empereur de France.

7 chaban 1272/12 avril 1856 »

15 cachets des chefs principaux 75 autres cachets

L'ambassadeur français transmit la pétition en remarquant que « Sefer Pacha avait une manière à lui d'écrire l'histoire », et sollicita d'urgence les instructions du Gouvernement, d'autant que les Abkhazes, à leur tour, tenaient une assemblée à Soukhoum Kale et se préparaient à envoyer leurs propres délégués.

La démarche des Circassiens, maladroite et inopportune, fut aussi mal accueillie à Constantinople qu'à Londres et à Paris. La Porte invita les députés à retourner à Anapa, et Sefer Pacha fut sommé de faire évacuer cette place ou de démissionner de ses fonctions officielles. En Angleterre, l'ambassadeur français Persigny notait un revirement de l'opinion :

« Il est certain qu'on s'est fait longtemps en Angleterre une très fausse idée de la Circassie. On s'imaginait que c'était un pays avec lequel on pouvait entamer des relations sérieuses, mais les rapports récents du duc de Newcastle, qui, en visitant ces populations y a vainement cherché les éléments, les apparences même d'un gouvernement quelconque, ont beaucoup dégrisé l'opinion. Le gouvernement anglais ne reconnaît donc pas cette députation et n'a pas à entrer en relation avec elle. »¹⁸⁶

Quant au Gouvernement français, il fit connaître sa position par une phrase brève et catégorique : la requête des Circassiens était arrivée trop tard ; d'ailleurs les droits de la Turquie d'exercer sa suzeraineté — à supposer qu'elle voulût l'accepter — n'étaient pas mieux fondés que ceux de la Russie ; il n'y avait donc qu'à répondre aux députés que « n'ayant pas eu dans la guerre le concours des populations qu'ils représentent, nous ne nous croyons pas obligés de prendre la défense de leurs intérêts à l'occa-

sion de la paix »187.

L'intérêt des gouvernants et de l'opinion publique pour les affaires du Caucase, qui avait été si lent à se manifester, s'estompa brusquement. La France, désormais absorbée par les problèmes italiens et par la nouvelle guerre déclenchée près de ses frontières, se détourna des affaires orientales. C'est à peine si l'on trouve, dans la presse de cette époque, une mention des offensives du général Barjatinskij au Daghestan, de la reddition soudaine de la plupart des tribus insoumises, et du vaste exode des populations tcherkesses vers la Turquie et vers les Balkans. Seule subsistait dans les mémoires la figure légendaire de Chamil, qui symbolisait à lui scul toute la résistance d'un peuple : sa capture et son exil furent relatés par l'ensemble des journaux. L'ambassadeur de France, tout en reconnaissant que l'autorité de Chamil avait été surestimée en Occident et n'avait jamais dépassé les limites du Daghestan, souligna l'importance historique de l'événement et mit en garde son Gouvernement contre les conséquences d'un effacement de la France dans ces régions :

« Schamil est le dernier ennemi vraiment redoutable de la Russie dans ces contrées ; les portes de l'Asie Mineure sont aujourd'hui à jamais entre ses mains, elle peut jeter ses armées entre la Turquie et la Perse et agir avec liberté sur un théâtre où les armées européennes ne sauraient l'atteindre. C'est un nouvel élément de succès pour elle dans les luttes que l'état de l'Orient fait prévoir ; et il est à désirer que la vigilance des agents de l'Empereur dans ces contrées soit égale à la persévérance et à l'activité qu'y déploie la

CP

Paris, 1977.

Abréviations utilisées :

Archives du ministère des Affaires étrangères AMAEFet en particulier :

Correspondance politique Correspondance politique des consuls Correspondance commerciale

CPCCorr. comm. Mémoires et Documents MD

 Le consul de France à Trébizonde dénonçait, en 1831, les artifices utilisés par le tsar pour dissimuler à l'opinion européenne ses projets de conquête. Il remarquait que dans le traité de Londres, le nom de l'Abkhazie avait à peine été mentionné alors que la Russie cherchait depuis huit ans à conquérir ce pays. « On fit mieux, à la paix d'Andrinople, on ne l'indiqua pas du tout, mais on se donna le droit de le prendre [.... L'empereur avait déclaré ne pas vouloir acquérir un plus vaste territoire : cependant il insistait sur quelques agrandissements dans le pachalik d'Akaltzik. Il insistait beaucoup sur ces quelques arpents de terre peu importants à l'un comme à l'autre gouvernement ; le traité fixait aussi bien que possible la nouvelle frontière et ajoutait comme par forme d'éclaircissement que tout ce qui était au nord de la limite serait aux Russes, et que la Porte garderait le midi ; ce qui se traduisait ainsi : que des provinces riches et fertiles, une étendue de côtes de cent licues, un bon port, et deux millions d'habitants seraient à la Russie qui ne voulait

pas de conquêtes. J'ignore comment les Princes européens apprécièrent la modération de l'Empereur; ce que je n'ignore pas, c'est que la mission française de Pétersbourg crut qu'il ne s'agissait que du port d'Anapa (seule place dont eussent parlé les bulletins russes) et qu'elle considérait la Circassie et l'Abazie comme appartenant à l'Empire. » (Trébizonde, 15 juil. 1831, dép. nº 32, signée Fontanier, CP,

Turquie, 258, ff. 248-249.)

2. • Je sais qu'on lit ici et qu'on relit à Pétersbourg la correspondance que j'entretiens avec le Ministère », écrivait en 1844 le consul de France à Tiflis. Il ajoutait que le général Neidhart, gouverneur général de la Transcaucasie, avait transmis au ministre russe des Affaires étrangères Nesselrode une dépêche interceptée, en lui demandant de faire fermer ce consulat, mais que le ministre s'était bien gardé de donner suite à cette requête et avait affirmé le droit des consuls à l'information. « On est bien aise à Pétersbourg, commentait le consul, de recevoir une version autre que celle de l'État-Major. » (Tiflis, 27 mai 1844, dép. nº 35, signée G. de Castillon, CPC, Russie, Tiflis, 2, ff. 222-230.) Le texte de cette dépêche a déjà été publié par A. Bennigsen, « Un témoignage français sur Chamil et les guerres du Caucase », CMRS, VII (3), 1966, pp. 311-322.

 Parmi tous les ouvrages que nous avons consultés, celui de Ludwik Widers-zal, Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831-1864 (Caucasian questions in European policy from 1831 to 1864), Varsovie, 1934, 271 p., est le seul qui ait utilisé d'une manière systématique les dépêches françaises, mais sans en publier les textes. Encore ne traite-t-il que de la politique des puissances européennes au

Caucase en insistant surtout sur le rôle joué par les réfugiés polonais.

4. En particulier, Souvenirs du baron de Barante, de l'Académie Française 1782-1866, publiés par son petit-fils Claude de Barante, Paris, 1890-1901, 8 vols.

 Les sondages effectués dans la correspondance de la Perse n'ont donné aucun résultat.

 Cf. Pages de l'histoire du Second Empire d'après les papiers de M. Thouvenel, ancien ministre des Affaires étrangères (1854-1866), Paris, 1903, 460 p., et [Ed. Thouvenel], Nicolas Ist et Napoléon III. Les préliminaires de la guerre de Crimée, 1852-1854, d'après les papiers inédits de M. Thouvenel, Paris, 1891, 389 p.

7. Tiflis, 9 avr. 1847, dép. nº 26, signée G. de Castillon, CPC, Russie, Tiflis, 2,

ff. 120-133.

 « Lors de mon arrivée à Tiflis, le poste de cette résidence était une sinécure en deux agents, les relations du Transcaucase avec la France étaient à l'état latent ; le mouvement des importations et exportations françaises réunies n'atteignait pas une valeur annuelle de 300 mille francs. Actuellement je travaille 12 à 15 heures chaque jour, et le mouvement général du commerce du Transcaucase avec la France se montera en 1867 à 14 ou 15 millions de francs. « (Tiflis, 11 déc. 1867, B. de Tramasure au ministre des Affaires étrangères, AMAEF, dossier personnel de Tramasure.)

9. Tiflis, 12 avr. 1860, lettre de B. de Tramasure, in ibid. Tiflis, 11 déc. 1867, lettre de B. de Tramasure, déjà citée.

11. Les voyageurs français au Caucase ont préféré généralement prendre à leur compte les renseignements recueillis, et les présenter après leur retour en France dans des articles de revue ou dans des ouvrages édités.

12. Jules Ch. Teule, Pensées et notes critiques extraites du Journal de mes voyages dans l'empire du Sultan de Constantinople, dans les provinces russes, géorgiennes et tartares du Caucase et dans le royaume de Perse, Paris, 1842, 2 vols; II, p. 114.

13. L'expérience de Gamba et les étapes de son échec ont été remarquablement décrites par J.-L. van Regemorter, « Le mythe génois en mer Noire : la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821-1831) », Annales ESC, 19, 1964, pp. 492-521.
 14. Jean-François Gamba, Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement

dans les provinces situées au delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'à 1824, Paris,

1826, I. p. 62. 15. Cf. Jean Czynski, La révolte des Circassiens, Paris, 1837, p. 9, n. 1: « Ce livre est écrit sous l'influence enchanteresse qu'exerçait si bien l'empereur Alexandre, et d'après les renseignements que lui donnait l'aristocratie russe. »

Trébizonde, 24 mai 1836, dép. nº 9, signée Outrey, CPC, Turquie, Consulats

divers, 5, ff. 236-237.

17. Désiré Sauveur de La Chapelle, né à Rennes en 1799, se destinait d'abord

à la carrière militaire : il fut sous-lieutenant d'infanterie de 1814 à 1823. Nommé consul à Tiflis en 1839, il obtint en 1842 un congé de maladic, puis fut nommé consul à Ostende. Il termina sa carrière à Civitavecchia et fut mis en disponibilité en 1848. Les renseignements biographiques concernant les consuls sont extraits des dossiers personnels du ministère des Affaires étrangères.

Tiflis, 16 mai 1845, dép. nº 4, signée Monnot-Arbilleux, CPC, Russie, Tiflis,

2, ff. 45-49.

19. Gustave-Pierre-Antoine de Castillon, né en 1811, vivait à Paris avec sa mère dans des conditions précaires quand il fut engagé en surnuméraire au ministère des Affaires étrangères en 1829 avec un emploi modeste non rétribué. Consul à Tiflis à partir de 1842, il quitta ce poste en 1847 pour raisons de santé, puis fut affecté successivement à Elseneur, à Varsovie, à Newcastle, à Belgrade, et enfin comme chargé d'affaires à Tanger. Mis à la retraite sur sa demande en 1862, il mourut à Paris en 1870. Il avait été promu commandeur de la Légion d'Honneur en 1862. Une partie de sa famille était restée en Russie méridionale après son départ de Tiflis.

 Pierre-Edmond de Barrère, né à Morlaix en 1819, mort à Paris en 1890. fut successivement gérant intérimaire du consulat d'Erzeroum et consul de 2º classe à Tiflis, où il connut en 1851 des difficultés avec la petite colonie française au sein de laquelle régnait l'anarchie. Affecté en 1853 à Damas, d'abord comme gérant du consulat, puis comme consul, il fut ensuite consul général à Jérusalem, enfin consul général à Smyrne. Placé en inactivité en 1873, il mourut à Paris en 1890.

Tableau de la domination russe sur le Caucase en 1852 », s.d., signé Edm.

de Barrère, MD, Russie, 38, ff. 13-44.

Quartier-général de Kars, 9 juin 1854, lettre signée Simon, secrétaire du consul, annexe à la dép. nº 3, CPC, Turquie, Ezeroum, 4, ff. 161-164.

 Benjamin de Tramasure (1812-1876), fils d'un colonel de l'armée impériale, avait fait des études commerciales pendant plus de quinze ans et s'était spécialisé dans l'économie d'outre-mer. Il dut vraisemblablement sa nomination comme chancelier du consulat de Tiflis, en 1852, à la recommandation d'un ancien compagnon de Louis-Napoléon lors du complot de Boulogne. Malgré de hautes interventions, il ne put jamais accéder à la fonction de consul et resta à son grade de chancelier jusqu'à sa mort, sans même avoir obtenu des droits à la retraite.

24. « Mémoire sur le Caucase », Paris, 5 janv. 1855, signé Tramasure, MD,

Russie, 38, ff. 128-147.

25. Baron de Barante au comte Molé, 19 oct. 1838, dép. citée dans Souvenirs du baron de Barante, op. cit., VI, p. 124.

26. Ibid., p. 123.

27. Odessa, 6 mars 1835, dép. nº 8, signée Saint-Sauveur, CPC, Russie, Consu-

lats divers, 2, ff. 134-136.

28. La plus grande partie des marchandises exportées vers la France ou importées de France est transportée sur des navires étrangers. En 1833, sur 442 navires touchant Odessa, on compte 6 navires sous pavillon français; en 1834, 2 seulement sur 363; aucun en 1835. Par la suite, la proportion va s'accroître sensiblement : en 1846 on compte 21 navires français sur un total de 185 (renseignements tirés de la correspondance commerciale du consulat).

29. Odessa, 7 juil. 1837, dép. nº 19, signée A. A. Challaye, CPC, Russie, Consulats divers, 2, f. 208. Cf. également Odessa, 1er juin 1841, dép. nº 99, signée A. A. Chal-

lave, ibid., 3, ff. 3-6.

30. André-Adolphe Challaye, né à Paris en 1787, engagé dans l'armée à 16 ans, adjoint au commissaire des guerres en 1809, vice-consul à Théodosic en 1815, fut affecté au consulat d'Odessa en 1817, d'abord comme gérant intérimaire, puis comme consul de 1821 à 1832. Mis en congé pour raisons de santé et muté à Corfou,

il reprit le consulat d'Odessa de 1835 jusqu'à sa retraite, à la fin de l'année 1846. 31. Odessa, 6 mars 1835, dép. nº 8, signée Saint-Sauveur, *ibid.*, 2, ff. 136-138, et dépêche commerciale du même. Ces voyageurs sont M. du Pille, ex-gentilhomme de la chambre du roi et sous-lieutenant des gardes du corps, et le comte de Charnacé. Leur voyage les a menés de Moscou à Tiflis, Taman et Odessa, avec la traversée de l'Imérétie.

Corr. comm., Odessa. 5, f. 252 (pièce annexée à la dép.).

33. Jean-François Sauron, mort à Odessa en 1843, s'était installé dès 1798 en Russie méridionale avec son oncle, industriel du bois. L'entreprise familiale ayant été confisquée pendant la guerre, il étudia le droit pour défendre ses droits et s'installa comme avocat à Odessa où il se créa une bonne clientèle. Chancelier bénévole du consulat français de 1816 à 1833, et gérant du même poste pendant l'absence de Challaye, il sollicita en vain la charge de consul.

34. Odessa, 28 avr. 1834, dép. nº 1, signée Vasse-Saint-Oucn, CPC, Russie,

Consulats divers, 2, f. 114.

35. Félix-Jacques-François Despréaux de Saint-Sauveur (1792-1876) était fils et petit-fils de commis des Affaires étrangères; ses oncles Pétigny avaient été respectivement secrétaire général de la Chancellerie de France, et premier commis des Affaires étrangères sous Louis XVI. Après des études au Prytanée de La Flèche et à l'École des Jeunes-de-langue, et quelques emplois subalternes, il accompagna Latour-Maubourg à Constantinople en 1821, puis occupa divers postes consulaires en Turquie et en Grèce avant d'être nommé à Odessa en 1834. Consul à Corfou en

1835, puis à Alep en 1847, il fut mis à la retraite le 5 mai 1848 contre son gré.
36. Odessa, 22 déc. 1834, dép. nº 6, signée Saint-Sauveur, ibid., ff. 130-131.
37. Odessa, 6 mars 1835, dép. nº 8, citée n. 31, ff. 134-136.
38. F. (Despréaux) de Saint-Sauveur, Excursions en Crimée et sur les côtes de Circassie au mois de juillet 1836, Paris, 1837, 87 p. Il existe un manuscrit de cet ouvrage aux Archives de la Guerre, Mémoires et Reconnaissances, nº 1495, 99 ff., suivi d'un extrait du même.

39. En novembre 1836, Challaye évalue à 6 ou 8 ans le délai nécessaire pour soumettre toute la Circassie; en juillet 1837 il estime que la soumission sera suivie d'une occupation aussi meurtrière que la guerre ; le 2 février 1838, il présume « que dans un an les pauvres Circassiens seront entièrement isolés « et se soumettront.

Odessa, 12 août 1840, dép. nº 111, signée A. A. Challaye, CPC, Russie,

Consulats divers, 2, ff. 313-316.

41. Odessa, 6 mai 1844, dép. nº 194, signée A. A. Challaye, Corr. comm., Odessa, 6, ff. 375-376.

42. Odessa, 22 mars 1845, dép. nº 214, signée A. A. Challaye, CPC, Russie, Consulats divers, 3, ff. 80-88.

Odessa, 16 juin 1845, dép. nº 218, signée A. A. Challaye, Corr. comm.,

Odessa, 6, ff. 444-445. 44. Jean-Baptiste Sauron (1816-1876) succéda à son père en 1847 comme chancelier du consulat d'Odessa, poste qu'il occupa jusqu'à sa mort. Il se suicida à la suite d'opérations financières hasardeuses dans lesquelles il avait compromis la fortune de plusieurs personnes qui lui avaient confié leurs intérêts, notamment la princesse Cantacuzène.

 Pierre-Louis-Ernest, vicomte Gilbert de Voisins, né à Londres en 1799, fut nommé une première fois consul à Odessa en 1846, gérant du même consulat en 1849, de nouveau consul en 1852, et gérant du consulat d'Erzeroum en 1854.

Albert Huet (1822-1866) était un parent de l'amiral de Mackau. Consul de 1re classe des l'âge de 21 ans, il fut successivement consul à Cadix, à Odessa (1848-1888), à Bucarest, à Lisbonne, à Quito, à Lima et consul général à Gênes.

Odessa, 14 avr. 1849, dép. nº 1, signée Huet, CPC, Russie, Consulats divers,

3, f. 129

Xavier Hommaire de Hell, « Situation des Russes dans le Caucase », Revue

de l'Orient, IV, 1844, p. 284.

48. Victor Fontanier, né à Saint-Flour en 1796, avait d'abord fait des études de pharmacie, puis était entré en 1814 à l'École Normale d'où il avait démissionné. Admis en 1819 à l'École des Naturalistes Voyageurs, fondée par le duc Decazes, il était parti au Levant en 1821 pour une mission de recherche de sciences naturelles. Demeuré seul après la disparition de tous ses compagnons, assassinés ou morts de maladie, il fut nommé gérant provisoire du vice-consulat de Trébizonde, poste qu'il assuma jusqu'en 1833 sans obtenir sa titularisation. En 1834 il fut enfin admis dans la carrière consulaire et exerça de nombreuses fonctions à travers le monde jusqu'à sa mort, survenue à Civitavecchia en 1857.

Il est l'auteur de Voyages en Orient entrepris par ordre du gouvernement français, Paris, 1829-1834, 3 vols ; « De l'état actuel des Lesgis, peuple circassien ». Annales européennes, Journal de la Société de Fructification, VIII, 1825, pp. 59-69 ; et « Notice sur les Lesghis », Bulletin de la Société de Géographie, 2° sér., I (avr. 1834),

pp. 229-237.

49. Après le départ de Fontanier, son successeur révéla qu'il avait accumulé

des dettes (3 000 francs envers le drogman, 8 000 piastres envers le consul d'Angleterre), qu'il avait exaspéré ses collègues et s'était rendu coupable d'une grave indiscrétion en communiquant au consul de Sardaigne les instructions qu'il avait recues du Gouvernement français sur la conduite à tenir envers les autorités russes en Géorgie, alors que ce consul entretenait depuis longtemps d'étroites relations avec les mêmes autorités.

Trébizonde, 18 sept. 1831, dép. nº 39 signée Fontanier, CP, Turquie, 258,

ff. 260-261.

51. Sur cette affaire, cf. Pertev Boratav, « La Russie dans les Archives ottomanes. Un dossier ottoman sur l'imâm Chamil », CMRS, X (3-4), 1969, pp. 524-535-52. Trébizonde, 16 juil. 1853, dép. nº 32, signéc Clairambault, CPC, Turquie,

Trébizonde, 4, f. 147.

- 53. Charles-Louis-Alfred Poncharra, fils d'un colonel d'artillerie, né à Paris en 1823, entra au ministère des Affaires étrangères en 1845 comme surnuméraire. Il fut successivement élève-consul à Tanger et à Smyrne, gérant du consulat de La Canée, consul à Trébizonde, à Santander et à Salonique, d'où il fut rapatrié à Paris, gravement malade, en 1867. Il mourut à Paris en 1877.
 - Trébizonde, 2 juin 1854, dép. nº 11, signée Poncharra, ibid., ff. 217-219.
 Trébizonde, 10 déc. 1854, dép. nº 36, signée Poncharra, ibid., ff. 281-282.
 Note sans date (vers 1829) de Fontanier, classée dans le dossier personnel

de l'agent.

57. Charles-Alexandre de Challaye, né à Paris en 1816, fils d'Alexandre de Challaye, consul à Smyrne, fut affecté à divers postes en Extrême-Orient, en Égypte et à Venise comme élève-consul, puis se vit confier la gérance du consulat général de Guatemala en 1847. Placé en inactivité à partir de mai 1848, il fut nommé consul à Erzeroum le 5 mars 1852. Chargé au début de 1855 de la gérance du consulat d'Ancône, il y mourut, le 27 juillet suivant, du choléra.

58. Erzeroum, 4 juin 1854, dép. nº 2, signée C. A. de Challave, CPC, Turquie,

Erzeroum, 4, ff. 136-141.

59. Gaspard-Auguste-Léon Castagne, né à Constantinople en 1822, était le fils du chancelier de l'ambassade de France en Turquie ; l'un de ses ancêtres maternels avait été en 1722 consul général auprès du khan de Crimée. Gérant à deux reprises (juillet-novembre 1854 et février 1855) du consulat d'Erzeroum, il fut atteint du choléra, demanda vainement son rappel et mourut le 27 août 1855.

60. Erzeroum, 27 mars 1855, dep. nº 12, signée Castagne, ibid., ff. 288-289. Barante : « On ne publie pas de relations officielles à Saint-Pétersbourg. On affecte de ne jamais parler de cette guerre. Tout ne se sait que par ouï-dire, » (Saint-Pétersbourg, 28 sept. 1839, dép. nº 47, CP, Russie, 19, f. 135.) » Comme de coutume on ne public rien des événements de la campagne et la société russe se risque fort peu à cn parler. » (Du même, dép. nº 14, 14 juin 1841, ibid., 197, ff. 119-125.) Charles de La Ferronays : « ... quoiqu'il soit bien difficile, vous le savez, d'avoir en Russie des renseignements sur ce qui se passe dans l'intérieur, surtout lorsque ces renseignements sont défavorables au gouvernement... • (Rapport au ministre des Affaires étrangères du 9 mars 1842, MD, Russie, 43, ff. 162-171.)

62. Castillon se plaint, en 1844, que le député et journaliste Alphonse Denis, auteur d'un important article sur le Caucase, se soit inspiré de ses dépêches sans

prendre soin de les démarquer. Ceci, dit-il, est « de nature à compromettre le privilège dont jouit ma correspondance à l'exclusion de tout autre [...] Il m'importe de n'être pas soupçonné d'alimenter la curiosité des journaux » (Tiflis, 27 mai 1844,

dép. nº 35. citée n. 2).
63. Si Langeron s'était montré, comme l'écrivait Gamba (cf. supra, p. 13). favorable à l'ouverture de la Circassic au commerce, un témoignage ultérieur fair état d'un projet qui semble indiquer une volte-face du gouverneur d'Odessa : Langeron voulait cerner les tribus guerrières par un cordon militaire pour les amener, soit à se soumettre, soit à s'exterminer entre elles, dût-il en coûter cent mille hommes décimés par la maladie (Ch. Bélanger, Voyage aux Indes orientales, Paris, 1834-1838, I, p. 114).

64. Taitbout de Marigny, « Voyage dans le pays des Tcherkesses », in Jan Potocki, ed., Voyage dans les steps [sic] d'Astrakhan et du Caucase, Paris, 1829, I, pp. 355-356.

65. J. Ch. de Besse, Voyage en Crimée, au Caucase, en Géorgie... en 1829 et 1830, Paris, 1838, p. 201. 66. Colonel Rottiers, Itinéraire de Tiflis à Constantinople, Bruxelles, 1829, p. 93.

- 67. L'Angleterre, la France, la Russie et la Turquie, trad. fr., Paris, 1835, 216 p. (trois éditions en quelques mois en Angleterre).
 - 68. Ibid., p. 178.
 - 69. Ibid., pp. 204-206.
- 70. Ibid., p. 205, n. 1.
 71. Dans Le National du 23 juillet 1835, Armand Carrel accuse d'hypocrisie la faction à laquelle appartient Urquhart. N'est-elle pas à l'origine de la coalition dirigée par le tsar qui cherche à écraser la France libérale ? C'est bien « l'Angleterre qui a fait d'Alexandre l'Agamemnon de la Sainte-Alliance ».

72. Ibid., 23 janvier 1836.

- 73. D'après Jean Marchand, « 'The Portfolio' de David Urquhart. Une entreprise anglaise de divulgation de documents secrets russes (1835-1845) » (Revue d'Histoire diplomatique, 1961, pp. 136-144), les documents provenaient du pillage des archives du Grand Duc Constantin, gouverneur de Pologne, en 1830, et avaient été remis par des émigrés polonais au duc de Broglie qui les avait transmis à Palmerston. Ce dernier se serait rallié de mauvaise grâce à leur publication qui était demandée par le roi Guillaume IV.
- 74. Le Portfolio ou collection de documents politiques relatifs à l'histoire contemporaine, trad. de l'anglais, Paris, 1836, V, p. 32. L'auteur fait dire à un notable local : « Nous savons que depuis le temps où Daoud Pacha a débarqué sur nos rivages, notre indépendance se trouve proclamée devant le monde entier, »

 Dans une lettre à Ahmed Pacha (12 août 1835), Urquhart qualifie de miraculeux l'effet produit en Angleterre (G. H. Boslover, « Lord Ponsonby and the

Eastern question, 1833-1839 S. Slavonic and East Europe Review, XIII, 1934, p. 107). 76. Le Portfolio, op. cit., IV, p. 476. 77. Edmund Spencer, Travels in Circassia... in 1836, Londres, 1837, I. p. 253. Constantinople, 21 oct. 1835, dép. nº 84, signée baron Roussin, CP, Turquie, 271, ff. 145-148.

 Le Portfolio, op. cit., V, pp. 51-122. Ce fascicule contient un manifeste russe, un « examen des prétentions de la Russie », un témoignage signé « Germanicus Vindex » sur les répercussions en Allemagne, et des lettres de J. Bell.

80. " Peu importe que le plaidoyer soit véhément s'il est vrai, s'il est juste. La vérité ne perd rien de sa force pour être prêchée avec ardeur » (Journal des Débats, 18 juil. 1835).

81. Ibid., 19 mars 1837.

- 82. Le National, 25 févr. 1837.
- 83. Ibid., 21 mars 1837. 84. Ibid., 31 mars 1837. 85. Ibid., 24 mars 1837.
- 86. Dans un ouvrage traduit et diffusé en France en 1841, Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837-1839, trad. de l'anglais par L. Vivien de Saint-Martin, Paris, 1841, 2 vols; I, 1, nº 1, James Stanislas Bell affirma qu'il avait agi en se croyant approuvé par son Gouvernement. Selon lui, Palmerston avait sousestimé la réaction des Russes, et après avoir constaté leur détermination, il capitula en imprimant « un déshonneur ineffaçable sur lui et les hommes de son parti, non

seulement comme homme d'État, mais aussi comme Anglais ».

87. Le National, 5 janv. 1836. Cette citation ne peut être prise à la lettre puisque à cette époque la présence des imams Gazi Mohammed (Kazi Mollah) et Hamzat à la tête du muridisme fut de très courte durée. On peut l'interpréter plutôt comme une allusion collective aux prédécesseurs de Chamil, proches et lointains, à commen-

cer par le cheikh Mansour.

88. Journal des Débats, 25 janv. 1844, citant la Gazette de Cologne. 89. Le National, 11 janv. 1844, citant la Gazette d'Augsbourg. 90. C'est le cas du Constitutionnel (8 sept. 1843, 10 déc. 1843 et 20 déc. 1843). Le 20 janvier 1844, il décrit des tortures pratiquées par les Tchetchènes, d'après une correspondance reçue « des bords du Niémen ».

Le National, 13 janv. 1842.

92. Ibid., 18 janv. 1842.

93. Jean Czynski, op. cit. 94. Scipion Marin, Lettres russes. De la régence et des troubles préparés par la Russie, Paris, 1842, pp. 31-32.
95. Le National, 19 oct. 1844, se référant à « un livre turc très ancien » rappelle

une prophétie selon laquelle, « à une époque où l'islamisme sera en décadence sur tous les points de la terre, il paraîtra tout à coup un homme inspiré nommé Achmed, qui rétablira par la force des armes la vraie religion. Or Dschamil, le chef des Circassiens, se nomme Achmed. Il a mis à profit cette prophétie. Il s'est même voilé le visage comme le Prophète, comme lui garde une part du butin pour lui et en donne quatre à ses soldats, porte toujours sur lui les livres saints ».

 John Augustin Longworth, A year among the Circassians, Londres, 1840. 2 vols.

James Stanislas Bell, Journal d'une résidence en Circussie..., op. cit.,
 Suzannet, en particulier, a pu rendre visite au sultan de Yelissou, et recueillir

à Akhti des confidences sur la venue d'émissaires de Chamil.

99. Comte de Suzannet, « Les provinces du Caucase sous la domination russe. La Géorgie, le Daghestan, le littoral de la Mer Caspienne et les rives du Kouban », Revue des Deux Mondes, 1er avr. 1841, pp. 50-106. Dans une dépêche du 19 novembre 1847 (CPC, Russie, Tiflis, 2, ff. 171-173), le consul Lauxerrois fait allusion au mécontentement de la Cour de Russie à la suite des « révélations plus qu'indiscrètes de M. le comte de Suzannet ». Il fait sans doute référence à une réédition de l'article cité ci-dessus, et parue sous le titre Souvenirs de voyages. Les provinces du Caucase..., Paris, 1846, IV + 462 p. Nous n'avons pu trouver trace de cet ouvrage. 100. Suzannet, loc. cit., p. 88.

101. Ibid., p. 56.

102, Frédéric Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase chez les Tchetchènes et les Abkhazes, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris,

1839-1843, 6 vols in-8º et atlas in-folio. 103. Xavier Hommaire de Hell. art. cit., pp. 150-166, 261-287. Cet article est la reproduction d'une partie de son livre Les steppes de la Caspienne, le Caucase, la

Crimée et la Russie méridionale, Paris, 1843-1844, 3 vols in-86.
104. « Schamyl, chef Circassien », lithographie Engelmann & Graf, Paris (Bibl. Nationale, Estampes, carton N 2) ; « Schamyl », dessin à l'encre de Rodolphe Bresdin, 1858 (Bib. nationale, Estampes, Ef 362, t.1); cf. Bresdin. Dessins, Paris, ed. Contraires, 1975.

105. Poésie de A. Van Asseth citée dans Edmond Texier, Les hommes de la guerre

d'Orient: Schamyl, Paris, 1854, p. 33. 106. Pietro Zaccone, Sciamyl, liberatore del Caucase, Milan, 1857, roman historique.

107. Paul Meurice, Schamyl, drame en 5 actes, Paris, 1854, in-12.

108. Parmi les nombreux ouvrages publiés en France, quelques-uns retiennent l'attention : Georges Wl[ast]off, Ombres du passé. Souvenirs d'un officier du Caucase, s.d. [1873]; Mémoires du général Moussa Pacha Kondoukhov, publiés dans la revue Le Caucase [Paris], 3-16, 1937-1938. Il faut y ajouter un curieux récit en forme de conte : G. Bernier, Les hôles de Schamil (Paris, 1884, 65 p.) qui rappelle le meurtre du khan Ahmed d'Avarie, ordonné par Chamil, le complot préparé par deux murides pour faire venger cet acte par le fils du khan et le sacrifice volontaire de ce dernier.

109. Dép. du 5 mai 1812 de P. Fourcade adressée à D'Hauterive, mentionnée

dans L. Widerszal, op. cit., p. 117.

 Paris, 30 oct. 1853, dép. nº 1 (instruction) au général Baraguey d'Hilliers, Minute, CP, Turquie, 316, ff. 163-186.

111. Paris, 7 juil. 1854, lettre confidentielle du ministre de la Guerre au ministre des Affaires étrangères, ibid., 318 C. ff. 251-256.

112. Infra, pp. 41-43.

L. Widerszal, op. cit., p. 138-139.

114. Erzeroum, 1er nov. 1852, dép. nº 9, signée Challaye, CPC, Turquis, Erzeroum, 4, ff. 62-73.

115. Cf. supra, p. 28.

116. Rapports du commandant de Saint-Laurent et du capitaine Barthoux.

24 juil. et 24 juin 1854, d'après L. Widerszal, op. cit., p. 132.

117. « Lettres sur la guerre » datées du 30 janv. 1854, MD, Turquie, 47, ff. 146-148.
118. Général hongrois, attaché à l'état-major de l'Armée d'Anatolie commandée par Zarif Mustafa Pacha, et connu sous le pseudonyme de Korschid Pacha (cf. Erzeroum, 3 mars 1854, dép. nº 9, signée Castagne, CPC, Turquie, Erzeroum, 4, ff. 122-123).

119. « Trois notes sur le Caucase », Damas, juil. 1854, signées Edm. de Barrère, MD, Russie, 44, ff. 185-189. Dans les pages précédentes (ibid., ff. 175-184). Barrère développe les mêmes thèmes : noyau d'une armée fédérale caucasienne formée de Lazes, de Mingréliens et d'Arméniens, envoi d'une flottille sur la Caspienne, etc.

120. Constantinople, 12 janv. 1854, annexe à la dép. nº 25, CP, Turquie, 318 B,

f. 34.

121. Constantinople, 25 mars 1854, dep. nº 48, signée Baraguey d'Hilliers, ibid., f. 270.

122. Paris, 24 avr. 1854, dép. télégraphique du cabinet du ministre des Affaires

étrangères, ibid., f. 359. 123. Vice-amiral Hamelin au ministre de la Marine, 5 mai 1854, Archives de la

Marine, BB 4 711, fl. 293-294.

124. Capitan Pacha au vice-amiral Hamelin (copie), CP, Turquie, 318 C, annexe

à la dép. nº 64 du 5 mai 1854, ff. 21-23.

125. Sinope, 26 mai 1854, rapport au vice-amiral Hamelin, signé O. de Chabannes, commandant du Charlemagne, Archives de la Marine, BB 4 697, ff. 417-427.

126. « Abstract of His Exc. the Naïb Effendi's conversation with Captain Jones ». 28 juin 1854, MD, Russie, 38, ff. 109-111.

127. Dépêche nº 12 du 15 juil. 1854, signée Bourée, à bord du Suffren, CP, Turquie, 318 A, ff. 300-310.

128. Excursion en Circassie par le Docleur Jeannel, pharmacien en chef de l'armée

d'Orient, Bordeaux, 1856, p. 51.

129. Des nationalités asiatiques et de la Circassie. Notes originales d'un Circassien musulman, traduites et commentées par un Franc de Palestine, Introd. de Claude Guerraz, Paris, 1861. Le capitaine Brock, débarquant en Circassie, demanda à parler à Chamil, « mais les Circassiens ouvrirent de grands yeux et lui répondirent qu'ils n'en avaient jamais entendu parler », et Brock écœuré « alla à la pêche ». Ce récit est d'autant plus fantaisiste que Brock était muni d'instructions précises lui enjoignant de prendre avant tout un contact avec le naïb Mohammed Emin. Cf. MD, Russie, 38, ff. 113-115.

130. Rapport au vice-amiral Hamelin, déjà cité n. 125.

131. L'expédition de Crimée. La marine française dans la mer Noire et la Baltique. Chroniques maritimes de la guerre d'Orient, par le baron de Bazancourt, chargé de mission en Crimée pour écrire l'histoire de la guerre, Paris, 1858, 2 vols.

132. Ibid., I, pp. 164, 166.

133. Constantinople, 10 août 1854, dép. nº 23, signée Benedetti, CP, Turquie, 318 D, ff. 29-35; Constantinople, 24 août 1854, dép. nº 30, signée Benedetti, ibid., ff. 105-114; Constantinople, 29 oct. 1854, copie de lettre du même au général Canrobert, ibid., 318 E, ff. 142-146. Quelques chefs circassiens « ont succombé durant leur séjour à Constantinople à une mort soudaine », et d'autres veulent « exercer une vengeance éclatante » sur le naïb qui vient de partir furtivement.

134. Ibid.; Constantinople, 10 oct. 1854, dép. nº 44, signée Benedetti, ibid.,

ff. 32-42.

135. Stratford à Williams, 23 nov. 1854, Public Record Office, FO 78/1042, cité par L. Widerszal, op. cit., p. 136. Cet auteur analyse en détail les projets de missions

de Lloyd et de Hughes, ibid., pp. 134-136.

136. Il s'agit de Mme Drancey, gouvernante de la princesse Anne Tchavtchavadze. En novembre 1854, le consul de France Steyert et les autorités turques de Batoum entreprennent des démarches auprès de Chamil en vue d'obtenir sa déli-

137. Paris, 14 août 1854, dép. du ministre des Affaires étrangères au chargé

d'affaires Benedetti, CP, Turquie, 318 D, ff. 44-46.

138, Lettre confidentielle adressée au maréchal de Saint-Arnaud, 2 juil, 1854, Archives de la Guerre, G¹4. Ce personnage doit probablement être identifié avec le capitaine Hyacinthe-Hippolyte de Mauduit, né vers 1800, ancien élève de Saint-Cyr, capitaine d'infanterie, démissionnaire en 1830 pour refus de serment au nouveau roi. Il fonde alors un journal, La Sentinelle de l'Armée (1835-1850), publie un traité d'organisation militaire en 1834, signe des pétitions pour l'armée. Malgré ses professions de foi légitimistes, il prend parti pour Louis-Napoléon le 2 décembre 1851 et publie une brochure qui est un panégyrique du coup d'État. On peut supposer que Napoléon III lui a confié la mission au Caucase comme marque de reconnaissance.

139. La recherche de ces armes fera l'objet d'un long échange de lettres entre l'agent consulaire français Champoiseau et l'état-major turc en Circassie (MD, Russie, 38, ff. 214-217, 246-251). Champoiseau écrira le 30 septembre 1855 : 6 J'ai entretenu Omer Pacha et le chef d'état-major de Mustapha Pacha de la question des 7 000 fusils [...] Chacun prétend n'avoir rien reçu de pareil, cependant j'ai entendu dire que 6 000 fusils turcs étaient arrivés vers l'époque indiquée. Il y a peut-être là une erreur que je ne voudrais pas qualifier de volontaire... »
140. CP, Turquie, 318 A, ff. 156-158.

141. Dépêche nº 9 du 30 juin 1854, signée Bourée, ibid., f. 268 v.

142. Benedetti à Canrobert, 29 oct. 1854, citée n. 133.

143. Charles-François-Noël Champoiseau (1830-1909), né à Tours, fils de Noël Champoiscau et d'Aglaé Fourier, nommé agent consulaire à Redout Kale en mars 1855 sur recommandation du comte d'Ornano, doit sa notoriété à la célèbre découverte archéologique qu'il fit dans l'île de Samothrace en 1862, plutôt qu'à sa carrière consulaire. Après l'échec de sa mission au Caucase, il fut muté de poste en poste pendant plus de trente ans, mais refusa les postes de Bogota et de Calcutta et parvint, à force d'insistance, à demeurer dans le secteur de l'Europe méridionale et méditerranéenne (à l'exception d'un bref séjour à Bâle). Affecté successivement à Philippopoli, Janina, La Canée, Roustchouk, Bilbao, Galatz, Bâle, Messine, Livourne, Smyrne et Naples, il reçut un blâme en 1888 pour avoir cédé sans autorisation le terrain de l'hôpital français de Smyrne et fut mis en disponibilité. Il retourna à Samothrace en 1891 pour chercher en vain la tête et les bras de la statue de la Victoire

144. L. Widerszal, op. cit., p. 142.

145. Drouyn de Lhuys à Charles Champoiseau, 2 mars 1855, MD, Russie, 38, f. 158. 146. Champoiseau au ministre des Affaires étrangères, 10 janv., 5 févr., 13 févr. 1855 (AMAEF, dossier personnel de Champoiseau).

147. Champoiseau au ministre des Affaires étrangères, 10 janv. 1855 déjà cité;

d'Ornano au ministre des Affaires étrangères, 7 mai 1861, in ibid.

148. Philippe-Antoine, comte d'Ornano (1784-1863), fils d'Isabelle Bonaparte, cousine germaine du père de Napoléon Ier, était membre du conseil de la famille impériale. Il avait été nommé sénateur (26 janvier 1852), Grand Chancelier de la Légion d'Honneur (13 août 1852), Gouverneur de l'Hôtel des Invalides (26 mars 1853) et devait être promu maréchal de France en 1861. Il avait épousé en 1816 Marie Walewska, Cf. J. Walynselle, La descendance naturelle de Napoléon Ier: le comte Léon, le comte Walewski, Paris, 1964, p. 43.

149. Noël Champoiscau (an IV-1859), industriel, avait été conseiller municipal, maire, président de la chambre de commerce de Tours, et président de la Société

archéologique de Touraine.

150. Lettre de Champoiseau du 10 janv. 1855, citée n. 146. Henri Guerlin (* Charles Champoiseau et la découverte de la 'victoire' de Samothrace *, Bulletin de la Société archéologique de Touraine, 1909-1910, pp. 101-106) précise que Champoiseau décrivit, de mémoire, à Napoléon III les installations de Sébastopol qu'il avait visitées en 1850 lors d'un voyage de vacances, et que l'Empereur fut si impressionné qu'il se déclara pret à accorder à son visiteur la faveur qu'il solliciterait.

Trébizonde, 6 août 1855, dép. nº 10, signée Champoiseau, MD, Russie,

38, ff. 197-200.

152. Académie des Sciences, des Lettres et des Arts de Marseille, Discours de réception de M. Champoiseau Marseille, 1897, p. 6.

153. MD, Russie, 38, ff. 158-302.

- 154. Général Pélissier au maréchal Vaillant, 17 nov. 1855, Archives de la Guerre, Mémoires et Reconnaissances, nº 22931
- 155. Lettre de Champoiseau du 14 sept. 1857 transmise par le cabinet de l'Empereur au ministre des Affaires étrangères (dossier personnel de Champoiseau).
- 156. Batoum, 7 avr. 1855, dép. nº 11, signée Stevert, CPC, Russie, Consulats divers, 4, ff. 205-206.
- 157. Batoum, 27 avr. 1855, dép. nº 13, signée Steyert, ibid., ff. 209-210, et Trébizonde, 21 mai 1855, dép. nº 2, signée Champoiseau, MD, Russie, 38, ff. 165-166.
 - 158. Champoiseau à Drouyn de Lhuys, 9 mai 1855, ibid., f. 164.
 159. Trébizonde, 9 mai 1855, dép. nº 1, signée Champoiseau, ibid., fl. 162-163,
 160. Trébizonde, 10 déc. 1854, dép. nº 36, signée Poncharra, CPC, Turquie,
- Trébizonde, 4, ff. 281-282,

161. Le 6 juillet 1855, le général Pélissier craignait un accroissement de la pression militaire russe en Anatolie à la suite de la mort de Chamil et de la trève conclue par son fils (annexe à la dép. nº 132, CP, Turquie, 321, ff. 37-39). Le consul Castagne confirma cette fausse rumeur et interpréta d'une manière abusive la restitution par les Russes du fils de Chamil dans des conditions qui étaient obscures (dép. nº 16 du 19 juin 1855, CPC, Turquie, Erzeroum, 4, ff. 305-306).

162. Abondante correspondance à ce sujet dans les Archives diplomatiques entre le 2 et le 30 juillet 1855, entre l'ambassade de France à Constantinople, le commandement de l'Armée d'Orient et les divers ministères du Gouvernement

français (CP, Turquie, 321, ff. 6-141). 163. Trébizonde, 9 mai 1855, dép. nº 1, signée Champoiseau, MD, Russie, 38,

ff. 162-163

164. « Document de source souveraine » adressé à Mustafa Pacha et concernant MM. Longworth et Champoiseau (copie) (annexé à la dép. nº 125 du 25 juin 1855, CP, Turquie, 320, ff. 349-350). Dans ce firman, le sultan invite Mustafa Pacha à agir en accord avec « ces agents qui sont des fonctionnaires considérables », et à les aider dans leurs contacts avec « les émirs circassiens ». Il lui ordonne en outre de rassurer les Circassiens sur l'intention des Turcs de respecter leur indépendance après la guerre.

165. Le naïb avait répondu à la demande d'audience : « Déjà j'ai connu la disgrâce de mes chefs pour m'être mis en rapport avec des Européens et j'ai reçu des ordres précis de Mustapha Pacha, qui me défendent d'entrer en relation avec des agents anglais ou français ou même de leur prêter en rien mon appui. » (Soukhoum Kale, 21 juil. 1855, dep. nº 5, signée Champoiseau, MD, Russie, 38, ff. 180-189.)

166. Ibid. Michel Chervachidze, ancien lieutenant-général dans l'armée russe. musulman converti à la religion grecque orthodoxe, cherchait à s'assurer du côté des Alliés, dans la crainte que les Turcs ne substituent leur autorité à la sienne en cas de victoire. C'est lui qui avait pris l'initiative du contact avec Champoiseau.

167. Traduction d'une dépêche du Foreign Office à Longworth, avril 1855,

communiquée à Champoiseau, ibid., ff. 160-161.

168. Constantinople, 6 août 1855, dép. nº 8, signée Thouvenel, CP, Turquie,

321, ff. 176-184.

- 169. Trébizonde, 9 mai 1855, dép. nº 1, signée Champoiseau, MD, Russie, 38, ff. 162-163; Soukhoum Kale, 20 août 1855, dép. nº 11, signée Champoiseau, ibid., ff. 201-202.
- Constantinople, 3 août 1855, dép. nº 3, signée Thouvenel, CP, Turquie, 321, ff. 185-188.
- 171. Paris, 21 août 1855, dép. nº 60, Walewski à Thouvenel, ibid., ff. 265-268. 172. Paris, 6 sept. 1855, note du ministre des Affaires étrangères au ministre de la Marine, MD, Russie, 38, ff. 194-196.

173. Soukhoum Kale, 27 août 1855, dép. nº 12, signée Champoiseau, ibid., ff. 203-204, et copie dans CP, Turquie, 322, ff. 15-18.

174. La disgrace de Mustafa fut de courte durée. Dès le 30 octobre, il était de retour à Batoum (Batoum, 30 oct. 1855, dép. nº 16, signée Champoiseau, ibid.,

175. Batoum, 30 sept. 1855, dép. nº 14, signée Champoiseau, MD, Russie, 38, ff. 214-217; Soukhoum Kale, 16 oct. 1855, dép. nº 15, signée Champoiscau, ibid.,

ff. 220-227.

176. Il v avait un malentendu sur le nom du commissaire turc qui serait désigné : le nom d'Emin Effendi avait été annoncé par erreur au lieu de Enis Effendi, qui était un homme imposé par l'ambassadeur anglais, Lord Stratford. Champoiseau jugeait celui-ci défavorablement, dép. nº 15 et 16, citées n. 175 et 174; Constanti-nople, 8 oct. 1855, dép. nº 42, signée Thouvenel, CP, Turquie, 322, ff. 280-291. 177. Voir dép. nº 15, citée n. 175.

- 178. Constantinople, 1er nov. 1855, dép. nº 53, signée Thouvenel, CP, Turquie, 323, ff. 4-12.
- 179. Paris, 13 nov. 1855, dép. nº 78, Walewski à Thouvenel, ibid., ff. 65-67. 180. Soukhoum Kale, 4 févr. 1856, dép. nº 22, signée Champoiseau, MD, Russie, 38, ff. 246-249.

181. Cf. supra, n. 178.

182. Soukhoum Kale, 16 janv. 1856, dép. nº 7, signée Champoiseau, MD, Russie. 38, ff. 242-245.

183. Trébizonde, 17 mars 1856, dép. nº 24, signée Champoiscau, ibid., ff. 250-260. 184. Constantinople, 26 avr. 1856, dép. nº 40, signée Thouvenel, CP, Turquie, 325, ff. 277-286.

185. Constantinople, 8 mai 1856, annexe à la dép. nº 44, signée Thouvenel, ibid., ff. 346-349.

186. Londres, s.d. [mai 1856], dép. nº 149, signée Persigny, MD, Russie, 38,

f. 258. 187. Paris, 17 mai 1856, dép. nº 33, Walewski à Thouvenel, CP, Turquie, 325,

ff. 359-360.

188. Saint-Pétersbourg, 20 oct. 1859, dép. nº 59, signéc duc de Montebello, CP, Russie, 219, ff. 288-292. Cette dépêche contient le compte rendu d'une intéressante entrevue entre l'ambassadeur et Chamil à Saint-Pétersbourg.

ФРАНЦИЯ И КАВКАЗ В ЭПОХУ ШАМИЛЯ В СВЕТЕ ДОНЕСЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ КОНСУЛОВ

Согласно Адрианопольскому договору, заключенному в 1829 г., Оттоманская Империя уступила свои права на восточную часть Черноморского побережья, предоставив, таким образом, России свободу действий, и признав за ней право, если не на суверенитет, то, по крайней мере, на вмешательство в дела, касающиеся обширной области Черкесии. Европейские монархии, видимо, не сразу оценили важное значение этого события, ознаменовавшего начало решающего этапа в длинной истории завоевания Кавказа, начавшегося в конце XVIII в. Однако законность этой уступки была сомнительной, так как население этих областей, дорожившее своей независимостью, никогда не признавало господства султана. Но текст договора, подчеркивавший умеренность русских требований и изображавший и эту фактическую аннексию как простое исправление границы, мог породить иллюзию^{1*}. Понадобилось ждать эффективной оккупации прибрежных портов русскими войсками, столкновений в будущем году с племенами горцев, и особенно, установления блокады черкесского побережья, для того чтобы западный мир действительно начал проявлять беспокойство в связи с русской экспансией в южном направлении.

Все политическое равновесие Восточной Европы могло быть действительно поставлено под угрозу из-за того, что Турция, ос-

^{*} Обзор русской и советской страны (Cahiers du Monde russe et soviètique), XIX, (1–2), январь–июнь 1978 г. С. 5–65.

лабленная в результате потери своих греческих провинций, потрясенная восстанием Египетского паши, обращалась к России, чтобы спасти власть султана и, таким образом, рисковала стать добычей Николая I, стремившегося осуществить свои честолюбивые планы.

Внимательно наблюдая, прежде всего, за развитием «Восточного вопроса» и интересуясь судьбой «Больного человека»*, изумленная Европа постепенно, получая редкие сообщения, просачивавшиеся сквозь русскую военную цензуру, узнала о существовании обширного конфликта, выходившего далеко за пределы черкесских областей. Став жертвой военных походов, засад и репрессий, все мусульманские народы, в свою очередь, оказывались втянутыми в войну. Им, доведенным до фанатизма руководителями мистического движения, называемого мюридизмом, и особенно самым знаменитым из них, имамом Шамилем, предстояло в течение четверти века сопротивляться русским войскам, численность которых ежегодно увеличивалась. Со времени походов генерала Паскевича и первых движений сопротивления горцев в 1830 г. и до того, как в 1859 г. Шамиль был взят в плен, французские послы и консулы в России и в Турции внимательно следили за Кавказскими событиями и часто сообщали о них в своей переписке.

Как в количественном, так и в качественном отношении, их сообщения, содержащиеся в различных письмах, очень отличаются друг от друга в зависимости от личности их авторов и средств информации, которыми они располагали. Однако, в целом консульские и дипломатические донесения могут считаться первоисточником по истории этих провинций, которая часто ими освещалась совершенно по-другому, чем в штабных сводных, газетных статьях и даже в рассказах многочисленных русских историков XIX в. Французские консулы в Тифлисе и Одессе, в частности, передавали министру иностранных дел не только военную, политическую и административную информацию, которую они могли собирать официальным путем, или же исследования общего характера, но также и сведения, которые военная цензура запрещала распространять, слухи, дававшие представление о моральном состоянии армии и об общественном мнении, и, кроме того, нелестные оценки о военных

^{*} Примечание переводчика. Имеется в виду судьба Оттоманской Империи.

руководителях и местной администрации. Наиболее секретные сведения передавались через надежных лиц, путешественников или купцов, имевших возможность возвратиться во Францию, а остальное отправлялось дипломатической почтой, безопасность которой зависела от обстоятельств. И действительно, многочисленные происшествия свидетельствуют о том, что секретность при этом вовсе не соблюдалась, но в то же время такие случаи показывают, какой интерес этот источник информации вызывал как у Российского Императорского двора, так и в Париже². По другую сторону Оттоманской границы, французские консулы в Трапезунде и в Эрзеруме отправляли, в свою очередь эпизодическую информацию о действиях абхазских и греческих племен в районах, прилегающих к Черноморскому побережью, получая эти сведения от судовых экипажей или купцов, проезжавших через этот край. Короче говоря, в течение всего периода существования июльской монархии* французское правительство получало информацию о положении на Кавказе. В этом периоде следует различать два типа документов.

Политические донесения консулов, как правило, составлялись вскоре после того или иного события, они часто содержат неизученные или недостаточно обработанные сведения и довольно точно отображают настроение, реакцию местных властей и населения. Авторам этих донесений с трудом удавалось избегать влияния обстановки, накаленной страстями, бушевавшими вокруг них, хотя некоторые консулы как, например, Гюстав де Кастийон (Gustave de Castillon) в Тифлисе превосходно обобщали материал. Что же касается послов и поверенных в делах, то они, как правило, передавали информацию, полученную ими от консулов, и старались изображать события так, как это делается после некоторого промежутка времени, необходимого для беспристрастного исследования. Основная ценность донесений Санкт-Петербургского посольства заключается в том, что они раскрывают секреты Николая I, придворных кругов или штабных офицеров, показывают колебания, тревожное беспокойство или иллюзии русского правительства, столкнувшегося с конфликтом, последствия которого вышли из-под контроля.

^{*} Примечание переводчика. В истории Франции – Июльской монархией называют царствование французского короля Луи Филиппа, пришедшего к власти в результате революции 1830 года и свергнутого в 1848 г.

Их анализ, иногда поверхностный, а иногда дальновидный, зависел от личности или влияния, которым автор пользовался в столице. В связи с этим следует отметить, что если в ту эпоху во французском дипломатическом обществе в России ведущую роль играла волевая личность барона де Баранта (de Barante), то мы видим, что в своей переписке он со знанием дела и с большой компетентностью отражал большую европейскую политику, но, говоря о Кавказских проблемах, ограничивался лишь некоторыми общими замечаниями. Зато существует превосходный доклад Шарля де Ля Ферроне (Charles de La Ferronays), сына бывшего посла, составленный им после кратковременного путешествия по Южной России.

После 1848 г. в корреспонденции стали освещаться другие вопросы. Консулы, которым мешала политическая напряженность, существовавшая между республиканской Францией и Россией, вдруг лишились своих средств информации, в то время как деятельность Шамиля и горцев стали ослабевать. Вскоре Русско-турецкая война, а затем вмешательство Франции в этот конфликт привлекли все внимание консулов, оттеснив на задний план интерес к кавказским сражениям. Однако во французских дипломатических кругах упорно надеялись, что Шамиль и черкесские племена перейдут на сторону союзников и во время Крымской кампании откроют второй фронт. Один полномочный посланник и, наконец, консульский агент, посланный в Сухум-Кале, получили распоряжение подготовить почву для проведения военных действий и доставить оружие горцам. Отныне их корреспонденция, также как и переписка французского посольства в Константинополе, стала единственным источником, заслуживающим внимания среди материалов, касающихся Кавказа, эта переписка свидетельствует о том, что во Франции не понимали подлинный характер мюридизма, она показывает иллюзии и недоразумения, определявшие восточную политику союзников до 1855 г.

Историки³ обычно не уделяли должного внимания французской дипломатической и консульской корреспонденции, касающейся Кавказа, и она пока что не издана, если не считать материалов, которые некоторые послы и консулы заимствовали из собственных донесений в связи с публикацией своих мемуаров⁴.

Поэтому мы хотим вскоре опубликовать подборку этих донесений и основных документов из французских архивов, относящихся к этим событиям. При этом мы ограничивались материалами французских консульств в Тифлисе, Одессе, Трапезунде и Эрзеруме, посольств в Санкт-Петербурге и Константинополе, и корреспонденцией консульского агента в Сухум-Кале, хотя весьма ценную информацию и полезные наблюдения можно было бы, конечно, найти и в других фондах (во французских посольствах, в Лондоне, Вене, Риме и т.д. 5 или в частной переписке дипломатов6).

Документы, изученные нами, собраны в многочисленных томах, ибо одна лишь политическая корреспонденция французского посольства в Санкт-Петербурге за период с 1830 по 1860 гг. занимает девяносто томов. Большинство этих материалов заимствованы из хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел фондов «Политическая корреспонденция», «Политическая корреспонденция для консулов» и «Мемуары и документы», и очень редко из фонда коммерческой корреспонденции, содержащей множество донесений. Ко всему этому следует добавить несколько писем и телеграмм, отправленных из Парижа французским дипломатам, а также различные документы из фондов, не относящихся к дипломатическим архивам (из морского архива, хранящегося в Государственном архиве, из Военного архива в Венсенне), с которыми необходимо ознакомиться для понимания некоторых дел.

1. ФРАНЦУЗСКИЕ КОНСУЛЫ И ИХ СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИИ

Тифлис: У источника официальной информации

Среди всех французских консульств, Тифлисское было, конечно, лучшим наблюдательным постом, позволявшим следить за событиями на Кавказе. Находясь почти на одинаковом расстоянии от Дагестана и Черкесии, Тифлис был достаточно близко расположен к обоим основным фронтам, чтобы о результатах сражений там вскоре можно было узнать и в то же время он был достаточно отдален, чтобы о военном положении им можно было судить хладнокровно. Так как этот город являлся основной

резиденцией русской администрации на Кавказе, туда часто приезжали губернатор и высшие офицеры и разрабатывали годовые планы военных операций согласно директивам, получаемым из Санкт-Петербурга.

Привилегированное положение Франции заключалось в том, что она являлась единственной иностранной державой, представленной в Тифлисе, однако возможность общения французских консулов со штабом довольно часто менялась. Начиная с 1821 г., консул Гамба поддерживал с генералом Ермоловым довольно тесные отношения, которые затем начали постепенно ослабевать до 1840 г. После прибытия консула Совера де Ля Шапеля (Sauveur de La Chapelle) и, особенно, его преемника Гюстава де Кастийона (Gustave de Castillon), начался период доверия и сотрудничества, окончившийся лишь после французской революции 1848 г.; доверие это было так велико, что император Николай I, который в результате проявленной неосторожности был осведомлен об этих связях, жаловался в 1845 г. на то, что «господин Гизо знал также хорошо, как и он сам то, что происходило на Кавказе, и это благодаря господам из штаба», а через два года император решил наказать одного из своих высших офицеров, служившего в Тифлисе⁷.

Привилегии, предоставлявшиеся консулам, объяснялись, начиная с 1845 г., главным образом, дружеским отношением Воронцова к каждому из них: даже самому мрачному из них, Эдмону де Барреру (Edmond de Barrère) было достаточно лишь нескольких месяцев, чтобы генерал-губернатор стал любезным по отношению к нему. Благодаря Воронцову и доверию, которым они пользовались у офицеров, консулы регулярно получали сообщения об официальных сводках, оперативных планах, о действиях Шамиля и горских племен, о проектах административных реформ, о назначениях и перемещениях, а также об интригах и соперничестве среди работников штаба, в частности, о разногласиях с императорским двором. Даже после Крымской войны барону Фино (Finot) удалось установить превосходные отношения с генералом Барятинским.

Однако трудностей было достаточно. Основная из них заключалась в нездоровом климате и крайне неблагоприятных санитарных условиях этого края. На это жаловались все консульские работники, большинство из них страдало от хронической лихорадки или гангренозных ран, и им приходилось просить дли-

тельных отпусков; некоторые заболели в результате эпидемии холеры, свирепствовавшей в самом городе, и им пришлось срочно возвратиться на родину. Эти тяжелые условия, разумеется, и были причиной пробелов и перерывов, имеющихся в политической корреспонденции консульских работников, особенно, между 1831 и 1837 гг.

Условия жизни и работы также оставляли желать много лучшего. Какой-либо «казенной квартиры» (logement de fonction), такой, которую можно себе представить в настоящее время, не было: прибыв в 1847 г. Лексерруа (Lauxerrois) узнал, что предыдущий консул Кастийон (Castillon), продав свой дом и свою мебель, уехал. Консульскую канцелярию, расположившуюся в жалких условиях, Лексерруа обнаружил на базаре. Впрочем, в консульской иерархии Тифлис занимал второстепенное место; за исключением Кастийона (Castillon), получившего свой чин в период своего пребывания в Тифлисе все консульские работники вплоть до своего отъезда имели звание консула второго класса, получали довольно скромное жалование и им часто приходилось отказываться от поездок, которые могли бы им позволить основательно изучить страну и установить полезные знакомства за пределами официальной среды, а также от организаций светских приемов для представителей местных властей, а ведь такие приемы являлись необходимым условием социального успеха в этой небольшой столице.

К этим неудобствам следует добавить и административно бюрократическую волокиту, с которой многим из консульских работников приходилось сталкиваться, прежде чем добраться до места своего назначения. Баррер (Barrère) пять месяцев ждал получения своего паспорта, кроме того сама поездка требует много времени, вследствие чего, в случае отсутствия консула, его должность долгое время оставалась вакантной. В таких случаях заведующим консульской канцелярией приходилось брать переписки по политическим вопросам. Эти канцелярские работники, являвшиеся служащими низшего ранга и получавшие ничтожное жалование, всячески старались обеспечить непрерывность получения информации, но им, в еще большей степени, чем консулам, не хватало достаточно уважительного отношения со стороны властей. Они постоянно стремились преодолеть препятствие, мешавшее им достигнуть консульских чинов. Один из них, Бенжамен де Тра-

мазюр (Benjamin de Tramasure), назначенный начальником канцелярии в 1852 г. отметил, что он получает 6000 франков в год, (что соответствует сумме от 1500 до 2000 франкам), в то время как, рассчитывая на обещания, которые ему были даны в Париже, он потратил капитал в размере 40 000 франков, чтобы как следует одеться и устроиться. С 1860 до 1869 гг. он не переставал требовать какого-либо повышения по службе, но его ходатайства не были удовлетворены, несмотря на то, что в области торговли был достигнут замечательный успех, который он ставил себе в заслуту⁸. Чтобы понять, почему французская администрация не отвечала на его жалобы, может быть, достаточно ознакомиться с их напыщенным, смехотворно-лирическим стилем. Вот образец:

«Я принадлежу к тем людям, которых можно назначить на должность консула. (...) Если это так, то (Вашему превосходительству) не придется об этом сожалеть, я чувствую, что отвечаю условиям, необходимым, чтобы заслужить такую щедрую милость, и в тишине ночей буду благословлять десницу Провидения за то, что оно осуществило надежду, которую я, исполненный чувством преданности и признательности, не в силах оценить»⁹.

Однако одно из его последующих писем все же достаточно хорошо показывает проблемы, которые консульским работникам в Тифлисе приходилось преодолевать, чтобы быть достойными своего положения.

«Тифлис - это город, в котором жизнь трудна и дорога; у местного населения такие же потребности, как и в столицах, но достаточных средств для этого здесь нет: для удовлетворения материальных потребностей здесь требуется в три раза больше средств, чем в Париже при аналогичных условиях. (...) Для того чтобы здесь жить, ведя жизнь, полную постоянных лишений, при которой приходится оплачивать внешние потребности за счет сокращения средств, необходимых для удовлетворения скромных внутренних потребностей, жить в условиях, когда приходится ограничивать себя в самом необходимом, чтобы оплачивать пару перчаток, стойло в конюшне и экипаж, оплачивать за счет скудных частных средств внешнюю показную роскошь, необходимую в России для поддержания достоинства своего положения, для всего этого, ради такой жалкой жизни бедняка, одетого в вышитый фрак, мне пришлось потратить капитал в 40 000 франков, взятый у парижских страховых компаний» 10 .

Управляющие делами и начальники канцелярии, работники, являвшиеся скромными чиновниками, далеко не пользовались таким влиянием и не играли столь важной представительной роли как штатные консулы, они не имели доступа к светскому обществу высших офицеров, среди которых распространялись штабные секреты; этим и объясняется наличие неполных, недостаточно проверенных сведений, относящихся к мелким деталям и не свидетельствующих о широком кругозоре лиц, собравших эту информацию.

Впрочем, и сами консулы допускали такие погрешности, не зная образа жизни, нравов, а иногда и языка местного населения, отозванные во Францию или направленные на другие должности еще до того, как они успели серьезно изучить страну, они слишком часто давали в своих отчетах лишь поверхностный обзор существующего положения.

Кроме того, вследствие невозможности посещения зоны военных действий, а также из-за того, что, несмотря на все, большинство русских офицеров все же старалось скрыть информацию о военных операциях, вследствие относительной безопасности, существовавшей в Тбилиси, и своей привычки работать по шаблону, а иногда из-за некоторой халатности, некоторые консулы ограничивались официальными сообщениями, которые приуменьшали значение того или иного мятежа, иногда же эти консулы, пытаясь восполнить недостаточность информации, собирали всевозможные слухи, преувеличивавшие значение поражений русских войск.

Источники информации, которыми пользовались консулы, были действительно односторонними, ибо сведения, поступавшие от французских путешественников¹¹, купцов или промышленников, живших в этой стране, стали редкими после того, как в 1831 г. черноморские порты были закрыты для иностранцев, в результате чего пришлось отказаться от мечты о широком развитии французской торговли в Грузии. Как отмечал один путешественник в 1842 г., консул и начальник канцелярии защищают жалкие остатки двух французских колоний, организация которых потребовала больших затрат¹².

Однако некоторые консулы пытались хорошо разобраться в политическом и военном положении, проявляли при этом критическое мышление и сообщали свою точку зрения о рус-

ской стратегии, о последствиях мероприятий администрации, свое мнение о способностях генералов и о соперничестве между ними. Именно в этом и заключается наиболее специфический вклад, который французская корреспонденция в Тифлисе внесла в историю завоевания (Кавказа).

Таким образом, следует воздержаться от обобщений. Значение донесений консульства в период 1830–1860 гг. менялось не только в зависимости от интенсивности сражений и политических превратностей, но и от личности консульских агентов.

Первый по времени консул, «кавалер» Жан-Франсуа Гамба (Jean-François Gamba) уже давно жил в этом краю, когда вспыхнули военные действия. Начиная с 1819 г., в связи со служебной поездкой, которую он совершил по Южной России, с целью сбора информации, он наводнил французские службы мемуарами, в которых предсказывалась благоприятная возможность для развития французской торговли в этих краях, и ему удалось добиться открытия в Грузии склада для иностранных товаров¹³.

Использовав проект, ранее уже представленный в 1813 г. генуэзским консульским агентом Скасси (Scassi) герцогу Ришелье (Richelieu) и, пользуясь его энергичной поддержкой, Гамба опирался в Тифлисе на помощь генерала Ермолова, в Одессе на содействие губернатора Ланжерона (Langeron) и голландского консула Тэбу де Мариньи (Taitbout de Marigny)¹⁴.

Когда его назначили консулом в 1821 г., он воображал, что Кавказ привлечет купцов из Алеппо, Смирны и Константинополя и хвастался тем, что, кроме того, он сможет предоставить Франции огромный рынок с населением в 70 миллионов человек в Центральной Азии. По его мнению, Тифлис мог бы стать «Пальмирой, Новой Александрией».

После издания в 1822 г. русского указа, открывшего страну для иностранной торговли, сначала могло показаться, что Гамба был прав. Но война, повышение цен, эпидемия холеры, безразличное отношение, или, быть может, осторожность французских служб или даже самих купцов способствовали провалу его проекта. Будучи отозванным в Париж, Гамба расстался со своей мечтой лишь незадолго до своей смерти, последовавшей в 1833 г. Его дочь сохраняла в Кутаисской губернии обширное имение, в котором она проживала до 1855 г.

В корреспонденции этого консула ничего не сказано о военных операциях Паскевича и о сопротивлении горцев, но при этом

следует отметить, что Гамба возвратился во Францию сразу же после начала военных действий. Тем не менее, многочисленные соображения о военном положении можно найти в его отчете «Путешествие по Южной России», который был подвергнут серьезной критике вскоре после своего опубликования 15 .

Его преемник, граф Ратти-Мантон (Ratti-Menton) прибыл в Тифлис лишь после длительного промежутка времени, вызванного трудностями административного характера. Судить о работе этого консула, сообщившего о волнениях в Дагестане лишь в своем единственном донесении, датированном 1837 г., трудно.

И действительно, с апреля 1831 г. до сентября 1837 г. регистрация Тифлисской политической корреспонденции была совершенно прервана, несмотря на то, что французский посол в Санкт-Петербурге сообщал в 1837 г. о многочисленных очень интересных донесениях, поступивших из этого консульства, но не зарегистрированных в архиве.

В 1836 г. французский консул в Трапезунде писал, что во время своей поездки он доверил Ратти-Мантону цифровые таблицы, и что он недавно получил письмо, в котором содержался намек на трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться в области политической корреспонденции¹⁶.

После его отъезда в течение более чем одного года консульством руководил Эме Ривуар (Aimè Rivoire), начальник канцелярии. Имея слабое здоровье, живя на очень низкое жалованье и занимая второстепенный пост, он, тем не менее, внимательно следил за событиями на Кавказе, и его донесения содержат интересную информацию о начале военных действий в Дагестане и о первых проявлениях могущества Шамиля.

Затем, в 1840 г., прибыл консул Совер де Ля Шапель (Sauveur de La Chapelle)¹⁷, который едва лишь приехав, сразу же заболел воспалительной и желчной лихорадкой, и считал, что находится «на краю могилы». Несмотря на это, с мая 1840 г. до июля 1841 г., он выполнил замечательную работу, собирая при этом секретные сведения у высших русских офицеров, и стараясь путем глубокого анализа причин восстания племен, опираясь на свои личные впечатления, полученные им во время его поездки во Владикавказ, где он наблюдал за военными действиями в Черкесии, восполнить пробел в военных сводках, которых было недостаточно. Его донесения подчеркивают фанатизм и беспощадную

жестокость ожесточенной борьбы, а также деморализацию русской армии. Особо следует выделить сведения о съезде, организованном Шамилем в Черкесии и обзор военных операций в 1840 г. Но в 1842 г., больному консулу пришлось попросить, чтобы его отозвали со своего поста, который он доверил хранителю печати Монно-Арбие (Monnot-Arbilleux), фактически выполнявшему эти обязанности, начиная с августа 1841 г. В большинстве его семнадцати политических донесений содержится лишь отрывочная информация, составленная видимо на основе военных сводок. Что же касается описания народов Кавказа, которые он представил в 1845 г., то эта работа, к сожалению, основана на ошибочных статистических данных, в которых этнические и географические сведения смешаны: обширные племенные группы он отождествлял с населением крохотных долин, а цифровые сведения видимо были намного ниже действительных данных¹⁸. В общем, следует сказать, что Монно-Арбие столкнулся с обычными трудностями, заключавшимися в том, что власти хранили молчание, а сведений, исходивших от противника, не было.

Новый консул Гюстав де Кастийон (Gustave de Castillon)¹⁹, прибыл в Тифлис в 1842 г. и пробыл там четыре с половиной года, в тот период, когда военные действия, как русских, так и горцев были самыми ожесточенными. Его донесения составляют фонд документов, являющийся самым ценным из всей документации французских консульств на Кавказе.

Как человек волевой, сознающий значение своих обязанно-лизу, как об этом свидетельствуют его строгие суждения о Головине, Нейдгарте, Аргутинском и даже о самом Воронцове, а также его замечания о честолюбии штабных генералов.

Благодаря привилегированному положению, которое он занимал, его донесения по своему значению были значительно болов неучилисти ист. по своему значению были значительно болов неучилисти ист.

но более ценными, чем донесения его предшественников. Он не только добился получения штабных чертежей и карт, но его

информация, выходя за пределы местных операций или административных реформ, охватывает политику высших Санкт-Петербургских кругов.

Стремясь в своих исследованиях к точности и сознавая опасность рутины, он в конце 1843 г. покинул Тифлис и предпринял путешествие по Дагестану и Черкесии, чтобы встретиться со своими информаторами и лучше понять положение на различных фронтах.

Став, как и многие другие, жертвой нездорового местного климата, он в период своего пребывания в этом крае заболел, но, тем не менее, продолжал по-прежнему вести свою корреспонденцию.

В его донесениях есть ценные сведения о военных операциях во всех секторах, о причинах возникновения различных повстанческих движений и о внутренних взаимоотношениях между различными группами горцев, в частности, между Шамилем и жителями Кабарды. Но основной интерес этой переписки заключается в том, что она содержит периодические обзоры, которые доставлялись надежными курьерами. В этих обзорах Кастийон, «разоблачая мыльные пузыри официальных сводок», подробно записывал тактику русских и Шамиля, анализировал последствия административных реформ и, наконец, выделял ошибки руководителей мало интересовавшихся развитием этой страны и заботившихся скорее об эффективных успехах, чем о стойкой победе.

После его отъезда временное руководство было доверено Лексерруа (Lauxerrois). Когда он прибыл в Тифлис в августе 1847 г. после поездки по Мингрелии и Имеретии, ему сначала пришлось столкнуться с трудностями, как это было уже сказано выше, он увидел, что жилищные условия были плохими, будучи временным работником, он не пользовался правом получения каких-либо казенных средств для оплаты помещения. Переводчик Видаль (Vidal) также только что прибыл и ни о чем не был информирован. Кроме того, во всем крае свирепствовала эпидемия холеры и дизентерии, и временный консул вскоре заболел.

Ему, однако, удалось установить хорошие отношения с Воронцовым, и он провел ценную работу по сбору информации. В его многочисленных донесениях о передвижениях русской армии, перемещениях по службе, о планировании походов, об экономическом положении содержатся личные наблюдения,

свидетельствующие о способности к проницательному психологическому анализу, а в своих серьезных исследованиях он лучше других понимал все тонкости проблем, связанных с проведением политики умиротворения.

Несмотря на допущенные неосторожные действия, ранее вызвавшие неприязненное отношение русских властей к французскому консульству, вскоре же после своего прибытия Лексерруа удалось снова добиться доброжелательного отношения Воронцова. Благодаря этому, ему разрешили посетить военные учреждения в Сухуме, и он, таким образом, смог хорошо подготовить почву для миссии французского полковника Куртижи (Courtigis), которому Воронцов оказал теплый прием и, кроме того, разрешил ему присутствовать на маневрах русской армии. Однако, после февраля 1848 г., взаимоотношения с русскими войсками, уже не скрывавшими своего враждебного отношения к новому республиканскому режиму испортились.

Это недоверие продолжало проявляться в течение всего 1848 г. Новому консулу, Пьер-Эдмону де Барреру (Pierre-Edmond de Barrère)²⁰, назначенному в июне, пришлось в течение пяти месяцев ожидать получения паспорта. Для корреспонденции консульства, управление которым было тогда доверено хранителю печати Алексису Колену (Alexis Collin), это был довольно интересный период. Впрочем, деятельность де Баррера вначале было омрачено неприятностями, во время его поездки произошло досадное происшествие: армянского переводчика, которого он нанял в Александрополе, власти отказались допустить к исполнению его обязанностей. Кроме того, во время своей поездки Барреру пришлось принять жалобы жителей мусульман, жаловавшихся на казацкие набеги, и он обещал передать эти жалобы Воронцову.

Судя по его первым донесениям, Баррер относился, впрочем, с большим недоверием к русским властям, в частности, по вопросу обеспечения безопасности по корреспонденции, и был полон предубеждений в отношении политики, проводившейся русскими властями на Кавказе, однако, «изысканный и достойный» прием, который ему оказал Воронцов, быстро обольстил его. Губернатор проявил добрую волю, постарался приуменьшить значение происшествий, спровоцированных казаками, и обещал провести расследование. Воронцов сообщил Барреру

свои планы ведений боевых действий и их тактику, и даже поддержал инициативу предпринятую консулом с целью оказания помощи французским миссионерам в Персии, ставшими жертвами английских агентов. И вот, уже вскоре после этого Баррер стал выражать самые хвалебные суждения!

Кроме официальных источников он пользовался и случайными, такими например, как сведениями, поступавшими от французских путешественников. Его корреспонденция охватывает период с декабря 1848 г. по сентябрь 1851 г., но при этом в ней были очень длительные перерывы, причину которых установить трудно. В его донесениях, составленных в напыщенном стиле, заметен характер человека, который часто заботился не столько об объективности, сколько о восхвалении своей национальной гордости и христианской веры. Однако не следует недооценивать значение некоторых его донесений, а также доклада, который он составил в конце пребывания на своем посту²¹.

В течение следующего периода, совпавшего с пребыванием в Тифлисе консула Франсуа Стейерта (François Steyert), постепенное ухудшение русско-турецких отношений и первые пограничные столкновения стали более важными событиями, чем военные операции против Шамиля. Опираясь на традицию, установленную его предшественниками, Стейерт, несмотря на изменение французской политики, поддерживал превосходные отношения с Воронцовым, который в ноябре 1853 г. попросил царя разрешить французскому консульству провести церемонию, ставившую своей целью показать хорошие взаимоотношения между Францией и Россией и, таким образом произвести впечатление на кавказских горцев. Но после начала военных действий в 1854 г. миссия Стейерта (Steyert) была, разумеется, прекращена. В мае он получил распоряжение выехать из Тифлиса и вместе со своими переводчиком и секретарем прибыл в Турцию. Через Гумри (Александрополь) он прибыл в Карс. В октябре он получил временное назначение в Батуми, находившийся тогда на турецкой территории, где оставался до окончания Крымской войны в 1856 г. В Батуми он увидел, что условия для устройства консульства и работы в этом городе были связаны с особыми трудностями. Местных средств было недостаточно, жизнь требовала солидных расходов, средства сообщения были редкими и ненадежными, и, наконец, взаимоотношения с турецкими властями

были часто натянуты, особенно с генералом Мустафой Пашой, который командовал в этой области. Местонахождение консула в Батуми не было благоприятным для сбора информации, тем более что, согласно мнению французских официальных кругов, поддерживать связи с черкесскими племенами должен был, начиная с 1855 г., только направленный в Сухум-Кале консульский агент Шарль Шампуазо (Charles Champoiseau), пользовавшийся большей свободой действий.

Эти трудности отражались в переписке Стейерта после 1854 г. Его единственными источниками информации были турецкие военные власти, некоторые французские или английские офицеры, находившиеся здесь проездом, и дезертиры русской армии. Как те, так и другие, могли сообщать лишь отрывочные сведения о положении кавказских племен. Консулу дважды пришлось убедиться в невозможности установления какой-либо связи с Шамилем: первый раз, когда он попытался начать с ним переговоры по вопросу освобождения одной француженки, госпожи Дрансей (Drancey), взятой в плен его войсками, и затем с тщетными попытками алжирца Бу Маза (Bou Maza), желавшего сражаться в его рядах.

сражаться в его рядах.

В июне 1854 г., когда Стейерт прибыл в Карс, секретарь французского консульства в Эрзеруме высказал суровое суждение о поведении консула, который прибыл в Тифлис «не торопясь» (àpetites journées), ничего не наблюдая, и тем самым очень удивил генералов союзников, надеявшихся получить от него ценные сведения. По словам этого секретаря, Стейерт заявил, что «это его не интересовало», и что он не спешил отправиться в Константинополь для доставки штабных карт Кавказа, которые ему оставил Кастийон.

На секретаря консульства Стейерт произвел впечатление человека с очень узким кругозором, человека («слишком похожим на типичного представителя периода регентства»") и казавшимся очень преданным семье Луи-Филиппа²² (Примечание переводчика: Луи-Филипп (1773–1850 гг.) был королем Франции с 1830 до 1848 г.). Стейерт был действительно секретарем герцога Орлеанского с 1837 по 1842 гг. и должность консула смог полу-

^{*} Примечание переводчика. Периодом регентства в истории Франции называют 1715–1723 гг., когда вместо несовершеннолетнего короля Λ юдовика XI страной правил регент.

чить по рекомендации Понтекулана (Pontécoulant) и графини Орлеанской.

Это суждение кажется слишком преувеличенным. Если донесения Стейерта в течение первого года его пребывания в Тифлисе и были очень редкими и неинтересными, то, начиная с ноября 1853 г., они уже содержат сведения о движении Шамиля и первых русско-турецких сражениях. После переезда Стейерта в Батуми его донесения уже в большей степени приняли специфически консульский характер, но в них, кроме того, были и многочисленные доклады о военных операциях, некоторые интересные замечания о действиях племен и обоснованная оценка политики, которую Мустафа Паша проводил в оккупированном крае.

Консул, видимо, пользовался некоторой популярностью, во всяком случае, среди христианского населения, и выступал в традиционной роли его защитника. Так, например, защищая поляков, дезертировавших из русской армии и подвергшихся жестокому обращению со стороны турок, он предложил им воспользоваться его гостеприимством. Стейерту, однако, пришлось испытать некоторые разочарования в связи с колебаниями и противоречиями в политике, проводившейся Францией в этой области, а также вследствие отсутствия четких инструкций и из-за возраставших материальных трудностей. Его донесения стали постепенно сокращаться и совершенно прекратились после декабря 1855 г.

Сразу же после окончания войны барон Антуан Фино (Antoine Finot), преемник Стейерта высадился в Редут-Кале в 1856 г., еще лежавший в развалинах, когда там свирепствовали эпидемии. В его первых донесениях следует подчеркнуть сведения о дружеском отношении населения Мингрелии к Франции, о том, что мингрельцы сожалели об отсутствии французских войск в этом секторе, об их крайне враждебном отношении к турецким оккупантам; в этих донесениях осуждалась политика, проводившаяся Омар Пашой на черкесском побережье.

Устроившись в Тифлисе, консул сообщил о том, какую радость вызвал отъезд генерала Муравьева и писал о всеобщем уважении, которым пользовался Воронцов.

О военных операциях в 1856 г. в донесениях Фино ничего не сообщалось. В 1857 г., несмотря на длительные перерывы, эти донесения были более частыми и содержали сведения о тактике

сражений и о роли мингрельских и сванских царствующих семей; затем в 1858 г. военные действия стали более интенсивными и, наконец, окончились тем, что Шамиль был взят в плен, страна была полностью покорена, а Мохаммед Эмин капитулировал, в то время, как изолированные очаги сопротивления продолжали существовать до 1860 г.

Консул подчеркивал контраст между умелой русской военной стратегией и крахом администрации на Кавказе. Следует отметить, что Фино выполнил свою миссию с чувством такта и преданности, что он, проявив мужество, спас французских купцов, находившихся в опасности во время волнений в Нухе в 1862 г., и что, сразу же после окончания Крымской войны ему удалось установить превосходные отношения с местными властями. Он сопровождал генерала Барятинского в его походе в Дагестан и получил звание командора Ордена Святой Анны и большую ленту Святого Станислава.

В истории деятельности французских консулов отъезд Фино знаменовал окончание длительного, тридцатилетнего периода, наиболее важным событием которого была война горцев и самой выдающейся была личность Шамиля.

Начальник консульской канцелярии Бенжамен де Трамазюр (Benjamin de Tramasure)²³, которому отныне в течение многих лет предстояло руководить консульством, интересовался не столько мелкими стычками нарушившими спокойствие в стране, сколько социальными проблемами, стоявшими перед властями, в частности, вопросами массовой эмиграции мусульманских народов в Турцию и работорговли. Однако нельзя умолчать и об отличном докладе, составленном им по памяти в Париже в 1855 г., после того, как его документы были украдены при его отъезде из Тифлиса.

Одесса: Под властью Воронцова

Находясь вдали от театра военных действий, Одесса занималась, в основном, торговлей. Именно в этом городе, по инициативе герцога Ришелье (Richelieu) были предприняты попытки установления торговых связей с побережьем Черкессии и с Грузией, и два западноевропейских консульских агента, генуэзец Скасси (Scassi)

и судовладелец, голландский консул Тэбу де Мариньи (Taitbout de Marigny) посвятили свои усилия осуществлению этого замысла, в то время как в Тифлисе французский консул Гамба стремился привлечь деловых людей из Франции. К этому времени, граф Воронцов, живший в Одессе, начиная с 1823 г., одобрил основные положения, которыми руководствовался Ришелье, и считал, что развитие на восточном побережье Черного моря приведет горские народы к мирному сожительству. Известно, что резкие изменения политики русского правительства положили конец этим надеждам, но и после того, как окончилась пора чрезмерного оптимизма, Воронцов поддерживал все мирные инициативы, и, как об этом будет сказано, в 1836 г., в период полной блокады побережья, когда восстание племен расширялось, он серьезно изучал вопрос о поселении европейских колонистов в черкесских портах.

Являясь космополитической по своему характеру, управляемая знатным аристократом, получившим английское образование, Одесса была особым городом. Французский консул в России Амабль де Барант (Amable de Barante), который во время своего кратковременного пребывания в Одессе в 1838 г. был, конечно, в восторге от щедрого гостеприимства и роскоши губернатора, чувствовал там себя свободно, чего не было в других местах; по его мнению, это было возможно благодаря характеру Воронцова и широте его взглядов. Барант писал: «Администрация графа Воронцова в наименьшей степени сохраняет традицию военной дисциплины и непоколебимой жестокости, которая в России обычно считается свидетельством усердного служения и средством, позволяющим угождать императору. Граф Воронцов решил, что Одесса останется торговым городом без каких-либо армейских или военно-морских учреждений. Полиция Воронцова ни к кому не придирается. В Одессе можно жить, пользуясь свободой передвижения, чувствуя себя в безопасности, и не особенно опасаясь властей»²⁵.

Можно было бы предположить, что в таких условиях французские консулы в Одессе могли выполнять плодотворную работу по сбору информации, тем более что «память о господине Ришелье еще была жива и пользуется уважением»²⁶.

Однако большинство консулов придерживалось совершенно

Однако большинство консулов придерживалось совершенно другого мнения: по их утверждению, их недостаточное жалованье не позволяло им, находясь в этом городе, вести образ жиз-

ни, соответствующий их рангу, так все стоило очень дорого, и у них не было возможности достаточно часто принимать участие в светской жизни провинциальной придворной среды графа Воронцова, где они могли бы собрать некоторые сведения о войне на Кавказе»²⁷.

Конечно, в Одессу достаточно часто прибывали суда, купцы или путешественники, являвшиеся обычно источниками полезной информации, но торговля не достигала восточных берегов Черного моря, находившегося под контролем русского флота, а французов там было очень мало²⁸.

Приходилось довольствоваться сведениями, которые в конфиденциальном порядке можно было получить от офицеров русской армии и военно-морского флота. По мере усиления военных действий, войска стали чаще направляться в сторону черкесского побережья, воинские соединения останавливались в Одессе или в Крыму перед отправкой их на кавказский фронт, а оттуда возвращались раненные. Но, соблюдая указания о сохранении тайны и опасаясь наказаний, участники военных действий были очень осторожны.

«Вследствие того, что было рекомендовано соблюдать полное молчание в отношении всех событий в Черкесии, мы лишь с опозданием узнавали о том, что там происходит, причем эти сведения были всегда неопределенными». Там есть лишь военные или чиновники, которые боятся писать то, что могло бы их в какой-то степени скомпрометировать. Вот и приходится довольствоваться слухами, большинство из которых бессвязно и прежде всего, не точно. Лишь исправляя эти данные, путем сравнивания одних сведений с другими удается кое-что узнать об истине²⁹.

Андре-Адольф Шалле³⁰ (André-Adolphe Challaye), автор этих строк, был консулом в Одессе с 1821 г. и занимал эту должность вплоть до своего ухода в отставку в 1846 г., несмотря на более чем двухлетний перерыв. В Одессе он приобрел отличную репутацию, снискал уважение и симпатию всех общественных кругов и оказал многочисленные услуги членам французской армии, которых насчитывалось от 350 до 400 человек; они направили в Министерство иностранных дел ходатайство, в котором просили оставить Шалле на его посту.

Шалле был одним из первых, кто в своей консульской корреспонденции сообщил о начале военных действий на Кавказе, о

походах Паскевича и о попытке создания союза горских племен, но следует отметить, что в его донесениях, отправленных в 1830 и 1831 гг., содержались лишь очень неточные сведения. Заболев и потеряв слух, он был вынужден просить в 1832 г. о предоставлении ему отпуска, а затем о переводе на службу в другое место, где климат более мягкий.

После этого в корреспонденции, сообщавшей о Кавказе, наступил перерыв, длившийся около четырех лет.

Это отсутствие донесений можно, разумеется, объяснить тем что черкесское побережье подвергалось строгой блокаде, вследствие которой отправлять информацию было невозможно, или же тем, что в течение этого периода на кавказском фронте сохранялось относительное затишье: два французских путешественника, прибывшие в Одессу в марте 1834 г., сообщили, что они как обычные туристы (однако, в сопровождении казаков) смогли пересечь весь Кавказ, и по всей области, за исключением Лезгинской, они видели полное спокойствие, даже дружеское отношение населения к русским властям³¹; на следующий год консул отправил в Париж объявление, опубликованное в прессе. Это было объявление о «морском путешествии вдоль восточного побережья Черного моря, и в том числе Черкесии»; стоимость поездки 500 рублей 32 . В ту эпоху серьезные события происходили уже в другом месте; в 1833 г. русские организовали военную интервенцию в Константинополь с целью защиты Оттоманской Империи от египетских вооруженных сил Ибрагима Паши.

Во всей политической корреспонденции, поступившей из Одессы в это время, речь шла о передвижении войск и кораблей по направлению к Босфору, а затем о дипломатической поддержке этого мероприятия на Балканском полуострове.

Что бы то ни было, этот недостаток в значительной степени объясняется и неопытностью ответственных работников консульства, ибо сразу же после возвращения Шалле, в донесениях снова появились новости о Кавказе. В течение указанного промежутка времени управление консульством было сначала доверено Жан-Франсуа Сорону (Jean-François Sauron)³³, адвокату, уже выполнявшему добровольно в течение пятнадцати лет обязанности начальника консульской канцелярии и проделавшему огромную работу по сбору сведений в качестве руководителя, он счел себя в праве ходатайствовать о своем назначении на долж-

ность консула, но его усилия оказались напрасными: 3-го октября 1833 г. в Одессу прибыл новый штатный консул, Васс-Сен-Уан (Vasse-Saint-Ouen), работе которого стал мешать начальник консульской канцелярии. Он неохотно согласился предоставить ему свой источник информации: «Мое присутствие здесь привело в крайнее отчаяние семью Сорона, все члены которой уже льстили себя надеждой, что их глава будет окончательно утвержден в должности Одесского консула. Поэтому бывший управляющий мне мало помогал»³⁴.

Одним из лучших источников информации Сорона был его брат, служащий Николаевской морской верфи, который незадолго до этого покончил самоубийством.

Вскоре после инцидента с консулом Сорон, пользовавшийся большим влиянием среди французов, проживавших в городе, оставил должность управляющего канцелярией (24 марта 1834 г.). Васс-Сен-Уан отныне почувствовал, что в Одессе уже не пользовался поддержкой, а Министерство его критиковало за слабую эффективность работы. Через несколько месяцев он должен был уступить свое место другому консулу (сентябрь 1834 г.).

Сразу же после своего прибытия, Депрео де Сен-Совер (Desprèau de Saint-Sauveur)³⁵ восстановил Сорона в его должности и установил отношения с Воронцовым. Он писал: «У меня лучшие отношения с этим губернатором. Он относится ко мне с большим уважением. Вчера он мне нанес визит и около часа беседовал со мной»³⁶.

Сен-Совер желал, однако показать, что блеск высшего Одесского общества не вводил его в заблуждение. Он даже осуждал «расточительство, в котором, вопреки собственной воле, были вынуждены принимать участие самые благоразумные люди, так как пример такого поведения подавали граф и графиня Воронцовы, все русские власти и наиболее знатные жители...»³⁷.

Он также отметил, что в результате неурожая 1834 г. народ в Одессе и в Крыму жил в крайней нищете, собирал сведения о положении в более отдаленных провинциях, сам разыгрывал роль придворного, и делал это так, что было трудно отличить поступки, совершаемые по расчету, от тех, которые он совершал ради собственного удовольствия. Если судить о его деятельности по новостям, поступавшим из Кавказа, то ее значение, так же как значение работы его предшественника было ничтож-

ным. Но в 1835 г. Воронцов его пригласил, на этот раз, чтобы принять участие на борту парохода, в инспекционной поездке вдоль черкесских берегов, и это ему позволило дополнить свои непосредственные, личные наблюдения. Отчет о его поездке не был включен в фонд дипломатического архива, но был опубликован в Париже в 1837 г. Несмотря на свой поверхностный характер, это повествование содержит несколько интересных наблюдений, касавшихся русских береговых укреплений, сведения об эффективности блокады и о контрабандном ввозе оружия из Трапезунда, о характере ведения войны в Черкесии.

Во время этой поездки Сен-Совера, главой французского консульства, начиная с 1-го мая 1836 г., снова был назначен бывший консул Андре-Адольф Шалле (André-Adolphe Challaye), которому пришлось снова встретиться с теми же трудностями, которые мешали его предшественникам, но, в отличие от них, ему удалось постепенно собрать разрозненную информацию и конфиденциальные сведения, становившиеся все более многочисленными, которые он передал в своих донесениях. Читая его политическую и коммерческую корреспонденцию, мы видим, что это был добросовестный агент, старательно стремившийся быстро сообщать сведения своему правительству, а затем неустанно проверявший собранную информацию путем сопоставления различных материалов. Поэтому он, не задумываясь, немедленно передавал информацию о фактах в необработанном виде, без уточнений, а затем в своих последующих донесениях вносил необходимые поправки и добавления в эту информацию. Это, скорее всего, метод журналиста, а не историка, но он имел то преимущество, что позволяло более оперативно освещать текущие события и, следуя по горячим следам, показывал, как в России реагировали на события, происходившие на Кавказе.

Его донесения, несмотря на свои пробелы, недостатки и неясные места, являются сами по себе источником очень интересной информации, ибо в той мере, в какой они были основаны на конфиденциальных сообщениях, поступавших из среды Воронцова или от армейских или морских офицеров, они отражали неясные представления русских властей о реальном положении на Кавказе и помогали понять импровизированную и часто непоследовательную русскую политику: именно такой оказалась судь-

ба тщательно изученных и затем внезапно заброшенных проектов переселения европейских колонистов Черкесии, различных военных планов, отложенных на неопределенный срок в тот момент, когда следовало приступить к их осуществлению, описанию военных действий, в которых не указаны ни названия местностей, ни даты гипотез, высказанных для объяснения цели какоголибо похода или необычной мобилизации людей; такой же была судьба случайных предсказаний, относительно исхода войны³⁹.

В этом отношении одной из самых поразительных особен-

В этом отношении одной из самых поразительных особенностей этой корреспонденции является разница между количеством новостей с черкесского фронта, и тем, которые поступали с восточного побережья.

О мюридизме вообще не говорилось ни слова; о роли Шамиля, который в общих чертах изображался как Кавказский Абделькадер, упоминалось, во всяком случае, до 1841 г., лишь в связи с его общением с западными племенами или по случаю его первых наступлений, но эти сведения не давали представления о смысле и значении его движения.

12-го августа 1840 г. взаимосвязи с Одессой и краями, расположенными за Тереком, были столь редки, что мы лишь чудом узнавали о том, что там происходило. Во всяком случае, не приходится сомневаться в том, что значение мелких успехов Шамиля, также как и черкесов, было лишь кратковременным⁴⁰.

Зато события, происходившие на черноморском побережье и во внутренних районах Абхазии, привлекали пристальное внимание и иногда освещались очень подробно, благодаря чему корреспонденция этого консульства является специфической и более интересной, чем корреспонденция других консульств. В период с 1836 по 1842 гг., такие события как захват корабля «Виксен» (Vixen), приключения английских агентов в Черкесии, поражения русской черноморской флотилии, и, прежде всего, крупное наступление, предпринятое горцами в 1840 г. на береговые укрепления побудили Шалле заняться глубокими исследованиями. В конце 1841 г. ему удалось хорошо изучить проблемы этого района, как об этом свидетельствуют отправленные в эти годы многочисленные донесения, содержавшие дальновидные суждения и показывавшие ошибки, допущенные русским командованием в его политике в отношении племен, а также причины поражения русских.

Вследствие неизвестных нам причин, этот плодотворный период внезапно окончился в конце 1842 г., в тот момент, когда, судя по одному из донесений, было уже возможно предвидеть (хотя и в очень неопределенной форме) новое направление русской политики в Черкесии и возврат к мирным методам, основанным на развитии торговли. В следующие годы никаких новостей из Кавказа не поступало, несмотря на происходившие там в это время ожесточенные сражения. Нельзя сказать, что в Одессе об этом не знали, но к этим событиям общественное мнение уже так привыкло, что они не возбуждали большого интереса, в результате чего сам консул не считал нужным о них сообщать. Он писал: «События на Кавказе, за которыми так внимательно следят в Европе, не вызывают большого интереса в России. То ли вследствие своей беззаботности, или же, скорее всего из-за уверенности в своей силе, русские, не сомневающиеся в своем конечном успехе, (а я полностью разделяю их мнение), хотя и начинают немного беспокоиться, когда крупные неудачи, вроде той, которая постигла генерала Грабе (Grabbè) или крупные поражения, как, например, такое, которое они потерпели прошлой осенью, уязвляют их самолюбие, но через несколько дней обо всем забывают»⁴¹.

В марте 1845 г. Шалле с чувством надежды приветствовал назначение графа Воронцова Закавказским наместником, которого племена, стремившиеся к скорейшему прекращению сопротивления, ожидали как Мессию. Консул, конечно, под влиянием существовавшего в Одессе всеобщего преклонения перед придворными особами, воздал хвалу «ореолу рыцарской чести губернатора» 12, но именно поэтому с чувством большего разочарования, спустя несколько месяцев он писал: «Вопреки нашим надеждам, здесь мы еще никогда не были в таком полном неведении о том, что происходит на Кавказе, как в тот период, когда граф Воронцов стал наместником» 3.

Шалле еще более года оставался в Одессе, не сообщая никаких новостей и ограничиваясь лишь обзорами газетной информации и некоторыми намеками, касающимися Шамиля и проскользнувшими в его переписку по вопросам торговли. Это внезапное и окончательное решение не предоставлять информацию наводит на мысль о том, что большинство из его сведений, переданных в предыдущие годы, были ему сообщены самим Воронцовым или его ближайшим окружением. Во всяком случае, за исключением единственного донесения, отправленного в 1853 г. Жан-Батистом Сороном⁴⁴, сыном и преемником бывшего начальника консульской канцелярии, политическая корреспонденция, поступавшая из Одессы до окончания войны, не содержала никаких сведений о событиях на Кавказе.

Возможно, что отъезд Воронцова изменил политическую обстановку и ранее существовавший либерализм, порой чрезмерный, уступил место некоторому доверию, которое стали проявлять по отношению к иностранным агентам. Особенно мало сведений в корреспонденции Альбера Гуе (Albert Huet)⁴⁵, который, стараясь оправдать свое бездействие, заявлял, что получение новостей становилось уже невозможно, в ответ на это утверждение министр иностранных дел на полях его донесения сделал следующее строгое примечание: «Предположение о том, что господин Гуэ не может найти в Одессе темы для корреспонденции, мне кажется невозможным. Ему нужно предложить заняться изучением страны»⁴⁶.

Трапезунд: Информация о черкесском фронте по данным турецких источников

В результате того что, начиная с июня 1813 г. Редут Кале был закрыт для свободной иностранной торговли, деловая активность Трапезундского порта возросла. В течение многих десятилетий он находился на главном перекрестке южного побережья Черного моря и был крупным транзитным центром. Начиная с мая 1831 г., французский вице-консул писал, что численность купцов в Трапезунде ежедневно растет, и что большинство из них прибывает из Константинополя или направляется туда.

В течение этого периода по-прежнему поддерживались регулярные связи между этим портом и черкесским побережьем; работорговля, которую кавказские области вели с Турцией, продолжалась в форме почти открытой контрабанды; отдельные путешественники, возвращавшиеся из Грузии в Европу, регулярно останавливались в Трапезунде, и именно оттуда исходили инициативы английских агентов Уркварта (Urquhart), Лонгворта (Longworth), Белла (Bell), Найта (Knight) и Стюарта (Stewart),

цель которых состояла в поддержке черкесских народов в их борьбе против России и в разрыве блокады. Наиболее знаменитым эпизодом был захват английского корабля «Виксен» (Vixen).

Англичане, действительно, были единственными, кто смог воспользоваться этим усилением влияния Трапезунда и извлечь из него политическую выгоду. Один из французских путешественников в 1843 г. подсчитал, что они «совершат деловые сделки на сумму в пятьдесят миллионов франков» и сожалел о том, что Франция не занимает позиций в этом районе и в связи с этим подвергал строгой критике французских представителей за их беспечность. Он писал: «Кто виноват, если французский флаг так редко развевается над Черным морем, если Трапезунд стал английским городом и если наши соперники захватили торговлю с Азией? В связи с этим можно было бы отметить либо безразличие, проявляемой нашей страной, либо неспособность некоторых из наших консульских агентов»⁴⁷.

Если в безразличном отношении французских руководителей и деловых людей к этим проблемам сомневаться не приходится, как в этом можно уже было убедиться по опыту консула Гамбы в Тифлисе, то следует отметить, что французские представители в Трапезунде, судя по их политической корреспонденции, относившейся к кавказским делам, были тоже людьми посредственными.

Виктор Фонтанье (Victor Fontanier)⁴⁸, управлявший вицеконсульством до 1831 г., был назначен на этот пост временно, но считал, что ему предстояло выполнить более ответственную миссию и напряженно работал над составлением довольно туманных политических планов, цель которых состояла в том, чтобы парализовать английское влияние на Восток. Он желал стать политическим и торговым агентом в Персии, чтобы способствовать достижению следующих двух целей: превратить Персию в союзника Франции в ее борьбе одновременно против русских и англичан, и содействовать созданию «независимого государства, образованного из христианских народов, проживающих на севере Персии и на востоке Турции, ибо, в противном случае, вся Азиатская часть Турции, менее чем через два года будет принадлежать России. Руководствуясь этой перспективой, Фонтанье начал энергично добиваться от французских властей, чтобы они поддержали план предоставления независимости Грузии и

даже направил во Францию двух грузинских князей, чтобы они попросили правительство Λ уи Филиппа обратиться с соответствующим ходатайством к России.

Его советы, видимо, не были приняты всерьез французским правительством, тем более что Фонтанье выполнял свои служебные обязанности весьма неудовлетворительно и приобрел в этом крае плохую репутацию⁴⁹.

О первых военных действиях, разразившихся на Кавказе в 1831 г., он смог сообщить лишь отрывочные и довольно сомнительные сведения. Этот недостаток он пытался объяснить изнуряющими условиями труда, которые ему были навязаны в этом консульстве. Он писал: «Здесь мне пришлось заниматься не только Анатолией, но, кроме того, Абхазией и Персией, то есть такой территорией, площадь которой в шесть или семь раз больше Франции, а политика в этих странах изменчива и меняется на каждом шагу; при таких расстояниях невозможно получать абсолютно точную информацию.

Покидая свой пост как раз в тот момент, когда должность консула в Тифлисе стала вакантной в результате отъезда Гамбы, Фонтанье предвидел, что Трапезундское консульство вскоре окажется совершенно беспомощным и, проявляя некоторую нескромность, заранее оспаривал способности своего преемника. Он писал: «Я знаю господина Утре (Outrey) как человека совершенно неспособного информировать правительство о событиях в Персии и в Грузии, а ведь ему придется заниматься этими обеими странами, так как, после закрытия Тифлисского консульства, сведения придется получать отнюдь не из Москвы. Быть может, Ваше Превосходительство возразит, что требования Департамента я кое-как удовлетворял и поэтому другой, более опытный работник сможет выполнять такую же работу. Такой вывод был ошибочным: я мог подавать довольно правильную информацию, потому что в течение десяти лет разъезжал по этим странам, а так же потому, что у меня были лица, с которыми я переписывался, и у меня были новые связи. Но что сможет сделать новичок, каким бы способным он ни был, если у него нет этих преимуществ!» 50.

Жорж Утре (Georges Outrey), занимавший эту должность до 1843 г., вскоре сам признал наличие трудностей, связанных с его работой, и ее недостаточную эффективность. Ему, человеку, которому в момент приезда уже было 50 лет, отцу девяти детей,

получавшему оклад в 9000 франков, пришлось жить в довольно скверных условиях, и в своей переписке он постоянно просил об увеличении жалованья.

В течение первых трех лет его пребывания на посту консула, сведений, которых он собрал о Кавказе, почти нет. Затем, мало по малу, начиная с 1834 г., информация стала поступать более регулярно, благодаря всевозможным случайным источникам, появлявшимся в результате сообщения между Кавказом и Турцией: такими источниками были экипажи торговых судов, путешественники, лютеранские миссионеры, работорговцы, письма, поступавшие из Редут-Кале и т.д. С 1836 по 1839 гг. донесений уже было довольно много, и в них сообщалось о поездках Воронцова и Розена, о помощи абхазцев, и, особенно о волнениях, возникших в связи с захватом корабля «Виксен» (Vixen).

Конечно, сообщения об этих новостях передавались в необработанной форме, без серьезного анализа и они оставались неопределенными и отрывочными, а о передвижениях русских войск, передавались так, что невозможно было понять их значение. К тому же, большая часть информации относилась только к Черноморскому побережью, но не к восточному фронту и проекты английских консулов, проезжавших через Трапезунд, как правило, ускользали от внимания французского консула, получавшего лишь поверхностную информацию и даже искажавшего фамилии Лонголс (Longolss) вместо Лонгворт (Longworth), Найт (Night) вместо Кнайт (Knight) и, наконец, ничего не сообщалось о широком наступлении, предпринятом черкесскими и абхазскими племенами на русские береговые укрепления в 1840 г.

Тем не менее, эти донесения плодотворно дополняли корреспонденцию, направлявшуюся в ту же эпоху одесским консулом и касавшуюся западно-кавказского фронта, они ведь действительно передавали информацию, собранную за пределами русской территории, информацию, не поддерживаемую официальной пропагандой и исходившую от свидетелей, имевших, возможность свободно выражать свое мнение. Эти донесения, кроме того, показывают, как воспринимали в Оттоманской Империи события, о которых совершенно по-другому сообщалось в Тифлисе, Одессе и Санкт-Петербурге, и поэтому являются документами, имеющими безусловную ценность. Что же касается пробелов, обнаруженных в этой информации, то они, конечно,

объясняются тем, что Трапезунд расположен в стороне от основных путей, но следует отметить, что в течение трех лет, предшествовавших его отставке, консул заметно ослабил свою работу, и за этот период о положении на Кавказе совершенно нет какой-либо информации, представляющей интерес. Лишь после приезда его преемника в 1844 г. в донесениях, поступавших из Трапезунда, появились упоминания о Шамиле. Есть, следовательно, все основания считать, что в вышеуказанных упреках по адресу консульских агентов Утре подвергался особой критике. У его преемника Бернара де Клерамбо (Bernard de Clairambault) до прибытия в Трапезунд была довольно «бурная» административная деятельность, в которой встречалось множество жалоб, порицаний и взысканий. Будучи отправленным в отставку в 1836 г., он в том же году прибыл к проживавшей там своей матери.

Этим может быть и объясняется этот факт, что ему удалось установить связи в местном масштабе и, поэтому, после своего возвращения к работе и назначения на этот консульский пост он смог организовать сеть корреспондентов в районе русской границы. Во всяком случае, мы видим, что, начиная с 1844 г., в донесениях из Трапезунда снова стали появляться новости, относившиеся к Кавказу, причем, в основном, такая информация содержалась в письмах, поступавших из Батуми, Сугуджака, Чурук Су, а Клерамбо, видимо, поддерживал хорошие взаимоотношения с городским пашой Абдулом Пашой, благодаря которому он смог уточнять и анализировать информацию. Впервые появились сообщения свидетелей о военных операциях в Дагестане и о славе Шамиля, ставшей уже легендарной. Многочисленные донесения, поступавшие в 1845 и 1846 гг., подтверждая аналогичные сообщения из Эрзерумского консульства, подробно сообщали о малоизвестном инциденте, аресте в Турции одного из агентов Шамиля, организовавшего волнения, чтобы настроить народ против реформ Танзимата⁵¹. В этом отношении замечания, высказанные Клерамбо, в некоторой степени объясняют загадочные отношения, существовавшие между Оттоманским правительством и движением мюридизма, и отчетливо показывают расхождения, существовавшие по этому вопросу между некоторыми местными правителями.

Клерамбо оставался на своем посту в Трапезунде до 1853 г., но в течение пяти последних лет сообщения о борьбе кавказских

горцев стали постепенно прекращаться. Французская революция 1848 г., враждебно воспринятая русскими властями, совпала с прекращением потока информаций: 10 мая 1848 г. стало известно, что русский губернатор из Редут-Кале получил секретную инструкцию, согласно которой отныне нельзя было сюда допускать ни одного французского подданного, даже имевшего необходимые документы. Вскоре, в результате ухудшения русско-турецких отношений и пограничных инцидентов, ставших более частыми, трудности стали возрастать.

5-го июня того же года Клерамбо писал, что вслед за французами из Грузии высланы все турецкие подданные и что отношения между Россией и Кавказом прерваны.

Это не привело к ослаблению работы консульства, но отныне кавказские события стали освещаться, прежде всего, в связи с подготовкой к войне, которая считалась неизбежной между Россией и Турцией, и при этом подчеркивался боевой энтузиазм местных народов, готовых к борьбе. Видимо и сам консул был встревожен так же, как и все люди, жившие в этой области и начал в хаотической форме передавать недостаточно хорошо проверенные сведения и слухи, или же такие же суждения, которые были слишком иллюзорны как например, мнение одного французского врача, служившего в турецкой армии и уверявшего, что Батумский губернатор поддерживает связь с Шамилем и с наиболее влиятельными черкесскими и грузинскими руководителями, что в случае возникновения войны с Россией, Дагестан, Черкесия и Грузия вступят в войну на стороне Турции⁵².

Шарлю Поншарра (Charles Poncharra)⁵³ занявшему должность

Шарлю Поншарра (Charles Poncharra)⁵³ занявшему должность консула Клерамбо, начиная с апреля 1854 г., был 21 год, он прибыл из Крыма, и, находясь под влиянием царившего здесь возбуждения, начал изучать события, подвергая их новому, более критическому анализу. Работа его была серьезной, он постоянно проверял, исправлял свою собственную информацию, порицал английского консула в Эрзеруме, Бранта, который, по его словам, был склонен верить всевозможным слухам (этот консул особенно ссылался на адресованное командующему Карской армией письмо Шамиля, в котором тот объявил о своем намерении напасть на Тифлис, используя для этого 25 000 человек и от 12 до 15 пушек)⁵⁴.

Военные операции, начавшиеся в это время на всех фронтах были, разумеется, основной темой всех его донесений. Пон-

шарра получал письма из Тебриза, Эрзерума и поддерживал обширную переписку с французскими офицерами, прикомандированными к турецкой армии. Но он интересовался также и кавказскими делами, в той мере, в какой это было необходимо в связи с тем, что французское правительство, стремившееся определить свою политику в отношении народов, проживающих на черноморском побережье, настойчиво стремилось получать информацию об их поведении. В этом вопросе новый консул в значительно большей степени, чем его предшественник, соблюдал осторожность по отношению к местным турецким властям; зная о поражениях Анатолийской турецкой армии и о беспечности ее руководителей, он часто сомневался в оптимистических перспективах, о которых ему сообщали, и, в отличие от Клерамбо, считал, что грузины испытывают явную антипатию к туркам, что жителям черкесских провинций все труднее становилось терпеть навязанную им власть пашей, и что поход турецкой армии в христианские провинции встретил бы там поддержку лишь в том случае, если бы ее поддержали французские войска. По мере того как проходили месяцы, отношение консула к турецким властям становилось все более враждебным, особенно к Мустафе Паше, командующему Батумским армейским корпусом, которого он обвинял в том, что тот преследует личные цели и мешает союзникам наладить связь с Шамилем. Последнее донесение консула, датированное 1854 г., являлось настоящим обвинительным актом, порицавшим всю турецкую политику. Там говорилось: «Поведение Мустафы [...] по моему мнению, обусловлено личными интересами и тщеславием и, кроме того, свидетельствует о непонимании действительного положения дел в краях, граничащих с его страной; впрочем, точно в таком полном неведении находится и его правительство»⁵⁵.

Внимание, уделявшееся в Трапезундской корреспонденции освещению кавказских событий, с 1855 г. начало постепенно ослабевать, так как после начала Крымской войны эти проблемы стали обсуждаться в других местах, либо в Константинопольском посольстве, и главном межсоюзническом штабе, где занимались разработкой стратегических планов и установлением связей с Наибом, либо в Сухум-Кале, куда специально был направлен консульский агент Шарль Шампуазо (Charles Champoiseau), чтобы представлять французские интересы. Однако в начале своей

миссии Шампуазо посетил Трапезунд, который был убежищем, расположенным на перекрестке путей, и именно здесь составил свой окончательный отчет.

Эрзерум: Упорные слухи о возможности французской интервенции

Материалы, собранные этим консульством, нельзя сравнить с документацией трех вышеуказанных консульств.

Когда в 1830 г. на Кавказе разразилась война, в Эрзеруме не было французского консульства и условия для его открытия в этом городе казались очень неблагоприятными. Мнение Трапезундского консула Виктора Фонтанье (Victor Fontanier) по этому вопросу было категорическим: в этом городе, который был разрушен в результате последней русской оккупации и в котором никто из французских купцов не проживал, пребывание французского консула было бы совершенно нецелесообразным. Английский консул Брант (Brant) сам отказался открыть в Эрзеруме филиал своего консульства. Он также вполне ясно высказался относительно бесполезности наблюдательного политического поста в таком месте: «Для этой цели Эрзерум не подходит. Какие сведения здесь следует искать? Разумеется о передвижении русских или персов по направлению к границе. Но о событиях можно знать лишь при условии, если сам их видишь или же имеешь точные сообщения о них. А ведь Эрзерум совершенно изолирован от Персии и Грузии, а доверять по этому вопросу слухам, исходящим от местных жителей, не может ни один благоразумный человек. Что же касается европейцев, то их здесь нет» 56.

Несмотря на этот совет, через несколько лет там было учреждено французское консульство, но слабая эффективность его работы в области политической информации оправдала предсказывание Фонтанье. Теодор Гепп (Théodor Goepp) начал работать в Эрзеруме в декабре 1842 г. и оставался там в течение шести лет. В то время как в Дагестане и Чечении происходили ожесточенные сражения, а Шамиль был на вершине своей славы, об этих событиях совершенно ничего не упоминалось в донесениях, отправлявшихся за подписью этого консула. Его корреспон-

денция относилась лишь к политическим взаимоотношениям между Турцией и Персией и о защите местных армян-католиков. Только во время отсутствия консула переводчик—хранитель печати Фредерик-Бенуа Гарнье (Frédéric Benoit Garnier) подписал в 1845 г. два интересных донесения о действиях одного агента Шамиля, вербовавшего людей в армию среди населения турецких пограничных провинций, а затем об аресте этого человека. Лишь в 1852 г. появились за подписью нового консула Эд. Виетта (Ed. Wiett) донесения, содержавшие довольно точные сведения, так например, сообщение Хаджи Мурада (Hadji Mourad), о неудачном налете Шамиля на Кайтаг (Kaitag) и об успешной рубке лесов в Чечении. Его преемник Шарль-Александр де Шалле (Charles-Alexandre de Challaye)⁵⁷ прибыл через несколько месяцев, в момент, когда напряженные отношения достигли предела.

Всюду задумывались над вопросом, вступит ли Франция в конфликт на стороне Турции, и в какой форме. Очень скоро Шалле пришлось столкнуться с проблемой французских политических целей на Кавказе. В 1852 г. в Эрзеруме появился французский авантюрист, решивший присоединиться к Шамилю и вызвать мятеж всех кавказских племен с целью нападения на Севастополь. Его план, разработанный с помощью польских и венгерских офицеров, убежавших в Турцию, был разглашен еще до того, как был окончательно уточнен, и консулу пришлось принять меры для прекращения этой неуместной инициативы.

Сразу же после объявления Русско-турецкой войны начали все чаще распространяться слухи о возможной военной интервенции Франции и Шалле предложили высказать свое суждение относительно своевременности отправки французского экспедиционного корпуса в Закавказье. Но у него не было достаточной подготовки для выполнения этой задачи, так как он был лишь в общих чертах знаком с политической обстановкой в кавказских провинциях и начал собирать без разбора всевозможные слухи о силах воюющих сторон и суждениях случайных советников. А их было множество: какой-то французский купец, прибывший из Тифлиса, полковники Меффре (Meffray) и Гюйон (Guyon), откомандированные офицеры турецкой армии, какойто сардский путешественник и многочисленные перебежчики из русской армии. Все настаивали на необходимости отправки какого-либо соединения, даже французской дивизии, одно

лишь присутствие которой, по их мнению, было бы достаточно, чтобы возбудить энтузиазм христианских народов Кавказа, грузин и даже армян, и спровоцировать всеобщее восстание. Шалле, попав под влияние возбуждения, царившего вокруг него, без соблюдения какой-либо осторожности, передавал все эти слухи, соответствовавшие его собственным предубеждениям, ибо, если он сначала так оптимистически оценивал мощь турецкой армии, что, по его мнению, после общей победы 58 , французское военное присутствие в этом районе открыло бы для Франции блестящие перспективы, то вскоре бездействие оттоманских войск начало его беспокоить, а их неудачи его явно уже встревожили, и с тех пор он уже настойчиво просил французское командование принять решение. Такой же позиции придерживался Гаспар Кастань (Gaspard Castagne)⁵⁹, в начале 1854 г. уже являвшийся управляющим консульством и заменивший Шалле после февраля 1855 г. Доводы, которыми он пользовался, чтобы убедить свое правительство, были иными: по его мнению, русские были огорчены новостями, поступавшими из Крыма, который они уже считали потерянным и были уверены в том, что французы и англичане теперь смогут заняться Грузией, в то время как русские отчаялись в своей способности ее защищать 60. Что же касается сведений, поступавших из Кавказа, русские довольствовались ложным сообщением о смерти Шамиля, сообщением, которое управляющий консульством счел целесообразным подтвердить в мае 1855 г.

До конца войны Эрзерум был полностью изолирован от кав-казских фронтов и консулы уделяли все свое внимание событиям, происходившим в Анатолии. Чтобы понять чувство растерянности, охватившее работников этого консульства, следует напомнить, что в довершение всего, спустя несколько месяцев Шалле и Кастань умерли от холеры.

2. ОТ ИНФОРМАЦИИ ДО САМОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В дипломатических архивах нет каких-либо сведений о том, как французское правительство реагировало на донесения консулов, но есть все основания полагать, что его реакция была очень сдержанной. В этих краях политическое влияние Франции было традиционно слабым, и если официальные круги не решались вмешиваться в кавказские дела до 1830 г., когда речь шла о поддержке инициативы консула Гамбы в области торговли, то они, тем более, должны были воздержаться от вмешательства в конфликт, не затрагивавший интересы Франции, и о котором у них не было точного представления. Правительство, очевидно, ничего не ожидало от своих консулов, кроме ведения наблюдений.

Как это уже указывалось выше, свое задание по сбору информации консулы выполняли более или менее удачно, передавая отрывочные сведения, полученные с большим трудом, но до начала Крымской войны все воздерживались от каких-либо политических действий и не побуждали французские власти к вмешательству. Консулы, находившиеся в России, знали, что в самом русском обществе люди избегали вести какие-либо разговоры о кавказских делах⁶¹, этим консулам было прекрасно известно недоверие, с которым царь Николай I относился к режиму Июльской Монархии, считавшемуся слишком либеральным, и поэтому они тщательно воздерживались от каких-либо комментариев, которые могли бы показаться политическим вмешательством. Более всего они опасались, как бы их осторожные усилия не были сведены к нулю из-за публикации в западной прессе, не щадившей русского империализма⁶², сведений о героических подвигах горцев.

Растущее влияние общественного мнения

В течение долгого времени кавказские сведения совершенно не отражались на общественном мнении во Франции. Черкесией и Дагестаном, считавшимися далекими полудикими странами, могли интересоваться лишь путешественники или ученые. Однако уже в конце XVIII в. были опубликованы описания, рассказы путешественников, научные исследования, свидетельство-

вавшие о том, что жизнь горцев была хорошо известна. Авторами большинства этих работ были иностранные авторы Роберт Лайэль (Robert Layall), Джордж Эллис (Georges Ellis), сэр Роберт Кер Портер (Robert Ker Porter), Петер Симон Паллас (Peter Simon Pallas), Юлиус фон Клапрот (Julius von Klaproth), но наиболее ценные труды были переведены, либо сразу написаны пофранцузски.

В начале периода, который мы изучаем, во взаимоотношениях России с кавказскими народами возникали новые факторы, а именно: энергичные меры генерала Ермолова, затем внезапное запрещение иностранной торговли в этой стране, наконец, жестокие карательные экспедиции маршала Паскевича, и сильное сопротивление, которое ему оказали горцы. Если судить по опубликованным во Франции трудам или статьям, западноевропейские свидетели, наблюдая за этими событиями, не проявляли никакой симпатии к черкесским племенам. Конечно, в Тифлисе и, особенно, в Одессе, возникло пацифистское движение, но его инициаторы руководствовались не столько идеологическими или сентиментальными соображениями, сколько стремлением восстановить безопасность, а также коммерческими интересами; сначала они пользовались поддержкой герцога Ришелье (Richelieu) и его преемника Ланжерона (Langeron), но потом стали замечать, что очутились в изоляции 63 , которая все более усиливалась, и уже в 1821 г. Тэбу де Мариньи (Taitbout de Marigny) писал о своих предчувствиях следующее: «С чувством боли приходится думать о том, что император Александр, которому ежедневно поступающие жалобы на них (черкесов) уже, наконец, надоели, вероятно, решит воевать с их страной. Генерал Ермолов, командующий войсками в Грузии, уже давно совершает нападения на народности, живущие в районах, граничащих с его губернией, (...), но единственным результатом этих операций были бы лишь некоторые выгоды, полученные ценой больших потерь; впрочем, какую пользу могла бы принести война против этих воинственных народов в незнакомой труднодоступной стране, где так много ущелий и огромных лесов, ведь ее жители, которым уже нечего будет терять, после того как они подожгут свои жилища, уйдут в недоступные горы, откуда даже в случае завоевания нижней зоны этого края, они еще долго будут беспокоить победителей, которым там постоянно придется

содержать армию (...). Герцог Ришелье, знавший черкесов и видевший их такими, какими они являются в действительности, понял эту великую истину и никто, разумеется, лучше него не заслужил представить императору Александру проект, в котором речь шла о счастье народа. Его замыслы следовало бы осуществить, и впечатлительный человек был бы взволнован, увидев новую нацию, вышедшую из Кавказских лесов и обязанную дарами цивилизации государю-философу и добродетельному министру. Увы! Почему же несколько человек разрушили столь прекрасные мечты!»⁶⁴.

Однако в других суждениях скорее подчеркивалась необходимость принятия меры для прекращения грабежей, высказывалось пожелание победы Российской Империи, защитницы цивилизации, и предлагались нелепые планы того, что следует осуществить в будущем после покорения этого края. Вот что писал Жан-Шарль де Бесс (Jean-Charles de Bess): «Когда безопасность людей и имущества будет, таким образом, прочно обеспечена, лишняя часть жителей перенаселенной Западной Европы сможет спокойно поселиться в этих областях, где она обретет счастье и будет жить в условиях благодатного климата в плодотворном крае. Эта эпоха скоро наступит и правительство уже приступило к осуществлению этого грандиозного замысла: оно старается оттеснить черкесов в горы»65.

Другой свидетель, современник этих событий, бывший офицер русской армии, радовался заключению Адрианопольского договора и оккупации Анапы и считал эти события началом полной аннексии. Он писал: «Скажем точнее: речь идет уже не о господстве России над Черкесией; необходимо осуществить объединение обеих стран в одну единую Россию, во всяком случае, предстоит выполнить прекрасную миссию. Здесь в ее состав войдут народности, которые захотят европеизироваться; что же касается других народностей, которые желают оставаться азиатскими, то Россия их покорит, задушит, но не силой, а лишив их обычных средств существования, путем наказаний за грабежи и работорговлю. Иногда он, однако, добавлял: «Не следует скрывать большие трудности, которые предстоит преодолеть для достижения этой цели»⁶⁶.

Что бы то ни было, но некоторые из этих редких письменных сообщений, из которых, впрочем, отдельные донесения

поступили с опозданием, были известны лишь очень ограниченному кругу людей. Большая же часть французского общества, глубоко потрясенная подавлением восстания в Польше и болезненно воспринявшая безразличное отношение французского правительства к этим событиям, совершенно прекращало интересоваться судьбой далеких черкесских народов. До 1835 г. информационная пресса об этом не сообщала ни слова. Затем внезапно возникли многочисленные обстоятельства, в результате которых газеты были вынуждены заинтересоваться кавказскими проблемами. Прежде всего, это произошло в Англии. В течение 1835 г. в Лондоне и в Париже была одновременно издана брошюра⁶⁷ одного анонимного английского дипломата (позже стало известно, что это был Дэвид Уркварт (David Urquhart)), который выступил против постепенного захвата черноморского побережья и предупреждал об этой опасности французскую общественность: Россия, вероятно, сначала попытается установить свой контроль над проливами, и затем над всем Средиземным морем, и тогда свободному мореплаванию будет положен конец; сохранение мира было в интересах России, и настало время, чтобы и Россия объединилась для широкого наступления, в результате которого вспыхнуло бы восстание всех народов Кавказа.

«Ёсли принять во внимание, что все провинции Грузии лишь ждут сигнала, чтобы сбросить с себя московское иго, что в кавказских странах сотни тысяч жителей, смелых и постоянно вооруженных, даже сегодня живут либо в состоянии фактической независимости, хотя и ослабленной вследствие отсутствия единства, либо же только притворяются, что покорились, но в любой момент готовы напасть на русских, находящихся в пределах их досягаемости (...), если учесть всеобщую ненависть к России, которая объединяет все народы любых вероисповеданий, то можно легко представить себе, как трудно было ей удержать все свои позиции»⁶⁸.

Но автор особенно обвинял, называя по имени министров Луи-Филиппа, Себастиани (Sebastiani) и де Риньи (de Rigny), за то, что они поддались русской пропаганде и играли роль, вредившую подлинным интересам Франции; за то, что «они прислушивались к лживым оракулам». И, наконец, он, не колеблясь, объявил другого французского дипломата на Востоке агентом русской политики и утверждал, что Россия, пользуясь своими

переводчиками, держала под своим контролем весь дипломатический корпус в Константинополе.

«Следует отметить (...), что оба французских консула проводили в Константинополе политику, отвечавшую подлинным интересам своей Родины, хотя их правительство, видимо, не одобряло этой политики. России удалось найти средства, чтобы нейтрализовать последствия союза французских и английских послов. Один французский дипломат Буа-Ле-Комт (Bois Le Comte), посланный к Мехмету Али (Mèhèmet-Ali), сторонник Реставрации и России, бывший государственный секретарь при Полиньяке* (Polignac), по прибытию в Константинополь был рекомендован правительству Порты австрийским посланником в качестве настоящего представителя политики правительства Тюильри и пользовался каждым удобным случаем для осуждения политики, проводимой послом своего государства, и для выражения своей убежденности о необходимости тесного союза между Францией и Россией»⁶⁹.

«Почти все представители европейской дипломатии, аккре-

«Почти все представители европейской дипломатии, аккредитованные в Константинополе, находятся в распоряжении России. Это предоставляет ей огромные возможности, свое превосходство. Свое превосходство над Турцией Россия обеспечивает путем распространения ложных сведений, которые так внушают туркам, что они слепо им верят (...). Эту политику Франция как поддерживала, так и выступала против нее. Переводчики, естественно, поддерживают ту державу, которая оплачивает их работу. Жалованье французского переводчика не обеспечивает ему средств, необходимых для образа жизни, соответствующего его положению (...). Английский человек – человек уважаемый, но турки его уважали бы еще больше, если бы он не был бы братом российского переводчика»⁷⁰.

том российского переводчика». По словам адмирала Руссена (Roussin), французского посла, этот памфлет пользовался огромным успехом в Турции, где его все читали. Во Франции он был серьезно изучен, хотя и вызвал раздраженную реакцию некоторых газет⁷¹. Через несколько месяцев стало известно, что Уркварта (Urquhart), назначенного секретарем в Константинополе, оказывается, принимал король

^{*} Примечание переводчика. Князь Полиньяк (1780–1847 гг.), с 1829 г. до июля 1830 г. был главой французского правительства. Проводил крайне реакционную политику, в результате которой во Франции в июле 1830 г. вспыхнула революция, свергнувшая короля Карла X и его правительство.

Луи Филипп, очень заинтересовавшийся его книгой и уверявший, что Франция окажет энергичную поддержку усилиям Англии, направленным против России⁷².

Едва общественное мнение, взбудораженное этим памфлетом, успокоилось, как на рынке появилась новая брошюра, еще более сенсационная и имевшая большее значение, ибо в ней были опубликованы секретные документы, свидетельствовавшие о причастности, или, во всяком случае, молчаливом согласии английского правительства⁷³. Этот сборник материалов «Портфолио» (Portfolio), содержавший сорок один документ, опубликованный в 1836 и 1837 гг., ставил своей целью показать, опираясь на факты, вредные последствия русской политики и

опасности, которой она подвергала западные страны.
Первый том, немедленно распространенный во Франции, ознакомил публику с жизнью настоящей черкесской нации, показал значение ее борьбы и содержал текст декларации независимости, только что провозглашенной знатными людьми этой страны. Среди других документов было сообщение одного английского офицера о его пребывании в Черкесии. Он подчеркивал ту решительную поддержку, которую в международном плане оказал черкесскому движению некий Дауд (Daoud) (иногда его звали Дауд Беем, Дауд Баба или Дауд Паша), за несколько лет до этого совершивший поездку по всей Черкесии и воодушевивший ее народы⁷⁴. Этот Дауд был ни кто иной, как Дэвид Уркварт (David Urquhart), который, совместно с английским послом в Константинополе лордом Понсонби (Ponsonby)

ским послом в константинополе лордом Понсоной (Ponsonby) был инициатором этой публикации.

Сборник «Портфолио» (Portfolio) наделал много шуму, и не только в Англии, где его значение превзошло надежды его авторов⁷⁵. Опубликование «Портфолио» произвело среди восточных народов беспрецедентную реакцию. Этот документ постоянно переводят на турецкий язык, и хотя эти переводы не печатают, они передаются в семьях из рук в руки (...). Но наибольший эффект эта публикация произвела среди черкесов, что этот документ облудов сталов та междура. мент обладает силой талисмана, швыряют его русским и, таким образом, угрожают им. Автором этих утверждений, опубликованных в «Портфолио» в качестве отрывка из одного письма, полученного из Константинополя⁷⁶, вероятно, был сам издатель, и они вызывают сомнения. Но Воронцов во время своей морской

поездки летом 1836 г. установил, что брошюра «Портфолио» получила очень широкое распространение среди местного населения Анапской области, так же, как, так называемое воззвание английского короля, копии которого наводнили весь этот край⁷⁷. Точно такое суждение высказало в Константинополе французское посольство, которое особенно опасалось назначения Уркварта на дипломатический пост в такой момент. Что могло означать такое назначение, кроме решимости Англии вмешаться в конфликт, и разве перспектива вовлечения в этот конфликт не угрожала Франции? Уже в конце 1835 года адмирал Руссен (Roussin) писал: «Позиция этого человека, выраженная в его речах и публикациях такова, что если спустя три месяца после его прибытия английский флот не появится в Дарданелах, его назначение показалось бы необъяснимым»⁷⁸.

Из-за своего высокомерия Уркварт вскоре стал невыносимым для посла Понсонби, который его дезавуировал. Однако в декабре 1836 г. Уркварт еще находился в Константинополе и хвастался перед турками тем, что лишь он один пользовался доверием английского правительства. Таким было положение, когда стало известно о захвате русскими английского корабля «Виксен» (Vixen) и об аресте его командира Джеймса Белла (James Bell). Напряжение в дипломатическом мире достигло предела.

Напряжение в дипломатическом мире достигло предела. Автор «Портфолио» воспользовался этим происшествием, чтобы еще более взбудоражить общественное мнение, считал этот захват корабля пиратским актом и рассматривал его как причину для объявления войны (casus belli)⁷⁹. Вскоре стало известно, что Белл, пользуясь поддержкой Уркварта, оказывается, сам создал инцидент и с этой целью занялся открытой контрабандой вдоль берегов Черкесии, чтобы спровоцировать международный спор о незаконности блокады, навязанной русскими. И вот тогда английские власти оказались в центре внимания. Будут ли они защищать инициативу Белла, потребуют ли возврата «Виксена», будут ли угрожать России интервенцией? Правительство лорда Пальмерстона под давлением общественного мнения было вынуждено отчитаться о своих намерениях перед Парламентом.

Во Франции основные органы прессы по-разному реагировали на эти события. Газета «Журналь де Деба» (Journal des Dèbats), выражавшая мнение правительства (правый центр),

уже широко осветившая первый памфлет Уркварта⁸⁰, и при этом, дав ему скорее положительную оценку, подчеркнула в статье Сен-Марка Жирардена (Saint-Marc Girardin) серьезное положение, создавшееся в связи с захватом «Виксена» и подхватила опубликованные в немецкой прессе статьи, предупреждавшие о возможности превращения Черного моря в «Московское озеро», и выражавшее опасение в связи со складывающейся угрозой возникновения мирового конфликта. Автор цитировал следующее высказывание, опубликованное в «Огсбургской газете»: «Дело о захвате «Виксена» (...) является одним из этих проявлений борьбы, которая волнует мир от Ганга до Ледовитого моря и от реки Тахо до Великой Китайской стены, ужасной борьбы, и все друзья человечества должны отдалить и не допустить этот взрыв»⁸¹. Статья выражала сожаление в связи с преступным, равно-

Статья выражала сожаление в связи с преступным, равнодушным проявлением на Западе во время заключения Адрианопольского договора, на котором основывались претензии русских: указывалось, что уступка Турцией Черкесского побережья не имела никакого юридического или исторического основания и Европа была обманута.

В настоящее время нужно было тщательно следить за независимостью этих провинций.

Такое отношение, очевидно, вызывало насмешки со стороны оппозиции. Легитимистская* газета «Ля Котидьен» (La Quotidienne) высмеяла королевское правительство, утверждая при этом, что оно напрасно провоцировало Россию, ибо уже было решено, что «против будут выступать лишь колонки газеты «Журналь де Деба» (Journal des Dèbats). Что же касается органа республиканской партии «Ле Насьональ» (Le National), издаваемого Арманом Карелем (Armand Carrel), то эта газета повела яростную кампанию одновременно против газет «Журналь де Деба» (Journal des Dèbats) и против газеты «Морнинт Кроникл» (Morning Chronicle), против правительства Англии и Франции. По мнению газеты «Ля Котидьен» – Франция совершенно не была заинтересована в том, чтобы поддерживать Англию в этом деле, которое ее не касалось. Газета писала: «Мы уже об этом говорили и повторяем, что Франции нечего опасаться того, чего опасается

^{*} Примечание переводчика. Легитимистами во Франции называли сторонников королевской династии Бурбонов. Они отличались крайне реакционными убеждениями.

Англия, русские претензии не мешают Франции и не противоречат ее интересам, и даже если Константинополь очутился бы в руках царя, это не затронуло бы интересы Франции в области политики торговли» 82 .

Франция совершенно не заинтересована в том, чтобы выступать против политики России на Востоке, совершенно не заинтересована в оказании помощи Англии. Великобритания отняла очень многое у Франции, но не предложила никакой компенсации⁸³. Каррель утверждал, что единственным результатом разрыва отношений с Россией было бы усиление политической изоляции Франции, не оправданное какой-либо веской причиной, так как было очевидно, что Россия никогда не отступит, а Англия сама никогда не решится вступить в войну на стороне Черкесии.

«Мы допустили бы ошибку, если столь незначительному значению придали бы такое важное значение, сейчас мы уже привыкли к этим воинственным выпадам (à ces rodomontades belliqueses) газеты «Морнинг Кроникл» (Morning Chronicle) и кабинета вигов* и знаем, как их следует оценивать. «Виксен» окончательно конфискован и никто ничего требовать не будет» 84. «Такая политика уже давно продолжается, и только что по-

«Такая политика уже давно продолжается, и только что повторилась» в связи с вопросом о «Виксене» и побережье Абхазии; из двух держав одна решила пассивно терпеть развитие происходивших событий до тех пор, пока они дойдут до крайностей, другая же решила остановиться лишь перед крайними последствиями. Россия очень любит мир, но еще больше любит Черкесию»⁸⁵.

Директор газеты «Ле Насиональ» (National) точно предвидел: дело конфискации «Виксена» было замято так же быстро, как оно возникло; Уркварт был уволен и отозван в Лондон и, наконец, Пальмерстон**, заявив в Парламенте, что Белл*** нарушив установленные правила, отказался от возбуждения преследования Во всяком случае, английские власти достигли одной из своих основных целей, так как им удалось встревожить французскую общественность, и они добились того, что кавказские события стали актуальной темой. Отныне они стали регулярно обсуждаться в ру-

^{*} Примечание переводчиков. Виги – английская политическая партия в XVII– XIX вв., выражавшая интересы обуржуазившей аристократии.

^{**} Примечание переводчика. Пальмерстон (1784–1865). Английский государственный деятель в 1855–1858 гг. и с 1859 г. был премьер-министром.

^{***} Примечание переводчика. Белл был капитаном английского корабля «Виксен», конфискованного русскими властями.

бриках, посвященных иностранной политике и иногда были даже темой некоторых передовых статей. Таким образом, французская общественность убедилась в том, насколько серьезной и ожесточенной была борьба, ежегодно требовавшая мобилизации новых соединений русской армии; французы узнали названия различных племен и имена вождей горцев, чьи подвиги обрели международную славу, узнали о первых проявлениях мюридизма еще до того, как об этом местные французские консулы сообщили в своих донесениях: «Еще совсем недавно был очень знаменитый вождь, которого считали пророком, он долго воевал против русских и, вероятно, приобрел бы точно такую же славу, которой пользовался Абделькадер*, если бы событиями, происходящими на Кавказе и на берегах Каспийского моря общественность интересовалась бы в такой степени, в какой она интересуется событиями на территории древней Нумидии и на берегах Средиземного моря»⁸⁷.

Однако роль Шамиля стала широко освещаться в ежеднев-

ной прессе, лишь начиная с 1844 г.

«Имя Шамиля у всех на устах, оно прославляется в народных песнях, а его подвиги вдохновили племена, сохраняя дружеские отношения с русскими, частично поддерживают и его⁸⁸. Имя Шамиля воодушевляет жителей этих краев»⁸⁹.

Информация, публиковавшаяся во французских газетах, чаще всего повторяла то, что сообщалось в иностранной прессе, особенно немецкой и английской, и иногда в «Санкт-Петербургской газете» (Journal de Saint-Pètersbourg). Конечно, они подбирали для своей информации материал в соответствии со своими политическими взглядами, и некоторые из них продолжают подчеркивать дикость горцев или успехи русских войск⁹⁰, но газета «Ле Насьональ», которая еще недавно яростно осуждала действия Белла и Уркварта, уже охотно цитировала раздававшиеся с различных сторон призывы к интервенции западных держав на Кавказ. Таким образом, анализируя одну статью, опубликованную в газете «Геральд Морнинг» (Herald Morning), газета «Ле Насьональ» писала: «Для свободы еще ничего не было сделано (...). Несколько предприимчивых англи-

^{*} Примечание переводчика. Абделькадер (1808–1883) – арабский эмир. В 1832– 1847 гг. возглавлял алжирское национально-освободительное движение, ставившее своей целью освобождение Алжира от французского колониального господства.

чан посетили эту страну за свой счет, и прожили среди местных жителей достаточно долго, чтобы изучить положительные черты их характера и ознакомиться с их порядками и обычаями, в которых многое достойно восхищения, в них нет ничего такого, что можно было бы осуждать (...). Для Европы их судьба безразлична, в то время как держава, являющаяся явным врагом свободы, делает все возможное, чтобы навсегда уничтожить ее на Кавказе»⁹¹.

В связи с другой статьей, опубликованной в газете «Мальта Таймс» (Malta Times), газета «Ле Насьональ» писала: «Европейским государям следовало бы вмешаться, чтобы прекратить эту кровопролитную войну» 2.

Таким образом, к черкесам начали относиться с сочувствием, которое, постепенно росло, в то время как мысль о необходимости интервенции держав была продолжена в новых публикациях, опубликованные в брошюре «Портфолио».

В 1837 г. Ян Чинский (Jean Czynski) характеризовал черкесов как «спокойный, мирный народ земледельцев и пастухов, которые, конечно не осознают того, что защищая каждую пядь этой своей последней позиции, которою Россия настойчиво стремится захватить любым путем, они, тем самым, создают самое мощное препятствие, мешающее России завоевать Турцию, Персию и Индию». Чинский призывал к оказанию хотя бы моральной поддержки этим племенам и говорил, что нужно было постараться их объединить 3. В 1842 г. появился другой памфлетист, называвший себя морским Сципионом (Scipion Maron) или «Аристофаном, Парижским гражданином, он обратился с призывом организовать прочеркесское движение, которое можно было бы сравнить с филэллинизмом и хвастался тем, что в якобы состоявшейся беседе с графом Чернышевым он обнаружил,

^{*} Примечание переводчика. Знатный древнеримский род. Его наиболее известными представителями были: Сципион Африканский (235–183 гг. до н.э.), который ликвидировал господство Карфагена в Испании, а затем став консулом, одержал победу в сражении при Заме, победоносно завершил вторую Пуническую войну, и Сципион Эмилион (185 или 184–129 гг. до н.э.) Став консулом в 147 г. до нашей эры, завершил третью Пуническую войну, окончившуюся разрушением Карфагена.

^{**} Примечание переводчика. Аристофан (384–322 гг. до н.э.), – выдающийся древнегреческий драматург, писавший комедии.

^{***} Примечание переводчика. Филэллинизм-организованное в начале XIX века международное движение за предоставление независимости Греции.

что русские власти, узнав о пропаганде французской прессы, призывавшей поддержать независимость Черкесии, ужасно испугались. Правда, этот автор, ставший в 1848 г. кандидатом на должность консула, выражая свое мнение, допускал такие крайние преувеличения, что его читатели испытывали некоторое недоумение.

«Санкт-Петербургский императорский двор всегда опасался, как бы либеральное движение не стало поддерживать борьбу черкесов, как когда-то оно поддерживало греков. А от чего это зависит? От нескольких парижских газет. Таким образом, Россия, столь презирающая всю французскую прессу, тайно признается в том, что боится этой ужасной власти прессы, власти, над которой она пытается открыто смеяться (...).

Узнав об этих опасениях, которые тревожили русских, я этим воспользовался в беседе с одним из членов Совета Империи (...). Согласитесь, – говорил я ему, – что Луи-Филипп очень добр, если приняться за трудную задачу, заключающуюся в том, чтобы успокоить республиканские страсти во Франции (...), а ведь ему было бы значительно легче поступить по-другому, чтобы утолить эту неудержимую жажду бунтарства, это брожение умов, такому движению можно было бы дать удобную отдушину, направив всех этих буянов в Черкесию. Что бы вы сказали, если бы король Луи-Филипп, в ответ на действия, мало подобающие Вашему императорскому Двору, издал бы указ, согласно которому чины, полученные любым французом в кавказских армиях, были бы признаны?»⁹⁴.

Во всех публикациях поражает крайне поверхностное представление их авторов о кавказской среде и кавказских проблемах. Газеты не различали разных фронтов, ошибочно называли Шамиля «вождем черкесов», не стремясь при этом показать ни сложную структуру племен, ни колебания русской политики. Иногда в этих публикациях появлялись прямо-таки ребяческие комментарии, цель которых заключалась только в том, чтобы изумить читателей. К таким комментариям следует отнести, например, напоминание о древнем пророчестве относительно предстоящего возрождения Ислама, причем это возрождение они старались связать с судьбой, которая была суждена Шамилю⁹⁵.

Глубокие исследования следует искать не в ежедневной прессе или в памфлетах. Такие исследования стали все чаще появляться как раз в период 1840–1845 гг. в форме докладов о путешествиях, исторических обзоров, отчетов об археологических, этнографических или геологических экспедициях, и каждое из таких исследований подвергалось политическому анализу. Уже мемуары Лонгворта (Longworth), опубликованные в Лондоне в 1840 г. 6, и мемуары Белла, переведенные на французский язык в 1841 г. 7 далеко выходят за рамки полемики и содержат, помимо очень интересного повествования о том, с чем эти люди ознакомились на собственном опыте, множество замечаний об учреждениях, нравах и политической жизни черкесов. Эти материалы, в значительно большей степени, чем памфлеты Уркварта, возбудили у западноевропейской интеллигенции сочувствие к черкесскому освободительному движению.

В отличие от английских наблюдателей, проникавших в среду бунтующих народов, но никогда не выходивших за пределы Черкесии, французские путешественники смогли долгое время оставаться в Центральном и Западном Кавказе и сообщали западноевропейской общественности сведения совершенно нового характера; однако, в отличие от английских наблюдателей, французы путешествовали под защитой и контролем русских властей, а это существенно ограничивало их свободу передвижения, за исключением нескольких случаев , они бывали только среди покоренных или нейтральных племен, языка которых они не знали, и судить о племенах, являвшихся силой восстания, им приходилось по наблюдениям из лагеря их противника.

Интерес их сообщений заключался, следовательно, не столько в описании непокоренных областей, сколько в наблюдениях, касавшихся русской армии и в суждениях о закавказской губернии. Зато с этой точки зрения документальная ценность этих сообщений бесспорна. Местные племена, так же как штабные офицеры или ответственные должностные лица, занимавшие посты в русской администрации доверяли, видимо, значительно больше инженерам, ученым или простым иностранным путешественникам, приезжавшим в частном порядке, чем консулам или агентам, занимавшим официальное положение. Кроме того, эти свидетели, публиковавшие материалы о своих впечатлениях после своего возвращения во Францию, имели возможность высказываться более откровенно, чем сами консулы, ибо делали это уже после того, как прошло некоторое время,

необходимое для правильной оценки событий, и, не были обязаны соблюдать осторожность, необходимую для дипломатических работников. Все они приходили к одинаковым выводам, осуждавшим политику России и методы ее армии. Полагают, что одна из первых публикаций такого рода произвела глубокое впечатление на придворных царя Николая I^{99} , ибо впервые в серьезном многотиражном журнале были опубликованы сведения о слабости русской армии и скандальных историях, в которых она была замешана. Кроме того, автор опубликовал серьезные, представлявшие исключительную ценность высказывания генералов и даже самого губернатора. Беседуя с иностранным наблюдателем, Головин не боялся осуждать систему завоевания, применявшую любые методы и навязанную императором Анреп (Anrep), критиковал гражданскую администрацию барона Гана (Hahn), а Грабе (Grabbè), Врангель (Wrangel) и Раевский (Raevskij) открыто говорили о своих разногласиях: все были не согласны с воинственной политикой царя: «Все (генералы) осуждают захватническую политику, никто в перспективе не видит такого результата, ради которого стоило бы подвергаться опасностям, которые им угрожали. Все губернские служащие были в отчаянии. Свое отвращение они выражают в такой раздраженной форме, которая была совершенно необычной для людей, находящихся под гнетом деспотической власти императора. Почти все проклинают тот день, когда Россия переступила границу Кавказа» 100.

Сам же автор этой статьи утверждал, что вовсе не хотел причинить какой-либо ущерб России и подорвать престиж ее армии, он даже подчеркивал, что «выражает дань уважения просвещенным людям, понимающим, что можно говорить о прискорбных злоупотреблениях, не испытывая при этом никакой вражды к виновным лицам, или их правительству». Тем не менее, он разоблачал раболепное преклонение властей перед царем, бездарность всех правителей Кавказа, занимавших свой пост после отъезда Ермолова, и осуждал бесчинства, совершаемые должностными лицами всех рангов. Он писал: «В деревнях, где я бывал, мне приходилось видеть, с каким недоверием местные жители относятся к русским (...). Самый последний солдат, считая себя представителем власти, в своем обращении с туземцами допускает неслыханную жестокость. Офицеры же, вместо того, чтобы пресечь грубое поведение своих подчиненных, поощряют

их. Очевидно, они полагают, что такими методами они должны цивилизовать» 101 .

И, наконец, он призывал возвратиться к политике мирного сосуществования, изображая горцев как миролюбивых пастухов и земледельцев, которые взялись за оружие лишь для того, чтобы защищать себя. Некоторые генералы ему сообщили об огромном влиянии Шамиля, которое могло бы стать еще более прочным, если бы русские не изменили бы своей политики: «Когда-нибудь Шамиль погибнет (...), и тогда вместо него появится новый пророк».

Затем появились другие работы и статьи, менее резкие по своему тону, как например исследование Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpèreux)¹⁰² или, точнее, анализирующие причины беспорядка, царившего в русской армии, как, например, статья молодого топографа Оммэра де Гелла (Hommaire de Hell)¹⁰³, но все они открыто говорили то, о чем консулы тайно сообщали в своих донесениях, предназначенных для узкого круга министерских работников.

В результате революционных движений, возникших в 1848 г., это течение усилилось. По мере того, как во Франции и всей Западной Европе росло враждебное отношение к России, укреплялась и популярность Шамиля, производившая впечатление странного контраста, если ее сравнить с одиночеством, в котором в действительности находился этот воин, мистик и фанатик: его образ даже превратился в источник вдохновения для деятелей искусства 104 , поэтов 105 , романтиков 106 и драматургов 107 .

В 1861 г. один памфлетист отметил, что еще до Абделькадера Шамиль «завоевал бульварную славу». Впрочем, и после смерти Шамиля, в течение долгого времени, вплоть до начала XX века, западноевропейских читателей продолжали знакомить с неизданными материалами, отражавшими его эпопею¹⁰⁸.

Французские стратеги о завоевании Кавказа

Антицарская пропаганда и различные освободительные движения, пользовавшиеся поддержкой во Франции, должны были неизбежно принять форму призывов к организации вооруженной интервенции на Кавказе. Мысль об отправке французского экспе-

диционного корпуса, который должен был действовать, поддерживая связь с абхазцами и черкесами, не была новой. Уже в 1812 г. накануне войны с Россией, французский консул в Синопе (Sinope) Паскаль Фуркад (Pascale Fourcade) говорил в своих донесениях о такой необходимости¹⁰⁹. Затем, до 1848 г., к этому призывали памфлетисты, которых почти никто не читал. Яростная кампания, начатая Урквартом и его сборником «Портфолио» была воспринята скорее отрицательно и скоро прекратилась.

На пороге пятидесятых годов сложилась другая обстановка, ибо уже всей Европе стало известно о поражениях, которые наносили русской армии несколько горских племен в течение десяти лет, и это вдохновляло общественное мнение. Французское правительство не могло не считаться с этим движением, тем более что оно соответствовало политике поддержки угнетенных народов, которую проводил Наполеон III. Но он не решался отказываться от своей традиционной осторожности, и ему не хотелось, чтобы его вовлекли в авантюру, которая была бы в интересах Англии. Секретные инструкции, которые французский министр иностранных дел Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys) отправил послу в Константинополь, хорошо показывает пределы обязательств Франции в тот период, когда разразился конфликт между Россией и Турцией и флот союзников уже собирался проникнуть в Черное море.

«Я вам уже говорил, генерал, что наша эскадра в зависимости от обстоятельств, должна пройти через Босфор и проникнуть в Черное море. Однако, прежде всего, не следует забывать, что преждевременное появление нашего флота в некоторых прибрежных районах, Россия могла бы воспринять как провокацию, которую следует избегать. В связи с этим, я советую вам прочитать секретное донесение, которое я отправил господину де Ля Куру (de La Cour). 10 числа текущего месяца, в котором указывается, что Англия могла бы быть заинтересована в том, чтобы не допускать военных действий в азиатских районах и беспокоить русских в их закавказских провинциях. Если сами турки примут такой план ведения войны, вы, конечно, не будете этому препятствовать, но прежде всего вы должны интересоваться европейским аспектом восточной проблемы¹¹⁰.

Через несколько недель в результате объявления войны и высадки союзных сил в Варне от этих осторожных расчетов не оста-

лось и следа, ибо отныне оперативная инициатива принадлежала скорее не дипломатам, а военному министру и штабу союзников, где говорили на совершенно ином языке. Там уже, видимо, допускали возможность военной интервенции на Кавказе.

Стратеги уже строили грандиозные планы, которые, к сожалению, мало учитывали политические реальности или настроение местных народов. Можно полагать, что о положении на Кавказе французские штабные службы по-прежнему имели лишь некоторые примитивные представления или же не усвоили того, что было написано в обзорах, составленных французскими консулами и дипломатами за последние пятнадцать лет, если только вообще они когда-либо изучали эти материалы. Поэтому секретные инструкции, направленные военным министром маршалом Вайаном (Vaillant) командующему Восточной армией производят странное впечатление.

Французский план предоставлял туркам возможность наступать на Тифлис и исходил из того, что «армию Шамиля» можно использовать в качестве вспомогательных войск, готовых к поддержке франко-английского наступления; в плане серьезнейшим образом говорилось о том, что эту армию необходимо направить вдоль Черноморского побережья, чтобы она дошла до границ Крыма!¹¹¹

Эти директивы кажутся поразительными, тем более что в момент их составления еще не удалось установить какую-либо связь с Шамилем, а офицеры, откомандированные на черкесское побережье, возвратившись после выполнения своего задания, сообщили очень неопределенные сведения относительно возможности получения помощи от черкесских племен¹¹².

Следует отметить, что после прибытия союзных армий всюду возник хаотический беспорядок. Судя по различным архивным документам, датированным 1854 г. по информационным сообщениям и разведывательным сводкам, поступившим от различных миссий, которые быстро следовали одна за другой, работали одновременно и встречались друг с другом, можно достаточно ясно представить себе суматоху, царившую во всех учреждениях в Париже, Лондоне и Константинополе. У каждого был свой план. В Париже очень активно начали переговоры об отправке на Кавказ Польского легиона, сформированного из эмигрантов и дезертиров русской армии¹¹³.

В 1852 г. один французский унтер-офицер старшина Эжен Гийени (Eugène Guilleny) предложил организовать восстание всех кавказских народов, используя для этой цели польских и венгерских офицеров, которые вступили бы в армию Шамиля, в то время как, организовав простой рейд, можно было бы уничтожить Севастопольские укрепления¹¹⁴.

Теперь уже сами консулы стали принимать участие в этой кампании и перестали соблюдать свойственную им осторожность. Эрзерумские консулы, охваченные паникой в результате развала турецкой Анатолийской армии, отчаянно просили об отправке какого-нибудь французского армейского корпуса, ибо считали, что лишь одно его присутствие окажется достаточным, чтобы пробудить энтузиазм и поднять боевой дух христианских населений Грузии¹¹⁵. В штабе союзников многие офицеры считали, что такое мероприятие окажет такое влияние и на черкесов, живущих на побережье¹¹⁶, в то время как автор одного анонимного доклада, по всей вероятности занимавший крупный пост, напротив, не советовал отправлять французский флот в ловушку¹¹⁷.

Но наиболее поразительным проектом был, разумеется, тот, который из Дамаска прислал Эдмон де Баррер (Edmond de Barrère). Как это уже было сказано, когда этот консул прибыл в Тифлис, он был охвачен энтузиазмом, но затем под влиянием Воронцова, ознакомившись с действительным положением на Кавказе, он уже стал придерживаться относительно умеренных взглядов, о чем свидетельствовали его донесения. А ведь советы, которые он давал в своих донесениях в 1854 г., когда он занял свой новый пост, казались скорее плодом бредового воображения, нежели итогом четырехлетнего опыта, приобретенного в этой стране. Вот что он тогда писал:

«Интервенция экспедиционного корпуса французской армии необходима, а в грузинских округах, оккупированных нашими войсками, нужно будет создать корпуса грузинских добровольцев, которые мы вооружим, и ими будут командовать наши офицеры.

Следует вооружить оттоманских христиан. Генерал де Гюйон (Guyon)¹¹⁸ требует 200 000 ружей. Ему следует дать как можно больше, и войти в Грузию и в Армению с христианскими батальонами. Следует проникнуть вглубь страны и непрерывно

продвигаться вперед. В случае, если русские нанесут нам поражение, нужно отступить в горы по направлению к Кахетии и Осетии, где, соединившись с Шамилем, можно продолжать военные действия. Все население, заметив, что мы продвигаемся вперед вместе с армянами и грузинами, которых мы вооружили, начнет борьбу в тылу русских. Если они захотят предпринять какую-либо операцию в направлении Эрзерума, следует отдать этот город, а затем напасть на них с тыла (...). Прямые связи английских офицеров с Шамилем открыли путь. Было бы очень полезно направить к нему французских офицеров, так как в армии Шамиля достаточно много поляков¹¹⁹.

Позволительно задать вопрос: какой прием оказал бы Шамиль многочисленным христианским батальонам, состоявшим из армян или грузин и отступающим через все его территории? Что же касается «прямых связей», якобы установленных англичанами с Шамилем, то они существовали только в воображении Баррера. Можно даже утверждать, что единственным результатом франко-английской дипломатии на Кавказе в 1854 и 1855 гг. был провал попыток установления связи с Шамилем.

Мираж Шамиля

Все планы, разработанные в Париже в первые месяцы Крымской войны, предусматривали ведение военных действий совместно с горскими племенами и Шамилем, которых стратеги часто отождествляли. В такое сотрудничество все верили как в постулат, который в январе 1854 г. был подтвержден торжественным обращением «черкесской и абазской нации», которое некоторые выборные лица направили Франции¹²⁰.

Оставалось определить совместно с вождями племен в какой форме они могли бы принять участие в войне; нужно было собрать сведения об их силах, нужно было удовлетворить их потребности в вооружении, скоординировать тактику боевых операций, а времени оставалось мало. Этим и объясняется и лихорадочная поспешность, которую проявляли тогда все военачальники союзных войск и импровизированный характер некоторых решений, отражавшихся в многочисленных письмах и телеграммах, содержащихся во французских архивах.

До мая 1854 г. в штабах царил беспредельный оптимизм. Два фрегата союзников «Кацик» (Le Cacique) и «Сампсон» (Le Sampson) провели разведку вдоль черкесского побережья и во всех населенных пунктах этого побережья, оставленных русскими, их приветствовали местные жители, заявившие о своей готовности атаковать врага по первому сигналу¹²¹. В Константинополе стало известно о предстоящей вскоре доставке десяти тысяч ружей, отправленных из Марселя для Шамиля, хотя не было никаких сведений о потребностях, диспозиции войск или даже местопребывании этого вождя¹²².

5-го мая франко-английская флотилия под командованием Лайонса (Lyons) и французского командира де Шабана (de Chabanne) вышла в море, чтобы разрушить несколько русских крепостей, высадиться в удобном месте и подготовить связь с Шамилем и постараться как можно скорее встретить Мохаммеда Эмина (Mohammed Emin), его наиба (наместника) в Черкесии¹²³. Одновременно многочисленные суда отправились из Константинополя в том же направлении, взяв на борт артиллерию, ружья и боеприпасы, а также множество влиятельных черкесских начальников, Исмаила Бея и Сефер Пашу. Их прибытие должно было стать сигналом к общему наступлению, а французскому командованию было разрешено использовать турецкие батальоны, которые могли бы ему понадобиться в случае возможных сухопутных операций¹²⁴.

Офицеров и солдат в Геленджике, а затем в Вардане встречали многочисленные всадники, и их приветствовали так же восторженно, как и их предшественников. «В Геленджике все были воодушевлены самыми воинственными планами. Их оперативный замысел состоял в организации массированного наступления на Анапу, которую они могли бы захватить, в то время как мы могли бы ее разрушить с помощью кораблей. Большего нам и не требуется» 125.

В действительности, французов и англичан уже начинало беспокоить это стихийное бурное ликование, которое ничего не давало для установления связи с Шамилем и не приводило к каким-либо эффективным действиям, ибо ответственные руководители не возглавляли эти демонстрации. Ведь Мохаммед Эмин не прибыл ни в Геленджик, ни в Вардане, и лишь через месяц удалось организовать встречу между этим наибом и английскими капитанами Льюисом Джонсом (Lewis Jones) и Самуарезом

Броком (Saumarez Brock). К тому же эта встреча принесла крупное разочарование, ибо наиб видимо, уклонялся от принятия предложений английских офицеров, заявив, что условием, необходимым для начала каких-либо совместных действий должно было стать присоединение к этому союзу Кабарды, ногайцев и некоторых племен, сохранивших верность России и занимавших важную стратегическую позицию 126. Впрочем, разве у него было право говорить от имени Шамиля? В союзном лагере начали уже в этом сомневаться, тем более что наиб якобы признался в том, что последний раз встречался с Шамилем лишь девять лет тому назад 127.

Конечно, союзники знали, что найти доступ к Шамилю они могли только через черкесских вождей, другого выхода не было, и даже, для того, чтобы войти в контакт с этими вождями, им необходимо было заручиться поддержкой оттоманских командующих, расквартированных в Батуми: сначала Селима Паши, затем Мустафы Паши.

Что же касается вождей черкесских племен, то им очень не понравилось, почему представители западных держав придают роли Шамиля столь важное значение, и это их так раздражало, что иногда они делали вид, будто не знают даже имени вождя мюридизма. Каким образом можно было истолковать иначе странное сообщение, которое, по словам одного французского свидетеля, пришлось услышать от начальника штаба оттоманского армейского корпуса в Черкесии: «Я спросил у Мехмеда-Бея (это был Банжия де Иллошфалва – венгерский полковник) (Bangya de Illosfalva), признает ли Шамиль власть султана и подчиняется ли он Сефер Паше. – Шамиль? А кто этот человек? – сказал он мне (...). Запишите на ваших табличках, что знаменитый Шамиль в наших краях совершенно неизвестен, никто из черкесов, путешествующих с нами, никогда не слышал этого имени. Если он и существует, то это какой-нибудь горский бей, которого прославили ваши газеты!». Это мнение скоро было подтверждено Ибрагимом Беем, сыном Сефер Паши¹²⁸ и другим источником¹²⁹. Была и другая причина, раздражавшая местных знатных людей, и этого они не скрывали: им не нравилось то, что с ними обращались как с второстепенными помощниками, которые просили принять участие в осуществлении планов франко-английской армии, в то время как они стремились к священной

войне за свою независимость. Эти недоразумения усугублялись соперничеством между многочисленными черкесскими вождями и их общим недоверием к представителям оттоманских властей. Всюду царила смута. Контр-адмиралу Лайонсу уже пришлось решать третейским судом конфликт, возникший между абхазским князем Михаилом Шервашидзе и партией Мохаммеда Эмина, которые оспаривали друг у друга право на владение городом Сухум-Кале¹³⁰. У союзников, следовательно, было очень мало шансов не только на установление связи с Шамилем, но и на заключение с черкесами соглашения о сотрудничестве.

Основное необходимое условие заключалось в том, что ведение переговоров следовало поручить людям, хорошо знающим местные языки и обычаи, достаточно хорошо знакомым с местными политическими проблемами. К сожалению, д'Эрбинген (d'Herbinghen), командир корабля «Вобан» (Vauban), который был первым французским офицером, встретившим Мохаммеда Эмина, был, судя по сообщению одного официального историографа, основанном на откровенных высказываниях этого офицера¹³¹, лучше знаком с военной дисциплиной, чем с тонкостями восточной дипломатии. Командир д'Эрбинген 15 июля 1854 г. прибыл на корабль «Сампсон» (Le Sampson), стоявший на якоре в Сухум-Кале, как раз в тот момент, когда на борту этого судна совещался с турецким командиром и черкесскими вождями.

Когда французского офицера привели на это совещание, он в бесцеремонной форме сообщил через переводчика об инструкциях, которые он получал:

«Командир д'Эрбинген ясно объяснил, чего именно главнокомандующий французской армией ожидал от черкесских народов и попросил дать точный ответ. Такая категорическая постановка вопроса показалась странной горским вождям, которые в нескольких словах быстро переговаривали между собой. Я тогда не знал, пишет командир, кто именно был наиб, судя по тому, с каким особым уважением все к нему относились, я считал, что он является настоящим предводителем племенных вождей, которые его окружали. Вскоре я узнал, что это было вовсе не так. К наибу они относились с уважением, но он находился среди них, для того, чтобы просить об оказании ему помощи, он просил, но не командовал. (...) Сначала они были озадачены, а затем ответили лишь многочисленными вопросами. Где ваша армия?

Какова численность французов и англичан? Действительно ли у вас есть грозный флот, мощнее русского? Затем последовали другие вопросы о различных видах нашего вооружения и о нашей боевой тактике»¹³².

После некоторых размышлений, Мохаммед Эмин и сорок черкесских вождей решили, наконец, отправиться в качестве делегации в штаб союзников в Варне, а затем в Константинополь. Но вместо того, чтобы успокоить союзников относительно возможности подготовки общего наступления, эту поездку они использовали лишь для того, чтобы рассказать о раздорах, о жалобах на зовали лишь для того, чтооы рассказать о раздорах, о жалооах на действия местных правителей, назначенных султаном, а может быть и о трагических случаях, когда сводились личные счеты¹³³. Короче говоря, пришлось убедиться в том, что после шестимесячных усилий все еще ничего не было известно о намерениях Шамиля и его действительных силах. Французскому консулу в Константинополе Бенедетти (Benedetti) и главнокомандующему пришлось убедиться в иллюзорности всех разработанных планов. Отныне они, скорее всего, стремились обескуражить новых кандидатов, предлагавших свои услуги для установления связи с Шамилем; к таким людям относились, например французский путешественник Бинель (Binel) и алжирец Бу Маза (Bou Maza)¹³⁴. Англичане, в свою очередь, постепенно отказались от аналогич-Англичане, в свою очередь, постепенно отказались от аналогичных планов, и их посол, лорд Стратфорд де Редклиф (Stratford de Redcliffe), пересмотрев свою точку зрения, писал: «Шамиль, видимо, является фанатиком и варваром, с которым даже Порте трудно поддерживать доверительные или даже сколько-нибудь удовлетворительные взаимоотношения» ¹³⁵.

В довершение всего в ноябре стало известно, что войска Шамиля арестовали в качестве заложницы одну француженку ¹³⁶.

Однако, в Париже, видимо, не прислушивались ко всем этим сведениям, поступавшим из Кавказа, и принимали самые нелогичные решения. Именно в то время, когда переговоры с

нелогичные решения. Именно в то время, когда переговоры с черкесами зашли в тупик, и оказалось, что установить связь с Дагестаном было почти невозможно, военный министр приказал отправить порох и свинец для производства боеприпасов, которые следовало как можно скорее предоставить Шамилю¹³⁷. Что же касается десяти тысяч ружей, отправленных из Марселя, из которых три тысячи были предназначены для войск, дислоцированных в Варне, то посылать их в штаб Шамиля было

рискованно, ибо при этом могли возникнуть непреодолимые препятствия, ведь между черкесским побережьем и восточным фронтом простиралась обширная, мало известная территория, большая часть которой находилась под контролем русских. Это очень трудное задание было поручено совершенно неопытному человеку, который был тщеславен и гордился тем, что выполняет историческую роль. Такой выбор объяснялся, конечно, личной рекомендацией императора*. Прибыв в Константинополь, капитан де Модюи (de Mauduit), направлявшийся к Шамилю для выполнения особого поручения императора, обратился к командующему Восточной армии с просьбой предоставить ему средства для выполнения задания и инструкции; почти в комичной форме он сообщил о своем намерении провести ночь в палатке Шамиля, чтобы увидеть его и определить, достоин ли он участия в «Восточном крестовом походе». Де Модюи сказал, что явится к Шамилю в качестве «посланника французского султана и заявил о своей готовности, презирая опасность, бросить вызов всем вражеским племенам, чтобы прибыть к султану Дагестана, может быть, истекая при этом кровью, но высоко держа голову» 138.

Когда же спустя три месяца, де Модюй наконец удалось сесть на корабль, чтобы отправиться в Черкесию, его миссия оказалась уже бесполезной, так как к этому времени союзники были заняты осадой Севастополя, а не подготовкой к различным операциям на Кавказе, которые ранее были предусмотрены в их стратегических планах. Что же касается семи тысяч ружей, предназначенных для Шамиля, то вскоре стало известно, что они исчез*л*и¹³⁹.

В то же время Министерство иностранных дел, не желая остаться в долгу, доверило полномочному посланнику Николя-Просперу Буре (Nicolas-Prospèr Bourèe) важное поручение. Пользуясь большой свободой действия и, выполняя, в зависипользуясь оольшой свооодой действия и, выполняя, в зависимости от обстоятельств, роль наблюдателя или советника, он должен был расширить влияние Франции в странах, расположенных на Черноморском побережье и, особенно, в Черкесии¹⁴⁰. Буре также стремился встретить Мохаммеда Эмина и, в случае возможности, проникнуть вглубь Черкесии¹⁴¹, но он был достаточно дальновиден и понимал, что добраться до Шамиля

^{*} Примечание переводчика. Здесь имеется в виду французский император Наполеон III.

было невозможно. Когда же он прибыл, то в результате беседы с командующим (serasker) оттоманской армией Риза Пашой (Riza Pacha), он убедился, что в этом отношении на турок нельзя было надеяться: «Шамиль – сказал он* – поддерживает связь с Портой путем писем и через черкесских вождей, находящихся в Константинополе.

- Но возразил я сколько нужно времени, чтобы написать письмо Шамилю и получить от него ответ?
 - Ничего определенного сказать не могу.
- Вам, следовательно, невозможно координировать ваше продвижение вперед с продвижением Шамиля, когда он нападает на русские войска с тыла?
 - Совершенно невозможно.
- У вас нет никакой возможности убедиться в том, что в какойлибо определенный день Шамиль может направиться в какой-либо пункт, вам нужно было бы организовать отвлекающий маневр?
 - Никакой возможности.
 - Известна ли вам численность русских войск?
 - От 35 до 40 тысяч.
- Известно ли вам, не закрыл ли Шамиль пути сообщения между Тифлисом и Баку, и могут ли русские получать новые войска и снаряжение, которые им направили бы по Волге, через Каспийское море и Баку?
 - Нам об этом ничего неизвестно»¹⁴².

Впрочем, в связи с прибытием в Варну наиба Мохаммеда Эмина и черкесской делегации, миссия Буре потеряла всякий смысл, а в это время, 15-го июля, этот дипломат все еще ожидал, когда в его распоряжение будет предоставлено какое-либо средство транспорта.

В письме от 29 октября, адресованном новому командующему генералу Канроберу (Canrobert), поверенный в делах Бенедетти (Benedetti) охарактеризовал создавшееся положение в нескольких фразах: «Господин генерал (...). Единственное, что в настоящее время можно сказать о событиях, происходящих на Кавказе, это то, что по этому вопросу нет никакой достоверной информации.

Сведения о Шамиле, действующем в Дагестане, являются глубокой тайной, в которую не удалось проникнуть, а в связи с

^{*} Примечание переводчика. Речь идет о командующем турецкой армией Ризе Паше.

вопросом о взаимоотношениях этого вождя с черкесами, возникают обвинения и споры, характер и значение которых установить невозможно» 143 .

В конце 1854 г. вопрос о французской интервенции, видимо, уже отпал. Тем не менее, спустя несколько месяцев, несмотря на то, что в этом районе ничего нового не произошло, французское правительство внезапно приняло поразительное решение, назначив неизвестного молодого человека, Шарля Шампуазо (Charles Champoiseau) консульским агентом по сбору информации в Черкесии.

Несбывшиеся планы Шампуазо

Вначале, эту последнюю французскую инициативу следовало, разумеется, считать одним из многочисленных эпизодов существовавшей между союзными державами борьбы за сферы влияния. Английское правительство проявило некоторое беспокойство, узнав о том, что Франция в одностороннем порядке решила отправить капитана де Модюи, и тогда оно потребовало от своего посла лорда Коули (Cowley) срочно предпринять по этому вопросу соответствующий демарш в Париже. В свою по этому вопросу соответствующий демарш в Париже. В свою очередь, оно опередило Францию, направив в Черкесию своего посла в Монастире, Джона А. Лонгворта (John A. Longworth), уже сыгравшего там совместно с Джеймсом Беллом (James Bell) активную роль в 1837 г. Впрочем, английский министр, лорд Кларендон (Clarendon) очень желал, чтобы Лонгворт отправился один, если только ему не будут настойчиво навязывать какого-либо французского представителя¹⁴⁴. Французское же правительство немедленно реагировало, желая не допустить того, чтобы Англия стала единственной державой, имеющей представительство в этой стране, и поэтому срочно открыло в Черкесии свое разъездное консульское агентство (une agence consulaire itinèrante). Цели этой новой миссии не были точно определены, а ближайшая задача, как об этом свидетельствовало письмо, направленное 1-го марта 1855 г. Шарлю Шампуазо, заключалась в символическом укреплении французского присутствия в данном районе: «Так как, по моему мнению, при нынешних обстоятельствах Ваше присутствие в Сухум-Кале следует считать

целесообразным, я решил, что Вы, сударь, поедете в этот город и будете находиться там, в качестве консульского агента, располагая при этом возможностью выезда в другие пункты, если это окажется необходимым по служебным соображениям. Вы получите (...) инструкции, которые могут быть полезными при выполнении ваших обязанностей (...). Предлагаю Вам немедленно выехать, чтобы занять вашу должность 145.

Объяснить причину такого выбора довольно трудно. Может быть, министр просто воспользовался представившимся случаем, чтобы удовлетворив просьбу молодого Шампуазо, который был кандидатом на ответственный пост и представился именно в качестве знатока Кавказа, где он уже жил раньше. Но это совпадение, вероятно, не было случайным, ибо Шампуазо послал министру в течение трех недель три письма одно за другим. В такой настойчивости молодого человека, просившего принять его на службу, было что-то необычное, еще более необычно была выражена форма его просьбы: Учитывая положение в Грузии – писал он, – необходимо укрепить влияние Франции в этой области, назначив постоянных агентов в Батуми, Редут-Кале или Чурук-Су¹⁴⁶. Эти советы были, очевидно, внушены каким-то человеком, знавшим ближайшие задачи, стоявшие перед правительством, и полагавшим что настал подходящий момент для выдвижения своего кандидата. Есть все основания предполагать, что речь шла о генерале, графе д'Орнано (d'Ornano), который покровительствовал Шампуазо в начале его карьеры и впоследствии оказал ему помощь своей рекомендацией ¹⁴⁷. Этот генерал, бывший герой наполеоновских войн, оставался влиятельным лицом при Императорском дворе ¹⁴⁸, отец же Шампуазо, нотабль Тура, по всей вероятности, принадлежал к политической группировке, избравшей графа д'Орнано депутатом от этого города в Национальное собрание в 1849 г. ¹⁴⁹

Если назначение на такой пост молодого человека, любившего приключения, можно было понять, то следует при этом сказать, что у Шампуазо не было широты взглядов и компетенции, которые были необходимы, чтобы поддерживать французский престиж в Черкесии и уравновешивать влияние Лонгворта. Способности и знания, на которые претендовал кандидат, были в действительности в значительной мере хвастовством. Ему едва исполнилось 25 лет, а он утверждал, что он

якобы основательно изучил торговлю, много путешествовал по Греции, Турции, Малой Азии и что Наполеон III его вызывал, чтобы получить от него сведения о Крыме¹⁵⁰, он даже уверял, что уже приобрел на Кавказе влияние, которым могли бы воспользоваться французские войска, в случае отправки туда экспедиционного корпуса он заявлял: «Используя свои бывшие личные связи либо с семьей мингрельского царя, либо с некоторыми крупными гурийскими помещиками, я мог бы помочь войскам дойти до Кутаиса, но влияние, которым, я, по-моему, пользуюсь, оказалось совершенно бесполезным, если бы речь и да об оттоманских войсках»¹⁵¹ шла об оттоманских войсках» 151.

В конце своей жизни, увенчанной славой, благодаря своим открытиям в области археологии и принятый в Марсельскую Академию, он, вспоминая о начале своей консульской службы, даже дошел до того, что изобразил ее как «важную политическую миссию на Кавказе и в Черкесии, в этих провинциях, уже давно исследованных мною в 1859 г.»¹⁵².

Действительная роль Шампуазо на Кавказе была значительно более скромной. В течение всего периода его пребывания там местные турецкие власти относились к нему с недоверием и враждебно, и он тщетно пытался добиться их уважения.

враждебно, и он тщетно пытался добиться их уважения.

Его переписка, заполняющая, между прочим, более половины одного тома, хранящегося в архиве Министерства иностранных дел¹⁵³, содержит больше жалоб и гневных обвинений в адрес оттоманских руководителей, чем настоящей информации о черкесах и о поддержке, которую можно было ожидать от них. В целом эта информация производит впечатление чего-то поверхностного.

Генерал Пелисье (Pèlissier), главнокомандующий в Крыму, видевший там Шампуазо в июле 1855 г. и получавший его донесения, писал военному министру: «Господин Шампуазо (...), говорю Вам, чтобы это осталось между нами, – довольно посредственный консульский агент» 154.

В таком случае позводительно спросить: может быть мысах

В таком случае позволительно спросить: может быть, мысль об открытии этого консульства и выбор кандидата на эту должность были не столько предложены, сколько навязаны министру иностранных дел. Тем более что в 1857 г. Шампуазо, вопреки правилам иерархии, обратился непосредственно в кабинет Императора, чтобы ходатайствовать о своем повышении 155. Во всятельно в столько повышении 155 во всятельно в столько повышении 155 во всятельно повышении 155 во в ком случае, министр, видимо, был удивлен, ибо все в этой миссии носило импровизированный характер. В Париже Шампуазо было рекомендовано собрать информацию и воздерживаться от обещаний местному населению. Консульский агент отправился как-то вслепую: когда 7-го апреля 1855 г. он высадился в Батуми, его с удивлением встретил консул Стейерт (Steyert), который, эвакуировавшись в Тифлис, не получал никакой инструкции относительно Шампуазо и увидел, что «тот плохо подготовлен к поездке на работу в Редут-Кале, так как в его распоряжении нет ни дома, ни переводчика, ни слуг» 156.

Шампуазо очень быстро заметил, что его перемещения, связи, короче говоря, успех его миссии – все фактически зависит от турецкого командования и местных властей (Сефер Паши), направленных Оттоманским правительством в Черкесию, а их не сочли нужным предупредить.

Мушир Мустафа Паша, командир Батумского армейского корпуса, охотно согласился взять его на борт своего корабля, но поездка оказалась очень неудачной; через неделю, заболев малярией, консульский агент вернулся в Батуми, а затем в Трапезунд, и рассказал, что турецкого командира, видимо, стесняло присутствие иностранного агента, которого он отказался гостеприимно принять и почти силой высадил с корабля в лодку, находившуюся в открытом море в Чурук-Су, где, лишенный чьей-либо помощи, он оставался в течение многих дней, в Сухуми он также встретил лишь «недоверие и нежелание» 157.

Это происшествие, которое он воспринял как личное оскорбление, повлияло на всю его деятельность в период его пребывания на Востоке. Вместо энтузиазма с первых дней наступило глубокое разочарование. Из Трапезунда, где он в течение более двух месяцев оставался при консуле Поншарра (Poncharra), он обратился лично¹⁵⁸ к министру иностранных дел, умоляя его сохранить доверие к нему, но уже сделал разочаровывающие выводы относительно миссии, к выполнению которой он даже не приступал: по его утверждению, он обнаружил, что французские планы на Кавказе были иллюзорны, что установить связь с Шамилем невозможно, а черкесы думают больше о грабежах, чем об участии в борьбе. Он писал: «Должен заявить, что если в борьбе, предпринятой против русских, раньше можно было надеяться на помощь черкесов и грузин, то теперь эти надежды я считаю очень рискованными, если не абсурдными»¹⁵⁹.

Разумеется, его обида на турецкого командира была сильнее всех остальных чувств. Отныне он постоянно изобличал вредную деятельность, корыстолюбивую игру и бездарность мушира Мустафы Паши и Сефера Паши, которых он считал отъявленными врагами Франции и Англии. Впрочем, его оценка совпадала с той, которую дали Стейерт (Steyert) и Поншарра (Poncharra). 10-го декабря прошлого года Поншарра предупреждал французское правительство: «По сведениям, достоверность которых я считаю возможным вам гарантировать, Мустафа будет всеми доступными ему средствами препятствовать отправке французских или английских войск в Батуми, об этой отправке уже шла речь, и она, по всей вероятности, была, если не безусловно необходимой, то, во всяком случае, целесообразной и произвела бы замечательные впечатления на грузин. Вполне очевидно (...), что грузины совершенно не любят турок, и одного лишь присутствия французских или английских войск, особенно французских, оказалось бы достаточно, чтобы грузины решили напасть на русскую армию» 160.

Шампуазо, опираясь на собственный опыт, сразу согласился с этими тезисами и, в свою очередь, почти не изменяя их, разработал положения и использовал их как основу своей политики. По

Шампуазо, опираясь на собственный опыт, сразу согласился с этими тезисами и, в свою очередь, почти не изменяя их, разработал положения и использовал их как основу своей политики. По его мнению, отправка мощного французского отряда была крайне необходима, чтобы спровоцировать восстание во всей Грузии и Франция могла бы предпринять какие-либо действия в Черкесии, только после отъезда местных губернаторов и командиров. Вскоре в результате разгрома турецкой армии в Анатолии и возникшей угрозы наступления русской армии на Карс, вышеуказанные доводы стали еще более обоснованными, ибо выяснилась необходимость срочной интервенции союзников в Черкесию и в Грузию 161. Шампуазо не мог не знать, что главнокомандующий Омар Паша (Ömer Pacha) добивался в Константинополе, чтобы там

Шампуазо не мог не знать, что главнокомандующий Омар Паша (Ömer Pacha) добивался в Константинополе, чтобы там было принято решение о проведении такой операции, что военные руководители и дипломаты союзников горячо обсуждали различные стратегические планы, но что французский министр иностранных дел их вовсе не одобрял¹⁶². Поэтому он старался выставить свои доводы. 9-го мая он согласился удовлетворить чаяния христианских народов, которые, по его утверждению состояли в следующем: «Грузины, независимо от их племени, стремятся, прежде всего, прогнать русских, но для этого им необходим английский или французский армейский корпус, иначе они

этого не добьются, несмотря на рекомендации, полученные мною при отъезде из Парижа, я считаю необходимым заявить, что до тех пор, пока это условие не будет осуществлено (а я понимаю, что отправка такого экспедиционного корпуса почти невозможна), от грузин ничего нельзя будет добиться, абсолютно ничего. Однако Грузия ненавидит турок лютой ненавистью и даже в том случае, если в Грузии уже не будет русских, грузины, по всей вероятности, будут сражаться против (этих) наших союзников, которые в Грузии навлекли на себя всеобщую ненависть. Русские в тысячу раз лучше турок – таков грузинский лозунг» 163.

Затем Шампуазо покинул Трапезунд и приехал к Лонгворту, с которым он объехал абхазское и черкесское побережье, но этот новый опыт усилил его убеждение в том, что франко-турецкого союза в Черкесии не было, что на инструкции, направлявшиеся султаном, там никто не обращал внимания¹⁶⁴, и что, по мнению населения этих краев, местные чиновники решили разорить французов и англичан. Наиб Мохаммед Эмин по приказу мушира¹⁶⁵ действительно отказался от какой-либо связи с Лонгвортом, а Сефер Паша, очевидно, также получил аналогичные указания, которые он выполнял так, что его не приходилось уговаривать. Шампуазо считал Сефера Пашу «старцем, почти впавшим в детство, который, не зная подлинных интересов своей страны – считает, что наше присутствие оскверняет страну, которую он считает своей собственностью, а распространение нашего законного влияния является для него узурпацией».

Однако, по его мнению, надежда на вовлечение этой страны в общую борьбу еще не исчезла окончательно, «но этого можно было бы достигнуть лишь при условии, если бы этот край и был бы избавлен от влияния руководителей, чьим девизом является ненависть к Европе». Разве Сефер Паша не угрожал применять силу, чтобы помешать франко-английским войскам, если бы командование союзников продолжало настаивать на своем плане разрушения Анапских оборонительных укреплений? «Я не боюсь утверждать, что в один прекрасный день нам придется дорогой ценой заплатить за снисходительность, проявленную по отношению к этому Паше». И Шампуазо уже строил планы, ставившие своей целью вытеснение существующих властей: он предлагал объединить Черкесию и Абхазию под единой политической и военной властью и оказать официальную поддержку

абхазскому князю Михаилу Шервашидзе (Хамид Бею), позиция которого до этого была неопределенной, при условии его полного присоединения к союзникам¹⁶⁶.

Было ясно, что Шампуазо неправильно понимал цель своей миссии. Инструкции, которые он получал во время своего пребывания в Трапезунде, были, конечно, очень неопределенными, так как они предписывали ему вести себя точно так же, как Лонгворт, но ведь последнему, в любом случае рекомендовалось соблюдать крайнюю осторожность. «Вы постараетесь не придавать Вашему пребыванию в этом крае какой-либо характер, для того чтобы не подавать повода для возбуждения надежд, которые, возможно, не смогут осуществиться, а также для того чтобы не давать оснований для предъявления требований и не позволять ссылаться на такие обещания, от выполнения которых сейчас было бы трудно уклониться» 167.

Но консульский агент с каждым днем все более уклонялся от своей роли, согласно которой он должен был ограничиваться сбором информации: его поспешные суждения и опрометчивые инициативы были строго осуждены послом Тувенелем (Thouvenel), который ему напоминал о необходимости соблюдать беспристрастность, и сообщил свои впечатления министру иностранных дел Валевскому (Walewski): «Господин Шампуазо умен и проявляет усердие, но я в какой-то мере опасаюсь, как бы он не придал своей миссии такое значение и такой характер, которые в момент его назначения на эту должность не входили в намерения Департамента иностранных дел. Мы хотели не действовать в Черкесии, а собрать точную информацию о положении этого края и выявить его возможности, которыми мы в подходящий момент могли бы воспользоваться для продолжения» 168.

Не без основания Шампуазо возразил, что «стремиться начать переговоры с черкесскими вождями и даже изучить их намерения не выдавая при этом себя в качестве политического агента, почти невозможно»; кроме того, он осторожно намекал на противоречие, существовавшее между инструкцией, которая ему предписывала соблюдать сдержанность, и необходимостью строго следовать позиции Лонгворта, который, наоборот, стремился к энергичным и немедленным действиям. Нужно ли было присоединяться к политике английского агента, рискуя при этом нарушить полученные инструкции, или оставаться не-

заметным и, в таком случае, окончательно потерять какую-либо возможность оказывать влияние на племена? 169

Французский посол в Константинополе не мог дать ясного ответа на этот вопрос, и его недоумение отражало нерешительность французского правительства и разногласия, существовавшие между его членами: сам посол был дезавуирован министром иностранных дел за то, что написал Шампуазо следующее: «Не забывайте, однако, о том, что в будущем Франция, вероятно, не будет так заинтересована во вмешательстве в черкесские дела, как Англия»¹⁷⁰. А ведь в Париже считали, что «в позиции, словах и действиях этих двух агентов не должно быть никакой разницы»¹⁷¹. Однако полемика продолжалась, и Валевский* попросил морского министра призвать к порядку командующего черноморским флотом адмирала Брюа (Bruat), который, нарушая императорские инструкции, продолжал ссылаться на расхождения целей союзников «Франция и Англия объединились, чтобы сражаться против России и ослабить ее. В Черкесии, как и всюду, где мы можем бороться против нашего общего врага, наши интересы совпадают с интересами Англии, и единство цели должно выражаться в единстве наших усилий, чтобы поднять на борьбу кавказские народности и вооружить»¹⁷².

Эти торжественные заявления плохо скрывали несоответствия действительности. Шампуазо, находясь в шатком положении между противоречивыми указаниями своих шефов, активным соперничеством со своим английским коллегой, вражлеб-

Эти торжественные заявления плохо скрывали несоответствия действительности. Шампуазо, находясь в шатком положении между противоречивыми указаниями своих шефов, активным соперничеством со своим английским коллегой, враждебностью турецких властей, воспользовался в качестве предлога возрастающей непопулярностью Лонгворта, чтобы удалиться самому со сцены действий, чтобы не впасть в немилость, незаслуженную, но очевидную Лонгворту в Черкесии, он устроился окончательно в Сухум-Кале в начале октября 1855 г., решив отныне посвятить себя информационной работе, которую Правительство ждало от него¹⁷³.

Через несколько дней, в связи с приездом Омара Паши, после чего Мустафа¹⁷⁴ был отстранен от своего поста, и впал в немилость, создалась благоприятная обстановка. Турецкий главнокомандующий, прибывший, чтобы возглавить запланированную военную интервенцию в Мингрелию, проявил тактичное отно-

^{*} Примечание переводчика. Валевский (Walewski) был министром иностранных дел Франции.

шение к самолюбию обоих агентов-союзников, обращаясь к ним за советами, и Шампуазо, снова получив возможность выступить в роли политического советника, начал призывать к союзу с Михаилом Шервашидзе и, приняв делегацию мусульманских беев, враждебно относившихся к Шервашидзе, вел себя так, как будто выполнял роль третейского суда. Когда же Омар Паша признал абхазского князя в качестве «местного вождя», это польстило самолюбию Шампуазо, несмотря на то, что генерал* мог бы одновременно предоставить этот титул и наибу Мохаммеду Эмину, которого Шампуазо отныне считал бичом Черкесии, уже находившейся в состоянии полной анархии¹⁷⁵. Кроме того, распространился слух, что в Константинополе союзники собирались заключить между собой соглашение, согласно которому власть Омара Паши должна была ограничиваться военным руководством, а политические дела следовало передать в ведение комиссии, состоящей из Шампуазо, Лонгворта и какого-либо турецкого чиновника, пользующегося доверием султана¹⁷⁶. Теперь французский агент уже уверенно надеялся на осуществление планов союзников и полагал, что в будущем французское влияние на Кавказе станет прочным.

«До настоящего времени различные паши и губернаторы хотели своими распоряжениями не столько упрочить наше положение, сколько подорвать наш авторитет. Отныне, когда, благодаря заботе Вашего Превосходительства, мы находимся в хорошем положении, опираемся на помощь местного и влиятельного коллеги и пользуемся четко определенными правами, доведенными до сведения всех чиновников, нет никакого сомнения в том, что затруднения будут быстро ликвидированы и, так как наше влияние будет ежедневно укрепляться, мы сможем оказывать на местных вождей и их племена такое воздействие, которое поможет нам заниматься исследованиями и наблюдениями, входящими в нашу обязанность, и предоставит нам возможность предпринять более серьезные мероприятия, которые впоследствии от нас, возможно, могут потребовать» 177.

В Париже и Константинополе на создавшееся положение

смотрят совершенно по-другому.
В то время как в связи с падением Севастополя 8-го сентя-бря запланированная интервенция на Кавказ, по мнению вер-

^{*} Примечание переводчика. То есть турецкий генерал Омар Паша.

ховного командования союзников, уже не была срочно необходимой, посол Тувенель (Thouvenel), проявляя дальновидность, думал о том, что произойдет, если власть в Черкесии захватит Омар Паша, который, видимо, стремился восстановить суверенитет Оттоманской Империи над этой провинцией. В этом случае возобновились бы пограничные столкновения, и мог бы возникнуть новый конфликт между двумя империями, а это Франция должна была предотвратить любой ценой. Посол уже получил от министра иностранных дел Фуад Паши* заверение в том, что такого же мнения придерживалась и Турция. Но все-таки Фуад Паша из-за своего тщеславия мог самовольно принять такое решение, которое направило бы Оттоманскую Империю на другой путь. Поэтому было желательно контролировать политические мероприятия этого генерала, но единственное, что союзники могли предпринять – это потребовать, чтобы султан в документальной форме дал торжественное обещание в том, что после войны Турция откажется от своих требований о предоставлении ей сюзеренных прав. Что же касается вопроса о том, можно ли доверить Шампуазо роль политического советника при Омар Паше, то это было бы одновременно опасно и невозможно, ибо привлекло бы французского агента к выполнению таких мероприятий, с которыми он не смог бы справиться, в то время как Франция и Англия, по мнению Ту-венеля, видимо, решили не связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к закавказским племенам и «не брать на себя никакой ответственности за определение статуса этих областей в конце войны \mathbf{x}^{178} . В своем решении министр иностранных дел подтвердил эту точку зрения, добавив следующий довод: «Можно предполагать, что если удастся вовлечь в это движение закавказские племена и объединить их усилия в борьбе против русских, то точно не сможет так способствовать их успеху, как присутствие Омара Паши и оттоманской армии. Если попытаться дополнить их действия мероприятиями английского и французского агентов, чьи успехи в их первых взаимоотношениях с кавказскими народами были, впрочем, столь незначительны, то это могло бы, без какой-либо соответствующей необходимости, спровоцировать между этими агентами и

 $^{^*}$ Примечание. В то время Фуад Паша был министром иностранных дел Оттоманской Империи.

главнокомандующим оттоманской армией соперничество, трения и неизбежные конфликты» 179 .

Поэтому Шампуазо было в последний раз предложено ограничить свою деятельность выполнением консульских обязанностей. Впрочем, когда в конце декабря, он, узнав о неудачном отступлении армии Омара Паши, о грабежах, которыми она занималась в Мингрелии и о том, что враждебное отношение местных народов к туркам усиливалось, он сам обрадовался тому, что остался в стороне этих событий.

Прежде чем выехать из Черкесии в Трапезунд 3-го марта 1856 г. он счел необходимым выразить в своем последнем донесении нечто вроде политического завещания. «Мне повторяют, постоянно говорят, что если бы несколько тысяч человек из состава французских войск высадились бы на этом побережье, то местные народы встретили бы их как своих освободителей, которых они бы восторженно приветствовали, и это обеспечило им успех в борьбе против русских». И он осторожно добавил: «Но разница между словами и фактами велика, чтобы я мог поддерживать эти заявления, пафос которых, видимо, является некоторым преувеличением¹⁸⁰.

«Забытый» Кавказ

Не дожидаясь провала, которым окончилась миссия Шампуазо, французское правительство попыталось освободиться от кавказского осинового гнезда. Уже 1-го сентября посол Тувенель, которого Валевский критиковал за его предложение относительно политических представителей, назначенных для осуществления контроля над Омаром Пашой, в выразительной форме просил прощения: «Прошу Ваше Превосходительство извинить меня за мое вмешательство в дела Черкесии; я предчувствовал, что мне вовсе не следовало этим заниматься, и отныне, впредь до получения Ваших распоряжений, я сделаю все возможное, чтобы замять эту историю» 181.

Вскоре в связи с открытием Парижского Конгресса Западным державам пришлось заняться урегулированием сложнейших проблем, возникших в связи с восстановлением мира, равновесия в Европе и безопасности Оттоманской Империи. А это

означает, что последние попытки, предпринятые Шампуазо в январе 1856 г., чтобы «привлечь особое внимание к восточному побережью Черного моря» и «снова предпринять более непосредственные и более энергичные действия», совершенно не были поддержаны¹⁸².

Уже началась эвакуация турецкой армии из Абхазии и Мингрелии.

30-го марта 1856 г., когда в Черкесии соперничество между Наибом и Сефером Пашой уже превращалось в открытую борьбу между племенами¹⁸³, Правительство Наполеона III, подписав Парижский договор, подтвердило свое твердое решение забыть о Кавказе.

Это событие, о котором стало известно в первых числах апреля, вызвало в Черкесии серьезную озабоченность. Прибыв в Анапу по инициативе Сефера Паши, вожди двенадцати черкесских племен, посовещавшись между собой, решили непременно направить в Константинополь представительную делегацию, которая должна была вручить петиции и обратить внимание союзных представителей на положение их страны. Французский посол, соблюдая осторожность, посоветовался с Парижем относительно позиции, которую ему следовало соблюдать. Он полагал, что Францию, очевидно, попросят гарантировать независимость Черкесии, принимая во внимание политику, проводившуюся властями этой страны, у Франции не было никаких причин для удовлетворения такой просьбы, но, тем не менее, она могла бы допустить такое толкование Адрианопольского договора, а его статьи не были пересмотрены, которые предоставили бы всем государствам свободный доступ к побережью и «возможность ведения торговли со страной, хотя и не имеющей определенного статуса, но все-таки независимой или, во всяком случае, не покорившейся» 184.

В черкесской делегации, прибывшей в Константинополь, насчитывалось более двухсот человек. Эта грандиозная демонстрация очень не понравилась Оттоманскому правительству, тем более что петиция врученная султану, так же как и те, которые были адресованы государствам союзных держав, ставили Порту в затруднительное положение: черкесы настойчиво требовали не предоставления им независимости, а султанского суверенитета. Тувенель ознакомился, вероятно, с удивлением, – с текстом,

направленному Наполеону III, в котором Сефер Паша изображал военные события в особом свете 185 .

«Славнейший, достойнейший, искреннейший император Наполеон III, Император Франции. Так как слуга Вашего Величества, дворянин Сефер Паша двадцать девять или тридцать лет тому назад заключил союз с двенадцатью черкесскими племенами и вел с ними переговоры от имени черкесских народов, они его назначили своим делегатом и полномочным представителем, как при Правительстве Блистательной Порты, так и при Вашем Высочайшем Дворе и вручили ему сенед (акт), адресованный каждому из вышеуказанных правительств, в котором указано, что никакого другого иностранного правительства, кроме правительств нашей Блистательной Порты, мы не будем признавать, и просим не отдавать нас во власть какой-либо инопризнавать, и просим не отдавать нас во власть какои-лиоо иностранной державы. Доверяя заверениям, которые Ваше Величество, проявив высочайшую милость, соизволило нам дать, в том, что мы и впредь, как это было раньше, останемся под властью нашей Блистательной Порты, и, принимая во внимание наши ходатайства, Сефер Паша, Ваш слуга, ждал сохранения с тех пор и до настоящего времени верности своей религии и своему пор и до настоящего времени верности своеи религии и своему Государю. С чувством величайшей радости и признательности мы узнали о том, что благодаря содействию Вашего Величества, наш делегат Сефер Паша в соответствии с нашими пожеланиями и по указу Султана был направлен в Анапу с поручением, касающимся Черкесии. Мы обращались к Всевышнему с выражением благодарности, а когда обе союзные державы начали военные действия и священную войну против русских, мы также сражались и, благодаря усилиям и стараниям Сефера Паши, продолжаем еще сражаться под его командованием совместно с Оттоманскими войсками.

Но так как до нас дошли некоторые слухи о мире, заключенном союзными Державами, а мы совершенно ничего не слыхали о Черкесии, мы, с согласия всех черкесских племен, и, опасаясь некоторых событий, составили три петиции, из которых одна адресована Вашему Величеству, а две других – нашей Блистательной Порте и Английской королеве, чтобы сообщить о том, что, согласно закону нашей страны мы – (в этом клянемся Богом!) – никогда и никоим образом не покинем нашего государя Султана Гази Абдул Меджид-Хана (Ghazi Abdul Medjid Khan).

Мы вручаем эту покорную петицию двумстам двадцати пяти черкесам, слугам Вашего Величества, которые Вам ее доставят. Когда Ваше Величество ознакомится с ней, оно сжалится над нами. Оно соизволит дополнить новым благодеянием те, которые оно уже им оказало до настоящего времени, соизволит нас осчастливить и снова глубоко обяжет нас, оказав нам свою действенную поддержку, чтобы мы могли бы остаться под властью нашей Блистательной Порты. Преисполненные этой надеждой, мы обращаемся к Вашему Величеству с этой петицией и от имени своих детей просим оказать нам эту милость.

Впрочем, в этом, как и во всех других делах, право распоряжений и командования принадлежит славнейшему, достойнейшему и искреннейшему Величеству Наполеону III, Императору Франции. 7-го шабана 1272/ 12-го апреля 1856 г. 15 печатей главных вождей, 75 других печатей.

Французский посол передал петицию, заметив при этом, что «Сефер Паша по-своему отображает историю», и срочно попросил прислать ему правительственные инструкции, тем более что абхазцы, со своей стороны, созвали собрание в Сухум-Кале и собрались направить собственных делегатов.

К просьбе черкесов, неумело сформулированной и несвоевременной, в Константинополе отнеслись так же отрицательно, как и в Лондоне или в Париже. Порта предложила делегатам возвратиться в Анапу, а от Сефера Паши потребовали, чтобы он распорядился об эвакуации войск из этого укрепленного региона или, подав в отставку, отказаться от своих официальных обязанностей. В Англии французский посол Персиньи (Persigny) отмечал резкий поворот в общественном мнении:

«В Англии, очевидно, в течение долгого времени представление о Черкесии было глубоко ошибочным. Полагали, что с этой страной можно было установить серьезные отношения, но недавние доклады герцога Ньюкэстла (Newcastle), который, посетив эти края, тщетно старался там найти хоть что-нибудь похожее на какое-либо правительство, в значительной степени отрезвили общественные мнения. Поэтому английское правительство не признает этой делегации и не считает целесообразным установление связи с ней» 186.

Что же касается французского правительства, то о своей позиции оно сообщило в краткой и категорической форме: просыба черкесов поступила слишком поздно, впрочем, у Турции прав на сюзеренитет, – даже если предположить, что она захочет принять такое предложение, – было ничем не больше чем у России. Поэтому делегатам можно было дать лишь один ответ: «Так как в течение войны, народы, от имени которых эти делегаты обращались, нам не помогали, мы не считали себя обязанными защищать их интересы в мирное время»¹⁸⁷.

Интерес правительственных кругов и общественного мнения к кавказским событиям сразу ослаб. Франция, отныне целиком поглощенная итальянскими проблемами и занятая вопросами, связанными с войной, вспыхнувшей у ее границ, отвернулась от восточных дел. В это время в прессе лишь изредка упоминалось о наступательных операциях генерала Барятинского в Дагестане, о внезапной капитуляции непокоренных племен и о массовом бегстве черкесских народов в Турцию и на Балканы. В памяти людей остался лишь легендарный образ Шамиля, являвшегося символом всего сопротивления народа, о взятии его в плен и его ссылке сообщили все газеты. Французский посол, признавая тот факт, что на Западе существовало преувеличенное представление о власти Шамиля, которая в действительности не выходит за пределы Дагестана, все-таки подчеркивал исторические значения его движения и предупреждал свое правительство о недопустимых последствиях, которые возникли бы в случае, если бы влияние Франции в этих областях исчезло: «Шамиль – последний действительно грозный враг России в этих краях; в настоящее время, когда она навсегда овладела воротами, ведущими в Малую Азию, она может направить свои армии в районы, расположенные на границе между Турцией и Персией и располагает свободой действий там, куда европейские армии не могли бы проникнуть. Судя по нынешнему положению на Востоке, она в своей борьбе может добиться этого нового успеха, и желательно, чтобы бдительность императорских агентов в этих краях не уступила бы упорству и активности, которые Россия там проявляет»¹⁸⁸.

Париж, 1977.

Примечания

Применяемые сокращения:

Архив Министерства иностранных дел: АМАЕГ и в частности: Политическая корреспонденция: СР Политическая корреспонденция консулов: СРС

Торговая корреспонденция: *Corr. comm.*

Мемуары и документы: *MD*

1. Французский консул в Трапезунде разоблачал в 1831 г. хитрости, применявшиеся царем, чтобы скрыть от европейской общественности свои завоевательные планы. Он отметил, что в Лондонском договоре Абхазия была едва упомянута, в то время как уже в течение восьми лет Россия стремилась к завоеванию этой страны. «В Адрианопольском договоре поступили лучше: об Абхазии в нем вообще ничего не сказано, но, тем не менее, оставили за собой право захватить ee (...). Император до этого заявлял, что не стремится к приобретению более обширной территории, тем не менее, он настаивал на некоторое расширение своих в Ахалцихском пашалыке. Он особенно настаивал на приобретении этих нескольких арпанов* земли, не имеющих большого значения ни для одного из правительств, в договоре с максимально возможной точностью была зафиксирована новая граница и в форме разъяснения указывалось, что вся территория, расположенная к северу от границы будет принадлежать русским, а Порта сохранит за собою территорию, расположенную к югу от границы, а это означало следующее: богатые и плодородные провинции, часть побережья протяженностью в 100 лье, хороший порт, то есть территория, на которой проживало два миллиона жителей, будет принадлежать России, которая не стремилась к их завоеванию. Не знаю, как оценили европейские государи умеренность Императора, но зато мне известно, что, по мнению французской миссии из Петербурга, это был порт Анапа (единственный укрепленный район, упомянутый в русских бюллетенях). Черкесия и Абхазия считались частью Империи**». Трапезунд, 15 июля 1831 г., донесение № 32, подписал Фонтанье (Fontanier), *CP*, Турция, листы 248–249.

2. «Я знаю, что здесь читают, а в Петербурге перечитывают переписку, которую я веду с Министерством», писал в 1844 г. французский консул в Тифлисе. Он, добиваясь, что генерал Нейдгарт (Neidhart), генерал-губернатор Закавказья передал русскому министру иностранных дел Нессельроде (Nesselrode) перехваченное донесение, и при этом просил его дать

^{*} Примечание переводчика. Арпан – старинная французская земельная мера.

^{**} Примечание переводчика. Имеется в виду Российская Империя.

распоряжение о закрытии этого консульства, но министр воздержался от удовлетворения этого ходатайства и подтвердил право консула на сбор информации. «В Петербурге предпочитают – писал консул, комментируя этот факт – получать не ту версию, которую им предоставляет штаб» Тифлис, 27 мая 1844 г., донесение № 35 подписал Γ . де Кастийон (G. de Castillon), *CPC*, Россия, Тифлис, 2, листы 223–230). Текст этого донесения опубликовал А. Беннигсен (A. Bennigsen. «Французское сообщение о Шамиле и Кавказских войнах», VII (3), 1966 г. С. 311–322.

- 3. Среди всех работ, просмотренных нами, работа Людвика Видерзаля «Кавказские вопросы в европейской политике в 1831–1864 гг. Варшава, 1934 г. 271 с. (Ludwik Widerszal, Sprawy kaukaskie w politice europejskiey w latach 1831–1864) является единственной, в которой систематически использованы французские донесения, но их тексты не опубликованы. К тому же автор говорит лишь о политике европейских держав, подчеркивая при этом роль, которую сыграли польские беженцы.
- 4. В частности, это «Воспоминания барона де Баранта, члена Французской Академии (1782–1866 гг.) (Souvenirs du baron de Barante de l'Académie Française (1782–1866), опубликованные его внуком Клодом де Барантом (Claude de Barante), Париж, 1890–1901 гг., 8 томов.
- 5. Изучение персидской корреспонденции не дало никаких результатов.
- 6. Сравнить с работами «Страницы истории Второй Империи, по материалам Тувенеля, бывшего министра иностранных дел (1854–1866). Париж, 1903 г., 460 с. [ред. Тувенель], Николай I и Наполеон III. «Предварительные переговоры о Крымской войне: 1852–1854, по неизданным материалам Тувенеля, Париж, 1891 г., 389 с. (Pages de l'histoire du Second Empire d'après les papiers de M. Thouvenel, ancient ministre des Affaires étrangères (1854–1866), Paris, 1903, 460 р., et [Ed. Thouvenel], Nicolas Ier et Napoléon III. Les préliminaires de la guerre de Crimée (1852–1854) d'après les papiers inédits de M. Thouvenel, Paris, 1891, 389 р.
- 7. Тифлис, 9 апр. 1847, донесение № 26, подписал Г. де Кастийон (G. de Castillon), *CPC*, Россия, Тифлис, 2, листы 120–133.
- 8. «Когда я прибыл в Тифлис, должность в этой дипломатической резиденции была синекурой, предоставленной двум агентам, а отношения Закавказья с Францией были скрытыми. Годовой объем французского императора и экспорта не достигал и 300 тысяч франков. В настоящее же время я работаю от 12 до 15 часов каждый день, а объем торговли Закавказья с Францией в 1867 г. будет составлять от 14 до 15 миллионов франков». Тифлис 11 декабря 1867 г., Б де Трамазюр министру иностранных дел, АМАЕГ, личное дело де Трамазюра (de Tramasure).
- 9. Тифлис, 12 апр. 1860 г., письмо Б. де Трамазюра (de Tramasure), там же.
 - 10. Тифлис, 11 дек. 1867 г., уже цитированное письмо де Трамазюра.

- 11. Французские путешественники, находившиеся на Кавказе, обычно предпочитали приписывать себе собранные сведения, а затем, возвратившись во Францию, публиковали их в журнальных статьях или в издававшихся трудах.
- 12. Жюль III. Тель. Мысли и критические заметки из Дневника моих путешествий по Империи Константинопольского Султана, русским, грузинским и татарским провинциям на Кавказе и в Персидском царстве. Париж, 1842 г., 2 тома, II. С. 114. (Jules Ch. Teule. Pensées et notes critiques extraites du Journal de mes voyages dans l'empire du Sultan de Constantinople, dans les provinces russes, géorgiennes et tartares du Caucase et dans le royaume de Perse, Paris, 1842, 2 vols; II. P. 114).
- 13. Опыт Гамбы и этапы его поражения были замечательно описаны Ж.-Л. ван Режемортером в его книге «Генуэзский миф на Черном море: Франция, Россия и Азиатская торговля, проходившая через Грузию (1821–1831 гг.)», труды, 19, 1964 г. С. 492–521) (Le mythe génois en mer Noire: la France, la Russie et le commerce d'Asie par la route de Géorgie (1821–1831), Annales ESC, 19, 1964. Р. 492–521).
- 14. Жан-Франсуа Гамба. Путешествие по южной России и, особенно, по Закавказским провинциям, совершенное в 1820–1824 гг. Париж, 1826 г., І. С. 62 (Voyage dans la Russie méridionales et particulièrement dans les provinces situées au delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'à 1824. Paris, 1826, І. Р. 62).
- 15. Сравнить с работой Яна Чинского «Восстание черкесов». Париж, 1837 г. С. 9, № 1: «эта книга* написана под обворожительным влиянием, которое так хорошо умел оказывать император Александр, и по сведениям, которые ему предоставила русская аристократия».
- 16. Трапезунд, 24 мая 1836 г., донесение № 9, подписал Утре (Outrey), *CPC*, Турция, различные консульства, 5, листы 236–237.
- 17. Дезире Совер де Ля Шапель (Desiré Sauveur de La Chapelle), родившийся в Ренне в 1799 г., сначала хотел посвятить себя военной карьере: с 1814 до 1823 гг. он был младшим лейтенантом пехоты. Назначенный на должность консула в Тифлисе в 1839 г., он добился в 1842 г. отпуска по болезни, а затем был назначен консулом в Остенде. Свою карьеру он окончил в Чивитавеккья и в 1849 г. был уволен в запас. Биографические сведения о консулах заимствованы из личных дел работников Министерства иностранных дел.
- 18. Тифлис, 16 мая 1845 г., донесения № 4, подпись Монно-Арбийе (Monnot-Arbilleux), Россия, Тифлис, 2, листы 45–49.
- 19. Гюстав Пьер-Антуан де Кастийон (Gustave Pierre-Antoine de Castillon), родившийся в 1811 г., жил со своей матерью в бедности, когда его принимали на внештатную должность в Министерство иностранных дел, где ему поручили скромную неоплачиваемую работу. Будучи кон-

 $^{^*}$ Примечание переводчика. Речь идет о вышеуказанной книге французского путешественника Жанна Франсуа Гамбы.

сулом в Тифлисе с 1842 г. он оставил эту должность по состоянию здоровья, а затем последовательно получал назначения в Эльснер, Варшаву, Нью-Кастл, Белград и, наконец, был поверенным в делах в Танжере. Был уволен в отставку по собственному желанию в 1862 г. Умер в Париже в 1870 г. В 1862 г. получил звание командора Ордена Почетного Легиона. После его отъезда из Тифлиса часть его семьи осталась в Южной России.

- 20. Пьер Эдмон де Баррер (Pierre Edmond de Barrère) родился в Морле в 1819 г., умер в Париже в 1890 г.; был последовательно временно исполняющим обязанности Эрзерумского консульства и консулом 2-го класса в Тифлисе, где в 1851 г. ему пришлось встретиться с трудностями, возникшими в его отношениях с небольшой французской колонией, находившейся в состоянии анархии. В 1853 г. был назначен в Дамаск, сначала в качестве управляющего консульством, потом на должность консула, затем он был назначен генеральным консулом в Смирну. В 1873 г. был уволен в отставку, а в 1890 г. умер в Париже.
- 21. «Облик русской власти на Кавказе в 1852 г.» (Tableau de la domination russe en 1852), подписано Эдмоном де Баррером (Edmond de Barrère), MD, Россия, 38, листы 13–44.
- 22. Карский Штаб, 9 июня 1854 г., письмо подписано Симоном (Simon), секретарем консула, приложение к донесению № 3, *CPC*, Турция, Эрзерум, 4, листы 161–164.
- 23. Бенжамен де Трамазюр (1812–1876) (Benjamin de Tramasure), сын полковника императорской армии, изучал торговлю в течение более пятнадцати лет и специализировался в области экономики заморских стран. На должность начальника консульской канцелярии Тифлисского консульства в 1852 г. он был, вероятно, назначен благодаря рекомендации одного из бывших соратников Луи-Наполеона, принимавшего с ним участие в Булонском заговоре. Несмотря на высокую протекцию, он так и не добился своего назначения на должность консула, оставшись до самой смерти в должности начальника канцелярии и даже не смог добиться права на выход в отставку.
- 24. «Памятная записка о Кавказе» (Mémoire sur le Caucase), Париж, 5 янв. 1855 г., подписано Трамазюром, Россия, 38, листы 128–147.
- 25. Барон де Барант (de Barante) графу Моле (Molé) 19 октября 1838 г., донесение в «Воспоминания барона де Баранта (Souvenirs du baron de Barante). Указ. соч. VI, стр. 124.
 - 26. Там же. Ć. 123.
- 27. Одесса, 6 марта 1835 г., донесение № 8, подписано Сен-Совером (Saint-Sauveur), *CPC*, Россия, разные консульства, 2, листы 134–136.
- 28. Большинство товаров, экспортировавшихся во Францию или импортировавшихся из Франции, перевозилось на иностранных кораблях. В 1833 г. из 442 судов, прибывших в Одессу, только 6 было под французским флагом; в 1834 г. таких кораблей было только 2 из 363, а в 1835 г. ни одного. Затем это соотношение заметно возросло; в 1846 г.

из общего числа 185 судов – французских кораблей было 21 (эти сведения из переписки консульства по вопросам торговли).

- 29. Одесса, 7-го июля 1837 г., донесение № 19, подписано А.-А. Шалле (А.-А. Challaye); Россия, разные консульства, 2, лист 208. Для сведения см. также донесение № 99 от 1-го июня 1841 г. из Одессы, подписано А.-А. Шалле. Там же. 3, листы 3–6.
- 30. Андре-Адольф Шалле (André Adolphe Challaye) родился в Париже в 1787 г., поступил на службу в возрасте 16 лет, был направлен в Одесское консульство в 1817 г., сначала в качестве временно управляющего делами, а затем с 1821 г. по 1832 г. был консулом. По состоянию здоровья получил отпуск и был переведен на службу в Корфу, а затем снова был назначен консулом в Одессе и оставался на этой должности с 1835 г. до своего ухода в отставку в конце 1846 г.
- 31. Одесса, 6 марта 1835 г., донесение № 8, подписано Сен-Совером (Saint-Sauveur). Там же. 2, листы 136–138, и его же коммерческое донесение. Этими путешественниками были дю Пий (du Pille), бывший камер-юнкер (ex-gentilhomme) из королевской палаты, и граф де Шарнасе (Charnacé). Во время своего путешествия они проехали от Москвы до Тифлиса, побывали в Тамани и в Одессе, пересекли Имеретию.
- 32. Торговая корреспонденция. Одесса, 5, лист 252 (приложение к донесению).
- 33. Жан-Франсуа Сорон (Jean-François Sauron), умерший в 1843 г., поселился в Южной России в 1798 г. вместе со своим дядей, который был лесопромышленником. После того как его семейное предприятие было конфисковано во время войны он изучил право, чтобы уметь защищать свои права и поселился в Одессе в качестве адвоката, где создал себе хорошую клиентуру. Добровольно выполняя обязанности хранителя печати французского консульства и, являясь там управляющим в отсутствие консула Шалле, он тщетно ходатайствовал о предоставлении ему должности консула.
- 34. Одесса, 28 апреля 1834 г., донесение № 1, подписано Васс-Сен-Уаном (Vasse-Saint-Ouen), *СРС*, Россия, различные консульства, 2, лист 114.
- 35. Феликс-Жак-Франсуа Депрео де Сен-Совер (Félix-Jacque-Francois Despréaux de Saint-Sauveur), (1792–1876 гг.), был сыном, внуком служащих Министерства иностранных дел, его дяди Петиньи (Pétigny) были соответственно генеральным секретарем Французской канцелярии и старшим чиновником (le premier commis) Министерства иностранных дел при Людовике XVI. После окончания средней школы для сыновей офицеров во Флише (Prytaneé de La Flèche) и училища (l'École des Jeunes-de-langue) он, прослужив некоторое время на низких должностях, сопровождал Лятур-Мобура в его поездке в Константинополь в 1821 г., а затем занимал различные консульские посты в Турции и Греции перед своим назначением в Одессу в 1834 г. Был консулом в Корфу в 1835 г., затем в Алеппо в 1847 г., а 5 мая 1848 г., вопреки его желанию был уволен в отставку.

- 36. Одесса, 22 дек. 1834 г., донесение № 6, подписано Сен-Совером. Там же. С. 130–131.
- 37. Одесса, 6 марта 1835 г., донесение № 8, указано в пункте № 31. Λ исты 134–136.
- 38. Ф. (Депрео) де Сен-Совер (Félix-Jacque-Francois Déspreaux de Saint-Sauveur). Поездки по Крыму и Черкессому побережью в июле 1836 г. (Exursions en Crimé et sur les cotes de Circassie au mois de juillet 1836), Париж, 1837 г. 87 с. В Военном Архиве хранится рукопись этой работы, «Мемуары и разведовательные материалы» (Метоires et Reconnaissance), № 1495, 99 листов с выпиской.
- 39. В ноябре 1836 г. Шалле (Challaye) считал, что для полного завоевания всей Черкесии было необходимо 6 или 8 лет; в июле 1837 г. он полагал, что вслед за покорением Черкесии последует ее оккупация, которая повлечет за собой столько же жертв, как и война; 2-го февраля 1838 г. высказал предположение, «что через год несчастные черкесы будут полностью изолированы и сдадутся».
- 40. Одесса, 12 августа 1840 г., донесение № 111, подписано А.-А. Шалле, СРС, Россия, различные консульства, 3, листы 80–88.
- 41. Одесса, 6 мая 1844 г., донесение 194, подписано А.-А. Шалле, *Corr. comm.*, Одесса, листы 375–376.
- 42. Одесса, 22 марта 1845 г, донесение № 214, подписано А.-А. Шалле, СРС, Россия, разные консульства, 3, листы 80–88.
- 43. Одесса, 16 июня 1845 г., донесение № 218, подписано А.-А. Шалле, *Corr. comm.*, Одесса, 6, листы 444–445.
- 44. Жан-Батист Сорон (Jean-Baptiste Sauron) (1816–1876 гг.) стал преемником своего отца в 1847 г., в качестве хранителя печати Одесского консульства и оставался на этом посту до своей смерти. Он покончил жизнь самоубийством в результате рискованных финансовых операций, которыми он нанес материальный ущерб многочисленным лицам, доверившим соблюдение интересов; среди этих лиц, в частности, была княгиня Кантакузен (Cantacuzène).
- 45. Пьерр-Луи-Эрнест, виконт Жильбер де Byaзeн (Pierre-Louis-Ernest, vicomte Gilbert de Voisins), родившийся в Лондоне в 1799 г., первый раз был назначен консулом в Одессу в 1846 г., управляющим делами того же консульства в 1849 г. и снова консулом в 1852 г., и затем, в 1854 г., был назначен управляющим Эрзерумским Консульством. Альбер Гуэ (Albert Huet) (1822–1866 гг.) был родственником адмирала де Макау (de Mackau). Став консулом первого класса в возрасте 21 года, он последовательно был консулом в Кадисе, Одессе (1848–1858 гг.)*, Бухаресте, Лиссабоне, Кито, Лиме и был генеральным консулом в Генуе.

 $^{^*}$ Примечание переводчика. В тексте допущена явная опечатка: 1848–1888 гг. Если принять во внимание, что Гуэ умер в 1866 г., то он, разумеется, не мог заниматься должностью консула в Одессе до 1888 г. Вероятно, эту должность он занимал до 1858 г.

- 46. Одесса, 14 апр. 1849 г., донесение № 1, подписано Гуэ, *СРС*, Россия, различные консульства, 3, лист 129.
- 47. Ксавье Оммер де Хелл (Xavier Hommaire de Hell) «Положение русских на Кавказе», Восточный журнал (Situation des Russes dans le Caucase, Revue de l Orient, IV). IV, 1844 г. С. 284.
- 48. Виктор-Фонтанье (Victor Fontanier), родившийся в Сен-Флуре (Saint-Flour) в 1796 г., сначала изучал фармацевтические науки, затем в 1814 г. поступил в Педагогический институт (École Normale), из которого он ушел. Поступив в 1819 г. в школу путешествующих натуралистов (École des Naturalistes Voyageurs), основанную герцогом Деказом (Decazes), он в 1821 г. отправился в Левант для проведения научных исследований в области естественных наук. Оставшись один после смерти всех своих спутников, убитых или умерших от болезней, он был назначен временно исполняющим обязанности управляющего Трапезундским вице-консульством и занимал этот пост до 1833 г., так и не добившись своего включения в штат постоянных работников. Наконец, в 1834 г. он был допущен к консульской должности и выполнял многочисленные обязанности до самой смерти, последовавший в Чивитавеккья в 1857 г. Является автором книги «Путеществия на Востоке», предпринятые по распоряжению французского правительства, Париж, 1829–1834 гг., 3 тома: «О современном положении лезгин, черкесского народа»; Европейская летопись, Journal de la Société de Fructification VIII, 1825 г. С. 59-69; и «Заметка о лезгинах», Бюллетень Географического общества, 2 сер., 1 апр. 1834 г. С. 229-237.
- 49. После отъезда Фонтанье, его преемник признался в том, что у него были долги (3 000 франков он был должен переводчику, 8 000 пиастров английскому консулу), что он вывел своих коллег из терпения и был виновен в грубой неосторожности, сообщив Сардинскому консулу полученные им инструкции французского правительства о политике, которую следовало проводить в отношении русских властей в Грузии, в то время как этот консул уже давно поддерживал тесные связи с этими властями.
- 50. Трапезунд, 18 сент. 1831 г., донесение № 39, подписано Фонтанье (Fontanier), *CP*, Турция, 258, листы 260–261.
- 51. Об этом деле см. книгу Пертева Боратава «Сведения о России, хранящиеся в Архивах Оттоманской империи» «Оттоманское дело об имаме Шамиле» (La Russie dans les archives ottomanes), *CMRS*, X (3–4), 1969 г. С. 524–535.
- 52. Трапезунд, 16 июля 1853 г., донесение № 32, подписано Клерамбо (Clairambault), *СРС*, Турция, Трапезунд, 4, лист 147.
- 53. Шарль-Луи-Альфред Поншарра (Charles-Louis-Alfred Poncharra), сын полковника артиллерии, родившийся в Париже в 1823 г., поступил на службу в Министерство иностранных дел в 1845 г. в качестве внештатного работника. Он последовательно был стажером, ис-

полнявшим обязанности консула (élève consul) в Танжере и в Смирне, управляющим делами консульства в Канне, консулом в Трапезунде, Сантандере и Салониках, откуда он, будучи серьезно больным, возвратился на родину в Париж в 1867 г. Умер в Париже в 1867 г.

- 54. Трапезунд, 2 июня 1854 г., донесение № 11, подписано Поншарра (Poncharra). Там же. Листы 217–219.
- 55. Трапезунд, 10 дек. 1854 г., донесение № 36, подписано Поншарра (Poncharra). Там же. Листы 281–282.
- 56. Недатированная заметка Фонтанье (Fontanier), приблизительно 1829 г., находится в личном деле этого агента.
- 57. Шарль-Александр де Шалле (Charles-Alexandre de Challaye), родившийся в Париже в 1816 г., сын Александра де Шалле, консула в Смирне, занимал различные посты на Дальнем Востоке, в Египте и в Венеции в качестве консула-стажера, затем был управляющим делами генерального консульства в Гватемале в 1847 г. Будучи уволенным в запас в мае 1848 г. он был назначен консулом в Эрзеруме 5-го марта 1847 г. В начале 1855 г. был назначен управляющим консульством в Анконе, где и умер в следующем году от холеры.
- 58. Эрзерум, 4 июня 1854 г., донесение № 2, подписано Ш.-А. Шалле (Ch.-A. Challaye), *СРС*, Турция, Эрзерум, 4, листы 136–141.
- 59. Гаспар-Огюст-Леон Кастань (Gaspard-August Léon Castagne), родившийся в Константинополе в 1822 г., был сыном начальника канцелярии Французского посольства в Турции; один из его предков по материнской линии был в 1722 г. генеральным консулом при крымском хане. Дважды (в июле–ноябре 1854 г. и в феврале 1855 г.) был управляющим Эрзерумского консульства, заболев холерой, тщетно просил о своем освобождении от должности и умер 27 августа 1855 г.
- 60. Эрзерум, 27 марта 1855 г., донесение № 12, подписано Кастань (Castagne). Там же. Λ исты 288–289.
- 61. Барант (Barante) писал: «В Санкт-Петербурге официальных сообщений не публикуют. Делают вид, что об этой войне вообще никогда не говорят. Обо всем можно узнать лишь по слухам» (Санкт-Петербург, 28 сент. 1839 г., донесение № 4, СР, Россия, 19, лист 135) «Обычно о военных событиях ничего не публикуют, а в русском обществе очень редко осмеливаются говорить на эту тему» (Тот же автор, донесение № 14, 14 июня 1841 г. Там же. 197, листы 119–125). Шарль де Ля Ферроне (Charles de La Ferronays): «... Хоть в России, как это вам известно, очень трудно узнать о событиях, происходящих внутри страны, особенно о тех, которые невыгодны правительству...» (Доклад Министру иностранных дел от 9 марта 1842 г., МD, Россия, 43, листы 162–171).
- 62. Кастийон (Castillon) жаловался в 1844 г. на то, что депутат и журналист Альфонс Дени (Alphonse Denis), автор ценной статьи о Кавказе, пользуясь его донесениями, не счел нужным указать источник. Это говорит он, «может подорвать авторитет, которым поль-

- зуется моя корреспонденция, в отличие от любой другой переписки (...). Мне важно, чтобы меня не подозревали в том, что я якобы удовлетворяю любопытство газет» (Тифлис, 27 мая 1844 г., донесение N oldots 35, указано в N oldots 2).
- 63. Если Ланжерон (Langeron), как об этом писал Гамба, приветствовал появившуюся возможность ведения торговли с Черкесией, то в одном из последующих сообщений говорилось о плане, который свидетельствовал о резком изменении политики Одесского губернатора: Ланжерон хотел блокировать воинственные племена военным кордоном, чтобы заставить их либо капитулировать, либо принудить их к взаимному уничтожению друг друга, и этого он стремился достичь любым путем, даже в том случае, если бы осуществление такого плана привело бы к гибели ста тысяч людей от болезней. (Ш. Беланже. Путешествие в Восточную Индию, Париж, 1834–1838 гг., 1. С. 114.) (Сh. Bélanger, Voyage aux Indes orientale, Paris, 1834–1838, 1. Р. 114).
- 64. Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии», в указанной книге Яна Потоцкого «Путешествие в Астраханских и Кавказских степях» (Taitbout de Marigny, «Voyage dans pays des Tcherkesses, in Jan Potocki, ed., Voyage dans les steps d'Astrarhan et du Caucase, Paris, 1829, I. P. 355–356) Париж, 1829 г. С. 355–356.
- 65. Ж. Ш. де Бесс «Путешествие по Крыму, Кавказу, Грузии в 1829 и 1830 гг.» (J. Ch. de Besse «Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie...en 1829 et 1830», Paris, 1838, P. 201). Париж, 1838 г. С. 201.
- 66. Полковник Роттье, Маршрут Тифлис-Константинополь (Colonel Rottiers, Itinéraire de Tiflis à Constantinople), Брюсель. С. 93.
- 67. Англия, Франция, Россия и Турция (l'Angleterre, la France, la Russie et la Turquie), французский перевод, Париж, 1835 г., 216 с. (было трижды издано в Англии за несколько месяцев).
 - 68. Там же. С. 178.
 - 69. Там же. С. 204-206.
 - 70. Там же. № 1. С. 205.
- 71. В газете «Ле Насьональ» (Le National) от 23 июля 1835 г. Арман Каррель (Armand Carrel) обвинял в лице мэрии группировку (la faction), к которой принадлежал Уркварт. Не благодаря ли этой группировке была организована руководимая царем коалиция, стремившаяся к разгрому либеральной Франции? Именно Англия превратила Александра в Агамемнона Священного Союза.
 - 72. Там же. 23 янв. 1836 г.
- 73. Согласно Жану Маршану, это было «Портфолио» (The Portfolio) Дэвида Уркварта. Английское мероприятие, разглашающее секретные документы (1835–1849 гг.) («Обзор дипломатической истории» «Revue d'Histoire diplomatique», 1961 г. С. 136–144). Эти документы были получены в результате ограбления Архива Великого Князя Константина, губернатора Польши, в 1830 г., и были вручены поль-

скими эмигрантами герцогу де Брольи (de Broglie), который передал их Пальмерстону. Говорят, что этот последний, якобы неохотно согласился на публикацию этих материалов, чего требовал король Вильгельм IV.

- 74. «Портфолио» или сборник политических документов, относящихся к современной истории (Le Portfolio ou collection de documents politiques relatives à l'histoire contemporaine), перевод с английского, Париж, 1836 г. V. С. 32. Согласно утверждению автора, один из местных знатных людей сказал: «Мы знаем, что с тех пор как Дауд Паша высадился на наших берегах, наша независимость оказалась провозглашена во всем мире».
- 75. В письме Ахмеду Паше (12 августа 1835 г.) Уркварт квалифицировал впечатление, произведенное этим документом в Англии, как поразительное (Дж. Г. Бословер, «Лорд Понсонби и Восточный вопрос, 1833–1839 гг». (Slavonic and East Europe Review)), «Обзор славянских и восточно-европейских стран, XIII, 1934 г. С. 107.
 - 76. «Портфолио» (Le Portfolio). Указ. соч. IV. С. 476.
- 77. Эдмунд Спенсер. «Путешествие по Черкесии... в 1836 г.» (Edmund Spencer, Travels in Circassia...in 1836), Лондон, 1837 г. І. С. 253.
- 78. Ќонстантинополь, 21 окт. 1835 г., донесение № 84, подписано бароном Руссеном (Roussin), *CP*, Турция, 271, листы 145–148.
- 79. «Портфолио» (Le Portfolio). Указ. соч. V. С. 51–122. Этот сборник содержит русский манифест, анализ Российских претензий, сообщение очевидца о последствиях, вызванных в Германии этими событиями, подписанное «Германикус Виндекс» (Germanicus Vindex) («Германский Мститель») и письма Дж. Белла (J. Bell).
- 80. «Если защитительная речь правдива, справедлива, то ее горячность не имеет существенного значения. «Истина не теряет свою силу от того, что ее проповедуют в порыве энтузиазма» («Журналь де Деба»), 18 июля 1835 г.
 - 81. Там же. 19 марта 1837 г.
 - 82. «Ле Насьональ» (Le National), 25 февр. 1837 г.
 - 83. Там же. 21 марта 1837 г.
 - 84. Там же. 31 марта 1837 г.
 - 85. Там же. 24 марта 1837 г.
- 86. В работе, переведенной и распространенной во Франции в 1841 г. «Дневник резидента в Черкесии за 1837–1839 гг.». перевел с английского Л. Вивиан де Сен-Мартен (L. Vivien de Saint-Martin), Париж, 1841 г., 2 тома, І, І, № 1; Джеймс Станислас Белл (James Stanislas Bell) утверждал, что он действовал, будучи убежденным в поддержке со стороны своего правительства. Согласно его мнению, Пальмерстон недооценивал реакцию русских, а узнав о их решимости, он капитулировал, покрыв «позором себя и людей своей партии», опозорив себя не только как государственного деятеля, но и как англичанина».

- 87. «Ле Насьональ» (Le National), 5 янв. 1836 г. Эту цитату не следует понимать в дословном смысле, ибо в ту эпоху имамы Гази Мохаммед (Кази Молла) (Gazi Mohammed) и Гамзат (Hamzat) возглавляли мюридизм лишь в течение очень короткого времени. Эту фразу можно понимать скорее как коллективный намек на предшественников Шамиля как близких, так и далеких, начиная с шейха Мансура.
- 88. «Журналь де Деба» (Journal des Dèbats), 25 янв. 1844 г., цитата заимствована из «Кельнской газеты» (La Gazette de Cologne).
- 89. «Ле Насьональ» (Le National), 11 янв. 1844 г., цитата заимствована из Огсбургской газеты (La Gazette d'Augsbourg).
- 90. Так поступила газета «Конститюсьонель» (Constitutionnel) (8 сент. 1843 г., 10 дек. 1843 г. и 20 дек. 1843 г.), 20 января 1844 г. в этой газете было опубликовано описание пыток, применяемых чеченцами, это сообщение было основано на корреспонденции, полученной с «берегов Немана».
 - 91. «Ле Насьональ» (Le National), 13 янв. 1842 г.
 - 92. Там же. 13 янв. 1842 г.
 - 93. Ян Чинский (Jean Czynski), вышеуказанный труд.
- 94. Морской Сципион. Русские письма. О регентстве и волнениях, спровоцированных Россией (Scipion Marin. Lettres russes. De la règence et des troubles préparés par la Russie). Париж, 1842 г. С. 31–32.
- 95. «Ле Насьональ» (Le National), 19 окт. 1844 г., ссылаясь на «очень древнюю турецкую книгу», напоминает об одном пророчестве, согласно которому «в эпоху, когда ислам всюду будет находиться в состоянии упадка, внезапно появится вдохновенный человек по имени Ахмед, который силой восстановит истинную религию. А ведь Шамиля, черкесского вождя зовут Ахмед. Он воспользовался этим пророчеством. Он даже, подобно пророку, закрыл свое лицо покрывалом и так же, как пророк, оставляет себе лишь одну часть добычи, четыре части раздает своим воинам, всегда носит с собой священные книги».
- 96. Джон Августин Лонгворт. Один год среди черкесов. (John Augustin Longworth. A year among the Circassians). Лондон, 1840 г. 2 тома.
- 97. Джеймс Станислас Белл (James Stanislas Bell) Дневник резидента в Черкесии... Указ. соч.
- 98. Сюзанне (Suzannet), в частности, смог посетить Елиссуского султана (sultan de Yelissou) и получить доверительные сообщения о прибытии агентов Шамиля.
- 99. Граф де Сюзане. «Кавказские провинции при русском господстве. Грузия, Дагестан, побережье Каспийского моря и берега Кубани» (Comte de Suzannet «Les provinces du Caucase sous la domination russe. La Géorgie, Le Dagestan, le littoral de la Mer Caspienne et les rives du Kouban»). Обозрение обоих миров (Revues des deux mondes), 1 апр. 1841 г. С. 50–106. В донесении от 19 нояб. 1847 г. (СРС, Россия, Тифлис, 2, листы 171–173), консул Лексерруа (Lauxerrois) намекал на недоволь-

ство России, возникшее «в результате более чем нескромных откровениях графа Сюзане». Он, конечно, ссылался на переизданную вышеуказанную статью, опубликованную под заголовком «Воспоминания о путешествиях. Кавказские провинции...) (Souvenirs de voyages. Les provinces du Caucase...) Париж, 1846 г., IV. 462 с. Следов этой работы мы обнаружить не смогли.

100. Сюзанне (Suzannet). Указ. соч. С. 88.

101. Там же. С. 56.

102. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу в Чечню и Абхазию, в Колхиду, Грузию, Армению и Крыму (Frèdèric Dubois de Montpèreux. Voyage autour du Caucase chez les Tchetchènes et les Abkhazes, en Colchide, en Gèorgie, en Armènie et en Crimèe). Париж, 1839–1843 гг. 6 томов ин 8 и атлас ин-фолио.

103. Ксавье Оммер де Хелл, цитированные статьи, страницы 150–166, 261–287 (Xavier Hommaire de Hell). Эта статья заимствована из его книги Прикаспийские степи, Кавказ, Крым и Южная Россия. (Les steppes de la Caspienne, le Caucase, la Crimèe et la Russie mèridionale). Париж, 1843–1844 гг. 3 тома ин 8°.

104. «Шамиль, черкесский вождь», литография Энгельман и Графа (Engelman & Graf), Париж (Национальная библиотека, гравюры, картон № 2); «Шамиль», чернильный рисунок работы Родольфа Бресдена (Rodolphe Bresdin), 1858 г., (Национальная библиотека, Гравюры, 362, т. 1); для сравнения см. Бресден. Рисунки, Париж, издательство Контрер, 1975 г. (Bresdin, Dessins, Paris, èd. Contraires, 1975).

105. Стихотворение A. Baн Acceta (A. Van Asseth), цитированное Эдмоном Тексье (Edmond Texier): «Участники Восточной войны: Шамиль» (Les hommes de la guerre d'Orient: Schamil). Париж, 1854 г. С. 33.

106. Пьетро Цакконе. Шамиль, освободитель Кавказа (Pietro Zaccone, Sciamil, liberatore del Caucase). Милан, 1857 г. Исторический роман.

107. Поль Мерис. Шамиль (Paul Meurice, Schamil). Драма в $\bar{5}$ актах. Париж, 1854 г. ин-12.

108. Среди многочисленных работ, опубликованных во Франции, некоторые заслуживают внимания. Георгий Вл[аст]ов. Тени прошлого. Воспоминания Кавказского офицера. (Georges Wl[ast]off. Ombre du passé. Souvenirs d'un officier du Caucase), 1837 г.; Мемуары генерала Муссы Паши Кондухова (Moussa Pacha Kondoukhov), опубликованные в журнале «Кавказ» (Le Caucase). [Париж], 3–16, 1937–1938 гг. К этим работам следует отнести и любопытный рассказ в форме басни Ж. Бернье: Гости Шамиля (G. Bernier. Les hôtes de Schamil (Париж, 1884 г. С. 65), напоминающий об убийстве Хана Ахмеда Аварского по распоряжению Шамиля, о заговоре, которые готовили два мюрида, чтобы

^{*} Примечание переводчика. Речь идет о Российском Императоре Александре I. Его роль в Священном Союзе автор сравнивает с ролью Агамемнона, легендарного героя древнегреческого эпоса «Илиада», в Троянской войне.

сын хана мог отомстить за это убийство и о его добровольном самопожертвовании.

- 109. Донесение П. Фуркада (Р. Fourcade), адресованное Д'Отериву (D'Hauterive) и упомянутое в книге Видерзаля (L. Widerszale). Цитированный источник. С. 117.
- 110. Париж, 30 окт. 1853 г., донесение № 1 (инструкция, направленная генералу Барагей д'Илье (Baraguey d'Hilliers), Минют (Minute), *CP*, Турция, Эрзерум, 4, листы 62–73.
- 111. Париж, 7 июля 1854 г., секретное письмо Военного министра министру иностранных дел. Там же. 318, листы 251–256.
 - 112. См. ниже. С. 41–43.
 - 113. Л. Видерзаль (L. Widerszale). Указ. соч. С. 138–139.
- 114. Эрзерум, 1-е нояб. 1852 г., донесение № 9, подписано Шалле (Challaye), *СРС*, Турция, Эрзерум, 4, листы 62–73.
 - 115. См. выше. С. 28.
- 116. Доклады майора Сен-Лорана (Saint-Laurent) и капитана Барту (Barthoux), 24 июля и 24 июня 1854 г., из книги Λ . Видерзаля (L. Widerszale). Указ. соч. С. 132.
- 117. «Письма о войне», датированные 30 янв. 1854 г., MD, Турция, 47, листы 146–148.
- 118. Венгерский генерал, атташе при штабе Анатолийской армии, которой командовал Зариф Мустафа Паша (Zarif Mustapha Pacha) и известный под псевдонимом Коршида Паша (Korchid Pacha), (см. донесение № 9, отправленное из Эрзерума 3 марта 1854 г. подписано Кастань (Castagne), *CPC*, Турция, Эрзерум, 4, листы 122–123).
- 119. «Три заметки о Кавказе» (Trois notes sur le Caucase), июль 1854 г., подписано Эдм. де Баррером (Edm. de Barrère), MD, Россия, 44, листы 185–189. На предыдущих страницах (там же, листы 175–184) Баррер развивает ту же тему: речь шла об основной части кавказской федеральной армии, которая должна была состоять из лазов, мингрельцев и армян, о посылке флотилии в Каспийское море и т.д.
- 120. Константинополь, 12 янв. 1854 г., приложение к донесению № 25, СР, Турция, 318 В, лист 34.
- 121. Константинополь, 25 марта 1854 г., донесение № 48, подписано Барагей д'Илье (Baraguey d'Hilliers). Там же. Λ ист 270.
- 122. Париж, 24 апр. 1854 г., телеграмма кабинета министра иностранных дел. Там же. Лист 359.
- 123. Вице-адмирал Гамлен (Hamelin) морскому министру. 5 мая 1854 г., архив морского флота, ВВ 4, 711. Листы 293–294.
- 124. Ќапитан Паша вице-адмиралу Гамлену (копия), *СР*, Турция. 318 с. приложение к донесению № 64 от 5 мая 1854 г., листы 21–23.
- 125. Синоп, 26 мая 1854 г., доклад вице-адмиралу Гамлену, подписано О. де Шабанном (О. de Chabannes), командир корабля «Карл Великий», архив морского флота, ВВ 4, 697, листы 417–427.

- 126. «Выдержка из беседы Его Превосходительства господина Наиба с капитаном Джонсом (Abstract of his Exc. the Naïb Effendi's conversation with Captain Jones), 28 июня 1854 г., *MD*, Россия, 38, листы 109–111.
- 127. Донесение № 12 от 15 июля 1845 г., подписано Буре (Bourèe) на борту корабля «Сюффрен» (Suffren), *CP*, Турция, 318 А. Листы 300–310.
- 128. Поездка по Черкесии доктора Жаннеля (Jeannel), главного фармацевта Восточной армии, Бордо (Excursion en Circassie par le docteur Jeannel, pharmacien en chef de l'armèe d'Orient), Бордо 1856 г. С. 51.
- 129. «Об азиатских национальностях и о Черкесии. Подлинные заметки черкеса-мусульманина, перевод и комментарии Палестинского франка». Введение Клода Герраза, Париж, 1861 г. (Des nationalités asiatique et de la Circassie. Notes originales d'un Circassien musulman, traduites et commentèes par un France de Palestine). Предисловие Клода Герраза. Париж, 1861 г. Капитан Брок (Brock), высадившись в Черкесии, выразил желание поговорить с Шамилем, «но удивленные черкесы ответили ему, что никогда ничего не слыхали об этом человеке», и Брок, раздосадованный, «отправился на рыбную ловлю». Этот рассказ неправдоподобен, тем более что Брок получил точные инструкции, согласно которым он, прежде всего, должен был установить связь с Наибом Мохаммедом Эмином. Для сравнения см. МD, Россия, 38, листы 113–115.
- 130. Доклад вице-адмиралу Гамлену (Hamelin), уже упомянутый в пункте № 125.
- 131. «Крымская экспедиция». Французский флот в Черном море и на Балтике. Морская хроника Восточной войны» Автор барон де Базанкур (de Bazancourt), которому было поручено отправиться в Крым для описания истории этой войны, Париж, 1858, 2 тома. (L'expedition de Crimée. La marine française dans la mer Noire et la Baltique. Chroniques maritimes de la guerre d'Orient, par le baron de Bazancourt, chargè de mission en Crimée pour écrire l'histoire de la guerre. Paris, 1858, 2 volumes).
 - 132. Там же. 1. С. 164, 166.
- 133. Константинополь, 10 августа 1854 г., донесение № 23, подписано Бенедетти (Benedetti), *CP*, Турция, 318 Д, листы 29–35; Константинополь, 24 августа 1854 г.донесение № 30, подписано Бенедетти. Там же. Листы 105–114; Константинополь, 29 октября 1854 г., копия его же письма, адресованная генералу Канроберу (Canrobert), там же, 318 Е, листы 142–146. Некоторые черкесские вожди «во время своего пребывания в Константинополе внезапно умерли», а другие хотели «так отомстить Наибу, который тайком уехал, чтобы эта месть потрясла всех».
- 134. Там же. Константинополь, 10 окт. 1854 г., донесение № 44, подписано Бенедетти (Benedetti). Там же. Λ исты 32–34.
- 135. Стретфорд (Stratford) Вильямсу (Williams), 23 нояб. 1854 г., Общественная деятельность (Public Record Office) Φ O, 78/1042, цитирует Λ . Ви-

дерзаль (L. Widerszal). Указ. соч. С. 136. Этот автор подробно анализирует планы миссий Ллойда (Lloyd) и Хуга (Hughes). Там же. С. 134–136.

- 136. Речь идет о госпоже Дрансей (Drancey), гувернантки княжны Анны Чавчавадзе. В ноябре 1854 г. французский Стейерт (Steyert) и турецкие власти Батуми официально обратились к Шамилю, чтобы добиться ее освобождения.
- 137. Париж, 14 августа 1854 г., донесение министра иностранных дел поверенному в делах Бенедетти (Benedetti), *CP*, Турция, 318 \mathcal{L} , листы 44–46.
- 138. Конфиденциальное письмо, адресованное маршалу Сен-Арно (Saint Arnaud), 2 июля 1854 г., Военный архив. Его автором, вероятно, был капитан Гиацинт-Ипполит де Модюуи (Hiacinthe-Hippolite de Mauduit) родившийся приблизительно в 1800 году, бывший слушатель Сен-Сирского военного училища (ancien élève de Saint-Суг), пехотный капитан, уволенный в отставку за то, что отказался дать присягу новому королю. Тогда он основал газету «Армейский часовой» (La Sentinelle de l'Armée (1835–1850)), опубликовал труд о структуре вооруженных сил в 1834 г., подписал петиции в защиту армии. Несмотря на свои легитимистские убеждения, 2-го декабря 1851 г. он выступил в защиту Луи-Наполеона и опубликовал брошюру, восхвалявшую государственный переворот. Можно предполагать, что в знак признательности, Наполеон III, доверяя ему, откомандировал его на Кавказ для выполнения поручения.
- 139. Поиски этого вооружения были темой длительной переписки между французским консульским агентом Шампуазо (Champoiseau) и турецким штабом в Черкесии (МД, Россия, листы 214–217, 246–251). 30 сентября 1855 г. Шампуазо писал: «Я беседовал с Омаром Пашой и начальником штаба Мустафой Пашой относительно 7000 ружей [...]. Каждый из них утверждает, что не получал ничего подобного, однако я слыхал, что 6000 ружей в указанное время уже прибыли. Тут, вероятно, произошла ошибка, которую я не хотел считать бы умышленной...».
 - 140. СР, Турция, 318 А, листы 156–158.
- 141. Донесение № 9 от 30 июня 1854 г., подписано Буре (Bourée). Там же. Λ ист 268 оборотный.
- 142. Бенедетти (Benedetti) Канроберу (Canrobert) 29 октября 1854 г., цитированный пункт № 133.
- 143. Шарль-Франсуа-Ноэль Шампуазо (Charles-François-Noël Champoiseau (1830–1909)), родившийся в Туре (Tours), был сыном Ноэля Шампуазо (Noël Champoiseau) и Аглае Фурье (Aglaé Fourier), в марте 1855 г. по рекомендации графа д'Орнано (d'Ornano) был назначен консульским агентом в Редут-Кале, стал известным не только своей деятельностью на посту консула, сколько, благодаря знаменитой археологической находке, которую он обнаружил на острове Самофракии в 1862 г. После провала своей миссии на Кавказе, его в

течение тридцати лет, переводили из одного консульства в другое, но он отказался от работы в Боготе и Калькутте, и ему с большим трудом удалось удержаться на работе в районе Южной Европы и Средиземного моря (за исключением кратковременного пребывания в Базеле). Его последовательно назначали в Филипполи, Янину, Канею, Рущук, Бильбао, Галац, Базель, Мессину, Ливурно, Смирну Неаполь; в 1888 г. он получил выговор за то, что самовольно уступил участок французской больницы в Смирне и был уволен в запас. В 1891 г. он вернулся на остров Самофракию, где тщетно искал голову и руки статуи Победы.

144. Л. Видерзаль (L. Widerszale). Указ. соч. С. 142.

145. Друэн де Люис (Drouyn de Lhuys) Шарлю Шампуазо (Charles Champoiseau) 2 марта 1855 г., *MD*, Россия, 38, лист 158.

146. *Шампуазо*. Министру иностранных дел, 10 янв., 5 февр., 13 февр. 1855 г. *АМАЕР*, личное дело Шампуазо.

147. Шампуазо. Министру иностранных дел, 10 янв. 1855 г., уже цитировано; д'Орнано министру иностранных дел, 7 мая 1861 г. Там же.

- 148. Филипп-Антуан, граф д'Орнано (Philippe-Antoine, comte d'Ornano (1784–1863)) сыновья Изабеллы Бонапарт (fils d'Isabelle Вопарат) двоюродная сестра отца Наполеона I, был членом Совета Императорской семьи. Был назначен сенатором (26 января 1852 г.) великим канцлером Почетного Легиона (Grand Chancelier de la Légion d'Honneur) (13 августа 1852 г.) управляющим Дворцом Инвалидов (Gouverneur de l'Hotel des Invalides) (26 марта 1853 г.), а в 1861 г. произведен в чин маршала Франции. В 1816 г. женился на Марии Валевской (Магіе Walewska)*. См. Ж. Валенсель (J. Walynselle); кровные родственники Наполеона I по нисходящей линии, граф Леон, граф Валевский, Париж, 1864 г. С. 43. (La descendance naturelle de Napoleon I: le comte Léon, le comte Walewski, Paris, 1864, p. 43).
- 149. Ноэль Шампуазо (IV год** 1859 г.) промышленник; был муниципальным советником, мэром, председателем торговой палаты в городе Тур и председателем Туренского археологического общества.
- 150. Письмо Шампуазо от 10 янв. 1855 г., указанное в пункте № 146. Анри Герлен (Henri Guerlin) («Шарль Шампуазо и открытие Самофракийской статуи Победы», Бюллетень Туренского Археологического общества (Charles Champoiseau et la découverte de la 'victoire' de Samothrace. Bulletin de la Société archéologique de la Touraine) (1909–1910 гг. С. 101–106), уточняет, что Шампуазо по своим воспоминаниям дал Наполеону III описание Севастопольских укреплений, которые он осмо-

^{*} Примечание переводчика. Польская графиня Валевская (1789–1817) была любовницей французского императора Наполеона I.

^{**} Примечание переводчика. Имеется в виду IV-й год по республиканскому календарю, введенному во Франции Великой французской буржуазной революцией; IV-й год по этому календарю соответствовал 1795 году по общепринятому календарю.

трел в 1850 г. во время путешествия в период отпуска и что это произвело на императора такое впечатление, что тот объявил о своей готовности удовлетворить просьбу, с которой мог бы к нему обратиться Шампуазо.

- 151. Трапезунд, 6 августа 1855 г., донесение № 10, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 197–200.
- 152. Марсельская Академия наук, литературы и искусства. Речь Шампуазо по случаю его избрания членом Академии Марсель, 1897 г. С. 6.

153. *MD*, Россия, 38, листы 158–302.

- 154. Генерал Пелисье (Pélissier) маршалу Вайану (Vaillant), 17 нояб. 1855 г., Военный архив. Мемуары и разведывательные материалы (Archives de la guerre, Mémoires et Reconnaissances) № 2293.
- 155. Письмо Шампуазо от 14 сент. 1857 г., переданное кабинетом императора Министру иностранных дел (личное дело Шампуазо).
- 156. Батуми, 7 апреля 1855 г., донесение № 11, подписано Стейртом (Steyert), *CPC*, Россия; различные консульства, 4, листы 205–206.
- 157. Батуми, 27 апр. 1855 г., донесение № 13, подписано Стейертом (Steyert), там же, листы 209–210, и Трапезунд, 21 мая 1855 г., донесение № 2, подписано Шампуазо (Champoiseau), MD, Россия, 38, листы 165–166.
- 158. Шампуазо (Champoiseau) Друэну де Люису (Drouyn de Lhuys), 9 мая 1855 г. Там же. Лист 164.
- 159. Трапезунд, 9 мая 1855 г., донесение № 1, подписано Шампуазо. Там же. \varLambda исты 162–163.
- 160. Трапезунд, 10 дек. 1854 г., донесение № 36, подписано Поншарра (Poncharra), *СРС*, Турция, Трапезунд, 4, листы 281–282.
- 161. 6 мая 1855 г., генерал Пелисье (Pélissier), опасался русского военного давления в Анатолии, которое могло усилиться в результате смерти Шамиля и перемирия, заключенного его старшим сыном (приложение к донесению № 132, *CP*, Турция, 321, листы 37–39). Консул Кастань (Castagne) подтвердил этот ложный слух и в искаженной форме истолковал решение русских, согласно которому сын Шамиля был восстановлен в своих правах при невыясненных обстоятельствах (донесение № 16 от 19 июня 1855 г.), *CPC*, Турция, Эрзерум, 4, листы 305–306.
- 162. В дипломатических архивах хранится обширная переписка по этому вопросу, которая в период между 2 и 30 июля 1855 г. происходила между французским посольством в Константинополе, командованием Восточной Армии и различными министрами французского правительства (*CP*, Турция, 321, листы 6–141).
- 163. Трапезунд, 9 мая 1855 г., донесение № 1, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 162–163.
- 164. «Документ, исходивший от монарха», (Document de source souveraine), адресованный Мустафе Паше и касавшийся господ Λ онгворта (Longworth), Шампуазо (Champoiseau) (копия) (приложение к донесе-

нию № 125 от 25 июня 1855 г., *СР*, Турция, 320, листы 342–350). В этом фирмане султан приказывал Мустафе Паше действовать совместно с «этими агентами, являющимися крупными чиновниками», и помогать им в их связях с «черкесскими эмирами». Кроме того, он ему приказал успокоить черкесов и убедить их в том, что турки будут уважать их независимость после войны.

- 165. В ответ на просьбу об аудиенции Наиб ответил: «За вступление в связь с европейцами мои руководители меня уже подвергли опале, а от Мустафы Паши я получил вполне определенные распоряжения, запрещающие мне вступать в связь с английскими или французскими агентами и даже чем-либо помогать» (Сухум-Кале, 21 июля 1855 г., донесение № 5, подписал Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 180–189).
- 166. Там же. Михаил Шервашидзе, был генерал-лейтенантом русской армии; это был мусульманин, впоследствии обращенный в греческую православную веру, стремился заручиться поддержкой со стороны союзников, опасаясь, как бы в случае победы турки не отняли бы у него власть. Именно по его инициативе была установлена связь с Шампуазо.
- 167. Перевод депеши адресованной Британским Министерством иностранных дел Лонгворту (Longworth), в апреле 1855 г. и переданной Шампуазо. Там же. Листы 160–161.
- 168. Константинополь, 6 августа 1855 г., донесение № 8, подписано Тувенелем (Thouvenel), донесение № 11, CP, Турция, 321, листы 176–184.
- 169. Трапезунд, 9 мая 1855 г., донесение № 1, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 162–163; Сухум-Кале, 20 августа 1855 г., донесение № 11, подписано Шампуазо. Там же. листы 201–202.
- 170. Константинополь, 3 августа 1855 г., донесение № 3, подписано Тувенелем (Thouvenel) CP, Турция, 321, листы 185–188.
- 171. Париж, 21 августа 1855 г., донесение № 60, Валевский (Walewski) Тувенелю (Thouvenel). Там же. Листы 265–268.
- 172. Париж, 6 сентября 1855 г., заметка министра иностранных дел министру морского флота, Россия, 38, листы 194–196.
- 173. Сухум-Кале, 27 августа 1855 г., донесение № 12, подписано Шампуазо. Там же. Λ исты 203–204 и копия в CP , Турция, 322, Λ исты 15–18.
- 174. Опала Мустафы была непродолжительной. Уже 30 октября он возвратился в Батуми (Батуми, 30 октября 1855 г., донесение № 16, подписано Шампуазо. Там же. Λ исты 228–229).
- 175. Батуми, 30 сентября 1855 г., донесение № 14, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 214–217; Сухум-Кале, 16 октября 1855 г., донесение № 15, подписано Шампуазо. Там же. Λ исты 220–224.
- 176. По вопросу имени турецкого комиссара, которого могли бы назначить, произошло недоразумение, вместо Эниса Эфенди (Enis Effendi), который был навязан английским послом лордом Стретфордом (Stratford), по ошибке было объявлено имя Эмина Эфенди (Emin Ef-

fendi). Шампуазо отрицательно относился к Энису Эфенди, донесение № 15 и № 16, указанные в пунктах 175 и 174; Константинополь, 8 окт. 1855 г., донесение № 42, подписано Тувенелем (Thouvenel), CP, Турция, 322, листы 280–291.

177. См. донесение № 15, указанное в пункте № 175.

178. Константинополь, 1 ноября 1855 г., донесение № 53, подписано Тувенелем, *СР*, Турция, 323, листы 4–12.

179. Париж, 13 ноября 1855 г., донесение № 78, Валевский Тувенелю.

Там же. Λ исты 65–67.

180. Сухум-Кале, 4 февр. 1856 г., донесение № 22, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 246–249.

181. См. выше. 178.

182. Сухум-Кале, 16 янв. 1856 г., донесение № 7, подписано Шампуазо, MD, Россия, 38, листы 242–245.

183. Трапезунд, 17 марта 1856 г., донесение № 24, подписано Шампуазо. Там же. Λ исты 259–260.

184. Константинополь, 26 апр. 1856 г., донесение № 40, подписано Тувенелем, CP, Турция, 325, листы 277–286.

185. Константинополь, 8 мая 1856 г., приложение к донесению № 44, подписано Тувенелем. Там же. Листы 346–349.

186. Лондон s.d. (май 1856 г.), донесение № 149, подписано Персиньи (Persigny), Россия, 38, лист 258.

187. Париж, 17 мая 1856 г., донесение № 33, Валевский Тувенелю, *СР*, Турция, 325, листы 359–360.

188. Санкт-Петербург, 20 окт. 1859 г., донесение № 59, подписано герцогом де Монтебелло (Montebello), *CP*, Россия, 219, листы 288–292.

Это донесение содержит интересный отчет о встрече посла и Шамиля в Санкт-Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

Французская консульская корреспонденция как источник по истории Черкесии XIX века	5
La France et le Caucase à l epoque de Chamil [à la lumière des depeches des consuls français]	20
Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов	84
1. Французские консулы и их средства информации	88
Тифлис: У источника официальной информации	88
Одесса: Под властью Воронцова	101
Трапезунд: Информация о черкесском фронте по данным турецких источников	109
Эрзерум: Упорные слухи о возможности французской интервенции	116
2. От информации до самой интервенции	119
Растущее влияние общественного мнения	119
Французские стратеги о завоевании Кавказа	133
Мираж Шамиля	137
Несбывшиеся планы Шампуазо	144
«Забытый» Кавказ	154

Научное издание

Руков. науч. проекта, сост., ред. и автор вступительной статьи Дзамихов Касболат Фицевич

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(историографические и источниковедческие аспекты)

МИШЕЛЬ ЛЕЗЮР

ФРАНЦИЯ И КАВКАЗ В ЭПОХУ ШАМИЛЯ В СВЕТЕ ДОНЕСЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ КОНСУЛОВ

Макет и техническое редактирование И.Х. Кушховой

> Корректор 3.В. Черкесова

Художественное оформление: К.Ф. Дзамихова, И.Х. Кушховой

Подписано в печать 25.11.2015 г. Формат 60х84 $^1/_{16}$. Гарнитура Palatino Linotype Усл. печ. л. 10,5. Тираж 500 экз. (1-й завод − 100). Заказ № 143

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований» 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94 e-mail: kbigi@mail.ru

The Federal State Budgetary Science Establishment The Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research 360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street e-mail: kbigi@mail.ru